

К. Симмонс

К. Симмонс

СВЕТ В ПОТОЛКЕ

BEST ТРИЛЛЕР

СВЕТ В ПОТОЛКЕ

BEST
ТРИЛЛЕР

ОН смотрит на тебя.

ОН выбрал тебя.

ОН посадит тебя в маленькую комнату,

и

ТЫ будешь думать...

ТЫ сделаешь выводы,

ТЫ захочешь изменить всю свою жизнь.

Для этого надо не так много — всего лишь

ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ЗАПАДНИ...

МИР КНИГИ

ISBN 978-5-486-01793-3

9 785486 017933

Келли Симмонс

Свет в потолке

Kelly Simmons

Standing Still

МИР КНИГИ

Использование текста, в том числе фрагментов,
без разрешения правообладателя
запрещается и преследуется по закону.

Симмонс, Келли

С 37   **Свет в потолке** / Пер. с англ. Е.А.Каца. — М.: ООО
ТД «Издательство Мир книги», 2007. — 192 с.

Молодую талантливую журналистку Клер среди ночи похищает неизвестный. С какой целью? Угрожает ли жизни Клер опасность? Сумеет ли она, проведя неделю один на один с похитителем и узнав об истинных причинах похищения, простить своего мужа и начать жизнь с чистого листа? На все эти вопросы предстоит найти ответы читателю, следя за неожиданными поворотами сюжета этого динамичного романа.

ББК 84 (7Coe)

Copyright © 2004, 2005, 2006, 2007
by Kelly Simmons

All rights reserved

© Кац Е.А., перевод, 2007

© ООО ТД «Издательство

Мир книги», издание

на русском языке, 2007

ВОСКРЕСЕНИЕ

Апрель 1977, Рейсин. Поляроидный снимок. Мое выходное платье — голубое, как яйцо малиновки; оно развевается на фоне красных дверей церкви, словно флаг. Отец говорил, что в этом платье мои глаза становились бирюзовыми. Его нет в кадре, но я знаю, что он еще жив, стоит передо мной и фотографирует: не потому, что я это помню, а потому, что небо темное, мартовский ветер треплет мои длинные волосы, бросая их на губы, гнет молодые деревца у церкви, а я еще ничего не боюсь. Абсолютно ничего.

Я во всем виню своего мужа.

Женщины, которые спят с мальчиками, женщины, которые крадут в магазинах безделушки для коллекции, женщины, которые запирают детей в подвалах — до этого их доводят плохие мужья.

По словам моей матери, все дело в том, что у меня был идеальный отец. Рыцарь. Принц. Герой, рядом с которым все остальные мужчины кажутся мелкими и ничтожными.

Похититель вскрыл наш новый световой люк, как устрицу, проник через него и, совершенно мокрый, приземлился в спальне моей дочери. Но я виню в этом не плохой замок и не охранную систему. Пунктирная линия ведет не к архитектору, застройщику или инженеру, выбравшему материалы, которые повлияли на мою хрупкую психику. Нет. Никакие доводы не могут успокоить меня.

Но самое странное: я не виню и вторгшегося. И это объясняет все остальное, не правда ли?

Мой самоуверенный муж вызывает более сильную злобу, чем человек, который прокрался через плюшевые игрушки моей дочери, остановился, прислушался, а затем направился к ее кровати. Я злилась еще до то-

го, как узнала правду: почему он выбрал именно наш дом, именно нашу жестяную крышу и именно нашу дочь, любимицу Сэма. Кому нужны факты? Правду знает мое трепещущее тело. Ночью Сэм оставляет меня наедине с моими страхами и детьми, гром раскалывает небо, молния ломает деревья, как зубочистки, шум грозы заглушает стук складной лестницы преступника о стену моего дома.

Я стою на лестничной площадке с портативным телефоном в руке, держу палец на кнопке, но не решаюсь нажать на нее. Не слышно ничего, кроме стука моего сердца и шума дождя. Он здесь, и он умнее, чем я думала.

Апрель 2003. Родильное отделение больницы Сент-Кэтрин. Маленькие глазки Джордан, завернутой в одеяло, крепко зажмурены, словно она ожидает вспышки света. Я выгляжу как авиапассажир после окончания мучительного полета. Именно такое чувство испытывают все женщины после родов. Даже те, которые рожают в третий или четвертый раз. Да. Так говорит Сэм. И я сама тоже. Все боятся, у всех матерей бывают приступы паники — просто другие умеют их лучше скрывать.

Я помню день, когда узнала, что беременна ею. Выйдя из кабинета гинеколога, я переваривала новость. Вынужденная заботиться о других детях, я пыталась запихнуть их на автомобильные сиденья. Когда я застегивала пояс, руки дрожали так, что дребезжала пряжка. Джейми смотрела на них с таким видом, словно задвигались фарфоровые фигурки, стоящие в шкафу. Плохо, когда ребенок вздрагивает при виде рук испуганной матери, но хуже некуда, если он не доверяет их движениям.

— У тебя дрожат руки, — сказала она.

— Когда люди выходят из кабинета врача, они всегда выглядят не так, как до визита, — быстро ответила я.

Глаза Джейми были широко открыты, но смотрели по-доброму. «Жалеет меня», — подумала я. Даром что ей всего три с половиной. Я дважды кивнула для убедительности. А что, разве это была неправда? Страх или

улетучивается, или усиливается. Либо ты мнешь газету в руке, либо радостно вскидываешь кулак, узнав хорошую новость. Я не лгала ей.

Всего несколько минут назад Джейми играла с Джулией в куклы на столе в приемной. Она не видела, как мои ноги дрожали и как я плакала, глядя на экран монитора во время ультразвукового обследования.

Но эти необыкновенные глаза... Она не знает ничего или знает все.

Я крепко сжимаю руки, чтобы унять дрожь. Сзади маячит какая-то машина. Я оглядываюсь, желая удостовериться, что кто-то просто ждет места, а вовсе не для того, чтобы нажать на газ и умчаться во весь опор.

— Мамочка...

— Что, Джейми? — спросила я.

— Ты смущаешь меня.

— Какое большое слово. Какое большое, взрослое слово...

Мне следовало чувствовать себя счастливой. Стояло лето, отделка дома была почти закончена. Переезд и поиски денег остались позади. В конце концов я получила все, чего хотела — свой лабиринт с полами из ореха, свою клетку со стенами цвета светлого грунта. Но на кухне новые французские окна дрожали в открытых рамах, как будто знали, что на цветущий сад и зеленый двор надвигается что-то чуждое. Ветер прорывался сквозь жалюзи, пронизывал мой тиковый остров и шевелил льняные салфетки в серебряных кольцах.

Подул ветер, и я тут же направилась к окнам. Окна в Шоу-хаусе были прекрасными, они открывались широко, увеличивая обзор. Я то и дело подходила к ним и гладила ладонью деревянные рамы. Меня всегда искушала реклама «Окон Андерсона»: «Что, снова тянет к открытому окну?» Теперь они у меня были, но запоры казались мне недостаточно крепкими. Когда я возилась с последним, отгораживаясь от запаха травы, мне на руку упали две тяжелые дождевые капли. Стереть их не было времени.

Я ходила из комнаты в комнату и закрывала ставни. Еще раз проверила новенькие замки в спальнях дочерей наверху. Подоткнула одеяла и снова закрыла двери. Мать или тюремщица? Малышка Джордан уютно свернулась в своей «Оборванке Энн» — светлый шелк на ярко-красной шерсти. Следующая дверь. Кудри Джулии не отличить от меха хитрого мэнского кота Уиллиса. В комнате напротив спала Джейми, заложив страницу в книге пальцем. Я потихоньку вытащила книгу, заложила страницу салфеткой и спустилась вниз. На новом берберском ковре уже образовалась тропинка, но я ее еще не видела. Я замечу свои следы позже, когда у меня будет достаточно времени. Есть вещи, которые можно увидеть только позже.

Буря уже приблизилась к материку, тогда я собрала свечи, спички, фонарики, выглаженное белье, непрочитанную почту и разложила их в гостиной. Сидела одна на четырехметровом замшевом диване, кусала ногти и смотрела фильмы, финал которых уже знала. Волновалась даже во время рекламных роликов. Каждая вспышка и грохот усиливали уверенность в том, что молния найдет что-нибудь металлическое, и у меня по спине пробегали мурашки.

Когда от ногтей ничего не осталось, я сложила одежду и собрала чемоданчик на завтра. Рюкзаки девочек были уложены. Я написала записку приходящей няне Элизабет, чтобы она забрала девочек из летней читальни и отвела их в бассейн. Потом стала разбирать почту, накопившуюся за неделю. Вынула из пачки знакомый синий каталог Тиффани. Он был меньше других и казался скромным, несмотря на содержание. На последней обложке мужчина в сером костюме держал шкатулку из бирюзы. Эта фотография напоминала стихотворение. Изгиб красивых пальцев, полоска костюма... Я оторвала обложку и сунула ее в чемоданчик, чтобы рассмотреть на досуге. Там уже лежали блокнот, старое удостоверение о награждении премией за лучший американский репортаж и наброски сюжета о детском труде, существующем только в моем воображении. Так утверждает мой босс Майкл. «Клер, — с придыханием говорит он,

безбожно растягивая это односложное слово, — ты не в трущобах третьего мира, а в пригороде. Подозрения — это одно, а улики — совсем другое». Но какая разница, если по спине бегут мурашки? Как разделить одно от другого? В отличие от меня, Майкл никогда не имел дела с преступниками, никогда не работал за границей. Он знает только одну сторону зла, а я — сотни. То, что для меня норма, для него — паранойя.

На экране Хью Грант переводил через дорогу Сандру Буллок. Я не смогла найти ножницы (аппликация? домашнее задание?) и открыла пакет от Неймана зубами. В белую ткань были завернуты три детских купальника с цветочным рисунком и пеньюар из розового шелка, который я заказала, чтобы сделать сюрприз Сэму. Заказала по каталогу так, словно действительно верила в безграничные возможности этого бумажного мира.

Одеяние, лежавшее у меня на коленях, казалось поразительно маленьким. Какой фильм я смотрела в тот момент, когда делала заказ? Я стащила с себя топ, шорты и натянула пеньюар, не удосужившись застегнуть крючки. Лиф сдавил меня как тисками. Медальон с детскими локонами утеснился над треугольным вырезом. Но шелк, касавшийся моих бедер после обычной хлопчатобумажной пижамы, опьянял. Я погрузилась в это ощущение и расслабилась. Легла на замшевый диван, после чего мерный шум дождя сделал свое дело. Я уснула.

Новые световые люки смонтировали накануне, после этого все темные уголки дома залил свет. Финальный аккорд. Этого Сэм еще не видел, его где-то носило не то третий, не то четвертый день. Симпозиум, конференция, турнир по гольфу. Теперь и спорт стал частью бизнеса. Неразборчиво произнесенные названия фармацевтических фирм, его клиентов, сливались в моей памяти с названиями роскошных отелей. Он говорил, но до меня эта информация не доходила. Какая разница, где он и с кем? Я знала все, что мне требовалось: ему подадут бифштекс, принесут чистые полотенца, а я тем временем буду дома сортировать его носки.

В два часа ночи что-то стучит по крыше, и я просыпаюсь. Пошатываясь, иду на кухню и сражаюсь со спрятанным от детей пузырьком ксанакса*. Мне трудно отвинчивать пробки; даже после года физиотерапии рука все еще плохо слушается. Ветер засыпает щепками новую жестяную крышу. Бронзовая с зелеными пятнами, крыша красивая, но слишком шумная. Мне говорили, что за все нужно платить, но я поняла это слишком поздно. Белки считали эту крышу чем-то вроде trampolina. Дождь бил в нее, как в литавры. Новые световые люки раздражали. С лестничной площадки казалось, что это соло на барабане. Таблетку я проглатываю вместе со слезами. Я не тот человек, который может жить в шумном доме.

Внезапно до моего сознания доходит негромкий, но отчетливый звук. Не то щелчок, не то скрежет. Я смотрю вверх, словно ответ написан на потолке. Звук раздается вновь, и я изо всех сил пытаюсь сменить отрицательные эмоции на положительные. Я стою на кухне деревенского дома, который на самом деле никогда не был деревенским, и действительно высказываю свои мысли вслух: «В такие ночи люди никогда не вламываются в чужие дома. Это гроза. Это ветер. Это белки скачут по новой жестяной крыше». Когда я произношу слово «жестяной», что-то надо мной — высоко надо мной — громко щелкает, а потом раздается треск. Это не белки, нутром чую. Стекло. Звон стекла.

На другом конце кухни мигает портативный телефон. Я иду к нему беззвучно, но суставы рук и ног скрипят. Маркеры и ручки на месте, а вот ножниц нет. Я прохожу мимо стола с лежащим на нем бельем и обвожу взглядом все, что находится впереди. Черт бы побрал эти изогнутые синие дверные ручки без стального острия! Позже я ругала себя последними словами за то, что прошла мимо множества орудий: очиненных каран-

---

* Препарат, применяющийся для снятия синдрома панического страха, депрессии, других невротических расстройств. — Здесь и далее прим. пер.

дашей, тяжелых ваз, ядовитых аэрозолей... Я снимаю обручальное кольцо и перстень с бриллиантом, сжимаю их в кулаке и поднимаюсь по лестнице с таким видом, словно ночью вхожу в метро.

Добравшись до лестничной площадки, заглядываю в спальню Джейми и вижу у стены множество плюшевых зверей. Ощущаю запах дождя, влажной ткани и кожи. Потом я буду думать, что так пахли Его ботинки и мокрая рубашка. Он молчит и прячется, но мне кажется, что Он слышит, как я дрожу в дверях, стуча зубами. Наконец я различаю контуры Его лица и глаза, человеческое тело среди плюшевых медведей, тряпичных клоунов и кукол с нейлоновыми волосами, лежащих на полу спальни.

Я дрожу, но не ахаю и не кричу. Конечно, Он здесь, я ждала Его, много лет слышала, как Он идет. Каждую ночь, когда Сэм оставлял меня наедине с моими страхами, и треск дерева казался мне звуком шагов, каждая оторвавшаяся ветка — взломщиком, и каждый щелчок — сигналом охранной системы. Я всеми силами заклинала Его показаться, и, наконец, это случилось.

Он моложе, чем Тот, кто являлся мне в кошмарных снах.

Плюшевый зоопарк приглушает наше шумное дыхание. У меня колотится сердце. В комнате моей дочери находится человек. Я боюсь смотреть в ее сторону, вдруг это привлечет Его внимание? Я чувствую, что она спит, слышу ее сонное дыхание, не похожее на наше с Ним. Смотрю только на Него.

Это больше чем интимность. Интимнее, чем мыться в одной ванной; интимнее, чем брать в рот окровавленный палец своего ребенка. Он смотрит на меня. Я смотрю на него. Встреча Раскаяния со Страхом. Если он — Раскаяние, то я готова сыграть Страх.

Он делает шаг, но не в мою сторону. Предупреждающе прижимает палец к губам и бесшумно, как кот, крадется к кровати с балдахином.

— Нет! — кричу я, но изо рта вырывается лишь слабый хрип.

Он подхватывает Джейми. Девочка толком не проснулась, но, как ни странно, складывается впечатление, что у Него на руках ей уютно. Нежное личико покраснело от сна, шелковистые каштановые волосы ярко блестят. Волосы как у Сэма.

Я опускаюсь на колени и выдавливаю из себя самые бесстрашные слова, на которые способна:

— Возьмите меня. Не ее, а меня.

Стыдно признаться, но, когда он делает это, особого облегчения я не чувствую.

1979, Озеро Каверн. Рыбка на леске совсем маленькая, должно быть, пескарик. Но видно, что она извивается. Сражается, как марлин, сгибает бамбуковое удилище. Ноги отца стучат по палубе, а его глаза смотрят на меня в упор. Глаза, но не камера, регистрирующая мой подвиг. Если вы внимательно всмотритесь в фотографию, то увидите зеленую банку с червями, предрассветный полумрак, сулящий долгий и жаркий день, и, наверное, поймете, что случилось потом. Отец освободил рыбку, и мы стали следить за тем, как она уплывает навстречу своему будущему. Он пытался научить меня подсекать крючок, а вместо этого научил нырять с мола. А если вы способны хоть чуть-чуть шевелить мозгами, то догадаетесь и о том, что было раньше. Моя мать поднесла к глазам камеру «Свингер» и прокомментировала то, что увидела в видеоискателе.

— Сына, которого у тебя никогда не было, — сказала она.

— Сумочка в спальне, — выдавливаю я, обращаясь к Джейми. Одной рукой Он держит меня за горло, а другой бережно кладет Джейми в кровать. Может быть, Он не так уж жесток? Снова оказавшись в кровати, девочка трет глаза, не веря тому, что видит: кто-то уводит ее мать в одном белье. Картина, достойная тысячи часов на кушетке психоаналитика.

«Сумочка в спальне». Это мои последние слова. Не «позаботься о сестрах», не «я тебя люблю». Если бы он

убил меня, это был бы мой последний завет. Позже я буду ругать себя. Знала ли девочка, как пользоваться сотовым телефоном, лежавшим в кармашке на молнии? Вряд ли она догадалась бы нажать на нужную кнопку.

Его рука зажимает мне рот. Один палец прижимается к моей скуле, другой — к носу. У этих пальцев вкус земли. Рука садовника, цветовода, ботаника, копателя неглубоких могил. Мой подбородок дрожит, слезы текут в ладонь, и Его хватка становится крепче.

Я оглядываюсь. Джейми озаряет свет ночника. Моя дочка, мой прекрасный серьезный первенец. Синие ножницы лежат на ее письменном столе рядом с домашним заданием, полученным в летней читальне. Она видит на моих глазах слезы, но не кричит, не говорит и не идет следом. Моя младшая, Джордан, настоящий тигренок; она прыгнула бы Ему на спину. От крика средней, Джулии-полуночницы, вечно засыпающей последней, небо рухнуло бы на землю. Похоже, Он сделал правильный выбор.

На середине лестницы мне кажется, что Джулия повернулась во сне и вздохнула. Перед глазами ее влажные кудри, разметавшиеся по подушке, одно ухо невольно слышит шаги в коридоре. При мысли о том, что я в последний раз поправляла ей одеяло и прощалась на ночь, у меня сжимается сердце. Я открываю рот и кричу прямо в Его пальцы. Он крепко обхватывает мою талию. Мои носки цепляются за ковер, пятки тормозят и скользят. Нет. Невозможно оставить их одних. О чем я думала? Ожоги на моих ступнях — наказание за предательство.

Он тащит меня все сильнее, слишком поздно.

Неужели Ему хватило одного взгляда на меня в пеньюаре, взмокшую от пота, с грудью, вздымавшейся от страха, чтобы решить, что я стою больше шестилетней девочки? Он смотрел мне прямо в глаза. Оценивал. В ту долю секунды, когда мы наверху мерились взглядами, мои недостатки скрывал полумрак, и Он подумал, что я сексуальна, хороша собой и представляю большую ценность. Похоже, я застала Его врасплох.

За дверь Он заклеивает мне рот, обматывает запястья липкой лентой, прижимает к себе и волочит дальше. Плиты дорожки сдирают лак с моих ногтей. Когда мы сворачиваем за угол штакетника, я ощущаю запах сирени, чувствую, как моих лодыжек касаются мокрые голубые гортензии. Пейте, хочется мне крикнуть заклеенным ртом. Черт побери, кто теперь будет вас поливать?

Склон холма длинный и крутой. Он тащит меня наверх. Я не сопротивляюсь. Теперь это кажется невозможным. Я полуголая, мокрая и лишена своего единственного оружия. Ветер хлещет моими длинными волосами по губам и щекам. Острия впиваются в босые ноги. Почти невидимые частицы дерева и жести, гнутые гвозди, обломки пластмассы — словом, все, что завтра собирались убрать. На вершине холма стоит машина с открытой дверью. Что это, моя триумфальная колесница или катафалк? Уличный фонарь не горит, внутри машины темно.

Он толкает меня на пассажирское сиденье. Вот оно, следующее преступление, подготовкой к которому были моя мания и ксанакс. Я совершенствуюсь.

Мои мокрые ноги касаются мягкого и теплого сиденья. Я моргаю, испытываю облегчение и поражаюсь собственным мыслям. Это совсем не так плохо, как мне представлялось. Кроме того, впервые за десять лет брака наши роли переменились: теперь уже Сэм не будет знать, где нахожусь я.

Сентябрь 2005, Пуэрто-Вальярта. Плохой оттиск со снимка, сделанного цифровой камерой. Смазанный, словно кто-то второпях выдернул бумагу из принтера. Камуфляжные брюки Сэма засучены до колен, на леске болтается крупная рыба. Его левое предплечье напряжено, на запястье блестят золотые часы, которые я подарила ему на свадьбу. Даже не представляю себе, как этот снимок попал в Коробку.

Кажется, в тот день я отвозила его в аэропорт, чтобы Сэму не надо было платить за недельную парковку автомо-

бия. У тротуара Сэм вручил свои сумки носильщику, а мне отдал четыре маленьких свертка, которые нужно было отправить по почте из моего офиса.

— Не забудь, — добавил он.

Я посмотрела на первые адреса: Мехико, Канкун...

— А разве ты сам едешь не туда?

Я что-то помнила о группе молодых клиентов, любивших серфинг и подводное плавание, и об обеде, который доставляют из четырехзвездочного отеля прямо на пляж.

— Я хочу, чтобы они прибыли после моего отъезда.

— Почему?

Он запинается. На его месте другой промышлял бы что-нибудь неопределенное. А Сэм просто молчит как каменный.

— Это подарки. Их нужно доставить точно в срок, — наконец говорит он.

— Тогда почему не отправить их через «ФедЭкс»?

Он качает головой. «ФедЭкс» гарантирует точность доставки только в Штатах.

— Значит, почте ты доверяешь больше?

Сэм пожал плечами, а я вздохнула. Интересно, на работе он такой же скупой? Его партнер Хью, друг с начальной школы, обладавший теми же вкусами, тем же цветом волос и даже машиной той же марки, что и Сэм, отличался от него, по крайней мере, в одном: плевал на деньги. Впрочем, я догадывалась, что Хью был богат от рождения, а потому и тратил больше. Как-то при мне он выложил тысячу долларов за устрицы, устраивая обед для клиентов. Хью был членом десятка гольф-клубов, разбросанных по всей стране. «Если хочешь, чтобы тебя принимали за игрока, то должен вести себя соответственно», — говорил он. Я не представляла себе, как он умудрялся ладить с прижимистым Сэмом, покупавшим ручки оптом, а мебель — на распродажах. Если так, то зачем вообще посылать за границу какие-то подарки?

Сэм пригладил руками волосы, все еще длинные и каштановые, без намека на седину. Когда свет падал на его волосы под нужным углом, они блестели так же, как в вечер нашей первой встречи. Но теперь чаще всего он

приезжал затемно. Я не видела его даже тогда, когда он был дома.

— Я доверяю тебе, — сказал он и, кажется, не кривил душой. Теперь я уже не уверена, что отвечала ему тем же.

Он поцеловал девочек в лобики, меня в щеку и исчез за вращающейся дверью. Красивый, быстрый. Только что был здесь и вдруг испарился. Носильщик смотрел ему вслед и качал головой. Я вынула пять домаров и протянула ему.

Когда я разворачивалась, свертки посыпались с сиденья. Я начала их подбирать и увидела, что один сверток адресован мне. Я улыбнулась. Один из «неподарков» Сэма. Месяц назад, улетаю во Флориду, он завернул в бумагу дубовый листок и записку: «Ненавижу оставлять тебя одну, как этот лист». Черт побери, это абсолютно в его стиле: быть обаятельным и скупым одновременно. Я вздохнула и начала описывать длинный круг, ведущий к скоростному шоссе. В зеркале заднего вида были видны головы моих дочек. Я представляла себе Сэма в самолете, летящем на юг.

— Можно нам на речку? Пожалуйста, мамочка!

Джейми, самая старшая и больше всех похожая на Сэма, сложила руки, как малышка, просящая еды.

Предлога для отказа у меня не было: ни занятий в школе, ни визитов к врачу, ни встреч с жительницами пригорода, ни вызова водопроводчика. Они увидели мои глаза и поняли, что победили.

Я кивнула, свернула налево и поехала к реке. Именно в такие места меня когда-то возил отец. Они не так пустынные, как можно было ожидать: застройщики смекнули, что даже грязная река — это все-таки река, даже если она течет вдоль помойки и берега у нее топкие. Тут были бар, буфет, танцплощадка с подсветкой и небольшой променад с магазинами, торговавшими вещами, которые могли купить отдыхающие: очками от солнца, панамы, мятными лепешками...

У буфета я свернула направо и тут же налево. Асфальт сменился гравием, а затем грунтом. Деревья по обе стороны стали выше. Я включила четыре ведущих колеса, довольная, что теперь день. Однажды я ехала

с девочками на закате и, не отрываясь, смотрела в зеркало заднего вида, следя за подозрительными машинами — особенно потрепанными фургонами с затемненными стеклами. «Карманн гиа» Дэвида. Когда я представляла себе, что он нашел нас, это всегда происходило именно на такой дороге — гравийной, усаженной деревьями, пустынной, — но только ночью.

Мы миновали фургончик и куда-то шедших двух мальчишек, на шеях которых раскачивались бинокли. Если не считать их, мы были одни. «Вот и хорошо», — сказала я себе, припарковалась и извлекла девочек из их сидений. Они забрались на серебристый капот моего «лендкрузера» и легли рядышком; мотор грел им спины и попки. Я стояла рядом. Через неделю здесь должны были появиться москиты, жара, грязь, но сейчас ничего этого не было.

Мы смотрели в небо и ждали первого самолета. Однако вылетели сразу три, пугающе близко друг от друга. Я нахмурилась.

Куда смотрит начальство? Мне тут же представились диспетчерская, взлетная полоса, работники наземной службы, лопающие сэндвичи, хохочущие над сальными шутками и ни на что не обращающие внимания.

Самолеты были бело-красные, а мы ждали серебристо-голубой; именно такими были фирменные цвета компании, услугами которой всегда пользовались Хью и Сэм. Когда появился нужный, девочки приветствовали его радостными воплями.

— До свидания, папочка! — крикнула Джейми.

— Папа, ты меня видишь? — Маленькая Джордан села и раскинула руки; ее короткие светлые волосы блестели на солнце. — Я здесь!

Я невольно улыбнулась. Дети были уверены, что отец их видит; стоило ли их разочаровывать?

Когда лайнер пролетел, я хотела сесть в машину, но девочки стали просить позволить им проводить еще один.

— А вдруг на нем полетит кто-нибудь знакомый? — Джулия смотрела на меня большими умоляющими глазами.

— Ладно, — сдалась я.

Повода для отказа не было. В этом заключался мой родительский стиль: все разумные просьбы следует удовлетворять.

Следующий самолет был меньше и летел ниже, показывая брюхо: неправдоподобно маленькое шасси, делавшее его похожим на грузную женщину с крошечными ножками, прямоугольные двери, люки и другие детали, которые могли открываться и закрываться, действовать и ломаться. Я закрыла глаза, но мне тут же привиделся самолет, разваливающийся, как детская игрушка. Мои губы сложились, готовые произнести слово «стоп»: именно этот способ рекомендовали врачи. Если хочешь избавиться от неприятных мыслей, нужно дать им команду. — Ближе, ближе! — кричали мои дети. — Быстрее, быстрее!

— Стоп, стоп, — прошептала я.

Поднялся ветер, и я открыла глаза. Но следила не за небом, а за моими девочками. Их короткие светлые волосы разлетались, подхваченные струей воздуха.

— Я тоже хочу улететь! — крикнула Джулия, и я чуть не заплакала. Эти слова вонзились в мое сердце, как нож.

И ты тоже? Нет, нет.

Не улетай.

Голос у Него мрачный, фразы деловитые, но гласные в середине слов согреты легким акцентом. Странно, похоже на цитату из любовного романа. Он говорит, что я могу снять липкую ленту. Мне приходит в голову, что Он брезглив; я тоже терпеть не могу снимать со своих дочек бинты. Выходит, у нас есть что-то общее? Я осторожно освобождаю концы ленты, стараясь не дергать короткие светлые волоски вокруг губ.

— Не кричите, — говорит Он.

Я делаю глубокий вдох, растягиваю уголки рта.

— А говорить можно?

Он не возражает.

— Вас послал Дэвид? — хрипло говорю я.

Несколько секунд Он смотрит на меня, потом поворачивается к двери. Его экономные движения и молча-

ние напоминают мне последнее свидание, когда я была в комнате с Дэвидом. Ножницы, думаю я. То, приближения чего ты не видишь.

Я слышу какой-то шорох. Он поворачивается ко мне, держа в руках толстую веревку и ножницы. Вот и ответ. Сначала он связывает мне лодыжки, потом тянется к моему правому запястью и разрезает липкую ленту. Когда Он добирается до шрама, Его пальцы останавливаются. Уплотнение кожи заставляет Его замедлить движения. Он смотрит на меня, но молчит. Может быть, во время своей работы Он видел шрамы и похуже?

Он затягивает веревку и качает головой. Спрашивает, не туго ли.

— Туго, — решаюсь тихо ответить я.

Кольца все еще повернуты внутрь, он не трогает мою левую руку и не снимает их. Просовывает палец между веревкой и самой нежной частью моего запястья. Я вспоминаю, что так же проверяла ошейник Рекси до того, как она убежала. Он вынимает палец и делает то же самое с моим левым запястьем. Но это не кончается ничем. Он не ослабляет веревку. Проверять можно что угодно. Некоторые пишут на запястьях номера комнат, дуют на горячую пиццу. Другие запасаются наручниками, покупают лишнюю липкую ленту, ставят стулья под двери. Он хочет убедить меня, что заботится о моих удобствах. Промывание мозгов, первая ложь.

Я ошиблась, приняв это за мягкость.

— Послушайте, мне нужно позвонить их няне, моей свекрови, кому-нибудь...

Щелкает пряжка ремня безопасности, с которой не могут справиться дети, и я вздрагиваю.

— Пожалуйста...

— Нет.

Мои девочки знали как быть, если кто-то незнакомый станет тащить их в машину: брыкаться, кусаться, кричать во все горло. Но я сама ничего этого не сделала. Только вежливо попросила, но на Него моя вежливость и чары не подействовали. Придется искать другой способ.

Обвожу взглядом переднее и заднее сиденья. Ничего похожего на оружие там нет. В фильмах всегда можно схватить бутылку или зажигалку. Но в этой машине пусто. Он наблюдает за тем, как я мысленно составляю опись. Отделение для перчаток, скорее всего, закрыто. Поджимаю пальцы ног и шарю ими по полу. Ничего, только грязь, если не что-нибудь похуже. Остается надеяться, что крови нет. Если Он меня не убьет, то я умру от столбняка.

Во рту становится горько. Я думаю о смертельных уколах, выстрелах, боли, ударах штыком, виселицах, войне, голоде, наводнениях. Все это разом мелькает в моем мозгу, как музыкальная тема смерти. А потом меня начинает трясти. Я думаю об открытом багажнике, представляю себе его содержимое. Все для смерти.

По моим щекам текут слезы. В перерыве между приступами дрожи я качаю головой: нет.

— В багажнике есть одеяло, — говорит он, слыша, как я стучу зубами. Конечно, там должно быть все: одеяла, мешки для мусора, липкая лента, веревка, а заодно лопата и топор. *Его руки пахли землей.*

Он включает двигатель и переводит терморегулятор от синей отметки к красной. Моих ног касается струя пыльного горячего воздуха, но тело продолжает дрожать. Машина трогается с места.

— Пожалуйста, позвоните моей свекрови, — шмыгая носом, прошу я.

Молчание.

— Тогда хотя бы скажите мне, на кого...

— Я не знаю никакого Дэвида, — обрывает Он.

— Может быть, он пользуется своим вторым именем? Джонатан?

Машина выезжает на улицу, и тут пальцев моей правой ноги касается какой-то предмет.

Дрожь пробегает по телу.

Он нагибается и начинает шарить правой рукой, держа баранку левой. Поднимает предмет и бросает по другую сторону щитка, словно зная, что это. Предмет напоминает желтоватую статуэтку. Дева Мария?

— Вы католик? — выпаливаю я.

— А что? — холодно спрашивает Он. — Хотите, чтобы я за вас помолился?

Я оглядываюсь на темный дом. В трех окнах горят бледно-зеленые ночники. Мы отъезжаем, свет ночников удаляется, напоминая светлячков. Может быть, прочитав молитву и попросить Господа выполнить то, что обязана была сделать я? Защитить моих дочерей в их кроватках, позаботиться об их спасении? Да. Едва я произношу эти слова, как ощущаю облегчение. Конечно, если человека крадут ночью, ему начисто отказывают мозги, тем более что я давно нуждалась в отдыхе.

Глотаю комок в горле и снова обретаю способность думать, как положено журналисту. Кто и почему? У Дэвида есть мотив. «Что» — это я; «когда» — сейчас. Что мы имеем? «Катласс», велюровый салон; выпущен минимум пятнадцать лет назад. Недаром я боялась старых машин. Он похож на итальянца, но¹слишком рослый: выше ста восьмидесяти. Католик или нет? Я смотрю на его руки, запястья и согнутые предплечья. Ни татуировок, ни особых примет. По мне, он может быть кем угодно. Его внешность мне незнакома.

Почему? Неужели это просто случайный человек, которому понадобились деньги? В моем доме бывали сотни людей в грязных ботинках, мятых рабочих рукавицах, с пыльными волосами. Некоторые приходили на рассвете, субподрядчики — ближе к десяти. Они видели бытовые приборы за десятки тысяч долларов. Ставили ванну, стоявшую больше, чем их автомобили. Я каждый день приходила домой и видела следы их пребывания: кофейные чашки, окурки, замасленную бумагу из-под пирожков. Их ДНК, остатки слюны. У них были ключи от моей входной двери. Они открывали мой холодильник и почтовый ящик, оставляли свои рукописные счета, запачканные смолой и клеем. Я помнила многих из них, но не всех. Меня интересовал только тот, кто залез в дом. Нет, Его среди них не было. Его я бы запомнила. Два вечера назад, в полночь, по нашему переулку проехала машина, слышно было, как что-то звякнуло в контейнере со строительным мусором.

Я выбежала из дома с фонариком, боясь, что нам подкинули труп, ребенка, отрезанную конечность... На куче дерева и пластмассы лежала блестящая микроволновка без дверцы. В моих ушах прозвучал голос Майкла: «Подозрение — это еще не улика».

Кто? Я думаю о Джейми, по-прежнему лежащей в своей кровати, об описании ее внешности, которое мне теперь не придется составлять, о веснушке на безымянном пальце, о маленьком шраме на подбородке. О школьной фотографии в рамке, которую я могла бы отдать полиции. О фотографии, на которой запечатлена незнакомая девочка с вымученной улыбкой. В прошлом году Джордан увидела, что я поморщилась, когда мыла посуду, и спросила:

— Мамочка, тебе все еще больно? И будет больно всегда?

Знают ли мои дочери, как я выгляжу? Я представляю себе, что их опрашивает полиция. Они идут к коробке с шестьюдесятью четырьмя цветными карандашами, достают тот, на котором написано «пшеница», и рисуют меня. Мою правую руку они рисуют более темным карандашом.

«Они найдут мой сотовый телефон, — говорю я себе. — *Найдут*. А ноги у меня грязные, но не поцарапанные». Мои губы безостановочно произносят эти фразы. Я заменяю плохой сценарий хорошим.

На шоссе пустынно. В разгар ночи на машинах ездят только изгои. Мы присоединяемся к неудачникам, отверженным, взбадривающим себя кофеином.

Навстречу едут несколько грузовиков и один легковой автомобиль. Услышав шум мотора, я поднимаю связанные запястья и машу ими.

Он ловит их на лету, словно муху. Руки опускаются легко, без сопротивления, как у куклы.

— Если сделаете это еще раз, отправитесь в багажник, — грозит Он.

Куда? Я снова глотаю комок в горле. Это стандартная угроза или Он знает? Может быть, Он был со мной в застрявшем лифте? Когда в прошлом году на вечеринке

с сюрпризами Джош попросил нас спрятаться в шкафу с темными шерстяными пальто, я пыталась втянуть в себя воздух и кусала губу до тех пор, пока она не треснула. Теперь я думаю о багажнике, о последнем луче света, темноте и щелчке. Завершающем металлическом щелчке, напоминающем щелчок предохранителя.

— Нет! — кричу я и мотаю головой. — Не надо в багажник!

— Тогда не вынуждайте меня, — отвечает Он.

Велюровая обивка сидений не согревается. На свое тело я тоже не могу положиться. Тонкие ногти, хрупкие кости, череп, небо. Все это проходит перед моим внутренним взором. Никаких спелых слив, никакой шерсти. Только твердое.

Настоящее безумие. Это может продолжаться до бесконечности. Я закрываю глаза. «Стоп», — шепчу я и щиплю свое левое предплечье, пока то не начинает ныть. «Стоп», — снова говорю я! Это все равно, что учить самолет падать.

— Что?

— Ничего, — отвечаю я, и это правда. Действительно ничего.

Проходит несколько минут. Я не шевелюсь, боясь Его спровоцировать.

— Не могли бы вы оказать мне услугу? — наконец шепчу я. — Не могли бы вы хотя бы сказать мне...

— Нет.

Я стискиваю зубы и даю себе зарок больше не спрашивать. Все равно это не имеет никакого значения.

— Почему вы не пришли раньше? — спрашивает он через несколько минут.

— Что?

— Разве вы не слышали, как я шел по этой чертовой крыше?

— Я думала, это белка, — отвечаю я.

Он отворачивается и смотрит на дорогу.

Навстречу медленно едет автомобиль, битком набитый подростками. Девушка на пассажирском сиденье улыбается нам через стекло. Я наклоняюсь вперед

и произношу губами «помоги». Она поворачивает голову набок, словно хочет спросить: «Что?» А потом они проезжают мимо. Мы не вызываем у них подозрений. Они думают, что мы муж с женой или сестра с братом. Я тоже думала, что это белка.

Стараюсь успокоиться, делая ритмичные вдохи и выдохи. Примерно через полчаса мне это удастся, понимаю, что Его вопрос о крыше меня задел. Я не проявила любопытства, которым должен обладать каждый домовладелец. Побежала не к ящику со столовыми ножами, а к телефону. Но вместо того чтобы взять сотовый телефон с собой, поднялась по лестнице, оставив его внизу. Неужели у тебя в доме нет баллончика со слезоточивым газом? Я смотрю на Него, сидящего за рулем, и испытываю желание надерзить. Хочу сказать, что хорошие взломщики заранее проводят разведку территории и обращают внимание на все — в том числе на жестяную крышу. В конце концов, момент вторжения — это всего лишь момент воплощения идеи. Все знают, что ему предшествует долгая подготовка. Даже я. Внезапно в моих ушах звучит голос Сэма. Это не соревнование, всегда говорит он. Нет, соревнование. Я учитываю все, всегда веду счет, вижу в воздухе тайные знаки. Даже когда мы с Сэмом танцуем, я всегда считаю, сколько раз он наступил мне на ногу — даже слегка.

Нужно как-то доказать преступнику свое моральное превосходство. Я молчу и глубоко дышу. Если начну с Ним ссору, то наверняка разревусь. А реветь нельзя. Это признак слабости.

На знаках у начала боковой дороги указывается расстояние до следующего населенного пункта. Легко заниматься математикой, если ты взрослый, не связан, не принимал ксанакс, не боишься отправки в багажник и раны в пятке от ржавого гвоздя. Но тебе все равно нужно знать, где ты находилась, когда пришла в себя. Я этого не знала. Факты в моем мозгу не удерживаются. Именно эта моя черта бесит Сэма больше всего. «Сколько дней меня не было? Сколько раз за это время был дождь? Какая температура будет завтра?» Когда я говорю, что не знаю,

на его лице отражается досада. Во время работы в Европе и на Ближнем Востоке я занималась своими репортажами так рьяно, что не замечала ничего вокруг. Просыпалась в разгар песчаной бури или наводнения, звонила администратору гостиницы и спрашивала, что, черт возьми, происходит. Смотрела по сторонам, но не видела приближавшейся опасности.

Перед нами возникает мокрый зеленый знак с цифрами «36». Я проезжала его десятки раз, когда отправлялась на север, но никогда не замечала. 36 миль отделяло нас от какого-то городка — либо роскошного, либо убогого. Все зависело от того, кто его открыл: нищий авантюрист Колумб или богатый аристократ Магеллан. Я догадывалась, что мы находимся всего в паре часов езды от дома.

Он включает сигнал поворота, и я оцениваю это по достоинству. Конечно, менее цивилизованный преступник свернул бы без всякого предупреждения. Транспортная развязка идет против часовой стрелки. Я по инерции наклоняюсь к нему. Шины скрипят, и это придает моим мыслям новое направление: а вдруг прокол?

— Ваш муж часто уезжает, — говорит Он.

Мои щеки вспыхивают. Соль на рану. Сэм уезжает, а я остаюсь. Я прикусываю язык и мечтаю, чтобы липкая лента снова вернулась на место.

— На прошлой неделе его не было четыре ночи, — продолжает Он, подливая масла в огонь.

Значит, Он все-таки сделал домашнее задание. Но это было нетрудно. Подсчитать машины на подъездной аллее, увидеть стопку журналов по гольфу, скопившуюся на мраморном столике, и то, как один человек собирает ветки после бури. У меня было пять корзин для грязного белья, шесть мусорных ведер, три дочери и всего две руки. Я пользовалась прачечной, покупала жареных кур и фальшиво нахваливала их во время обеда. По вечерам я устраивала с девочками шумную возню, которая была обязанностью отца. Любой вор, похититель детей или убийца, следивший за тем, как я сражаюсь с почтой, езжу в бакалею, вытираю лапы коту и наливаю сок в детские чашки, сразу увидел бы во мне женщину, мужа ко-

торой никогда не бывает дома. Как в анекдоте про инфракрасные очки, которыми пользуется ФБР: «Лейтенант, вы видите эту женщину? Она собирается сжечь свои обратимые отходы!»

— Что вам от меня нужно? — шиплю я.

— Что мне нужно? От вас? — Его ноздри раздуваются. На мгновение Он поворачивается ко мне, забыв про дорогу.

— Дело не во мне. Не в вас и не в вашей... маленькой семье.

— Но разве я не заслуживаю объяс...

— Нет! Я ничего вам не должен!

Я начинаю плакать, стараясь не всхлипывать; всхлипы можно расценить как крик. Подношу руки к носу, но невысоко; из-за них меня могут отправить в багажник. И чувствую, что он смотрит на мои слезы. Ну да, он меня достал.

— Не плачьте, — наконец говорит Он.

— А в чем дело? Разве другие женщины, которых вы похищали, не плакали?

— Я...

Поднимаю глаза, и Он тут же умолкает. Но слишком поздно. Я Его слышала. Теперь мы квиты.

Связанными руками вытираю нос и щеки. Он следит за мной, но ничего не предлагает. А что Он может предложить? Это не моя машина, за щитком которой лежит пачка «клинексов», а в боковом кармане — бумажные салфетки. У Него есть то, что нужно ему самому, а не плачущим женщинам.

Он сворачивает на обочину возле группы деревьев. Убийцы всегда выбирают деревья. Старые автомобили, ночи, деревья. Но Он всего лишь смотрит на меня. С тех пор прошло много лет, но я помню, что означает, когда мужчина следит за твоими слезами. Он ждет. Боится спросить, но хочет, чтобы ему объяснили, в чем дело. Я объясняю.

— Мои дочери в доме одни, — хлюпая носом, говорю я. — А ни каши, ни молока нет.

— У вас есть чулан для продуктов.

Чулан для продуктов? Странно слышать такое слово от мужчины, думаю я. И лишь позже, намного позже мне в голову приходит другой вопрос: откуда Он знает, что у меня есть чулан?

Я мысленно представляю себе чулан и лежащие в нем продукты. Бруски гранолы* лежат на самом верху, рядом с хлебом. Моя кухня спроектирована так, чтобы морить детей голодом. Что они смогут достать, кроме консервов? Джейми — самая высокая, ей почти семь. Джулии пять, а Джордан четыре. Бутылки с водой? Пакеты сока под мойкой? Почему я не читала журнал «Семейный круг», почему никто не сказал мне, что продукты нужно хранить так, чтобы дети могли до них добраться? Я представляю себе девочек, спустившихся вниз в одних носках; они скользят на деревянном полу, куда-то лезут... Ни матери, ни телефона, ни еды. Их манит серебристая дверца холодильника. Я всегда учила их не реветь в доме и прибегать к реву для чрезвычайных случаев. Заревут ли они сейчас? Побегут ли с воплями к соседям, с которыми мы едва знакомы?

— Они маленькие, одни в доме, — плачу я. — У них нет телефона, соседей они не знают, готовить не умеют. Вы должны позволить мне позвонить! — Это уже мольба. Ладно, стыдиться нечего.

— Ничего с ними не случится.

— Пожалуйста, позвоните моей свекрови и скажите, чтобы она взяла их, — повторяю я. — Позвоните из телефона-автомата.

— В любой другой стране дети сами делают себе сэндвичи, — говорит Он, повернувшись к окну.

Мне чудятся ножи, осколки стекла, неподатливая обертка. Первый раунд остается за ним.

— Американцы заботятся о своих детях, — сморкаюсь, говорю я.

— Американцы портят своих детей. Эти дети вырастают, думая только о собственных удобствах. И ни за что от них не откажутся.

---

* Овсянка с орехами и изюмом.

— Неправда!

— Серьезно? Сколько минут урчания в животе смогут вытерпеть ваши дочери, прежде чем полезут в буфет? Одну? Две?

— Одну минуту? Мой муж вернется через три дня.

— Ваш муж будет дома завтра утром.

— Что?

— Он будет дома завтра утром.

Он говорит это убежденно. Он знал, что Сэм уехал, знал, в какой комнате спит каждая девочка.

Что еще Он знает?

При этой мысли по моей спине снова бегут мурашки. Может быть, засекреченные имена моих отца и матери? Нет. Это невозможно. Еще есть тайны, которые мы с Сэмом можем доверять друг другу.

— Нет, он будет дома в среду. У меня есть его расписание, — сдуру говорю я.

— А у меня есть его жена, — отвечает Он и снова выкручивает на скользкое шоссе. Какое-то мгновение колеса буксуют, а потом сцепление с покрытием восстанавливается.

Сентябрь 1995. Вечеринка в саду у Эми. Снова «ПолярOID», снова снимок не в фокусе. Я слева, в центре — Сэм, сидящий на низком каменном парапете; над его головой в кронах деревьев горят белые светильники. Эми сказала, что щелкнула затвором, потому что раньше никогда не видела меня влюбленной. Это неправда. Я влюблялась всю свою жизнь. Влюблялась в тридцати пяти штатах, в Европе, в Южной Африке, на Ближнем Востоке. Кружила головы, на какое-то время вторгалась в жизни мужчин и вскоре уходила из них, становясь историей. Журналистка и любовница на вольных хлебах. Снимок был символическим. Если бы я не остановилась, мне грозила опасность превратиться в туманное пятно. Нам нравилось говорить друзьям, что мы влюбились в волосы друг друга. Я влюбилась в его волосы, потому что они были длиннее, чем следовало: непокорная грива над воротником синего блейзера. Мне нравилось, что

он создал солидную компанию, имевшую клиентов по всему миру, но при этом не носил прическу, подобающую удачливому бизнесмену. Он не был высок, и это делало его волосы еще более чарующими, похожими на хвост шетлендского пони. А Сэм любил мои волосы за то, что они были светлыми.

— Цвета песка, — сказал он в тот вечер, вынимая из моего глаза соринку, попавшую туда, когда я возилась с креветками. — А глаза — цвета моря.

«Он говорил так, и мое сердце таяло», — спела я в ответ. Сэм склонил голову набок и вернул мне улыбку. Теперь я знаю, что это был его коронный номер. Может быть, у него и имелся альбом Джони Митчелл; в то время она была популярна. Но я думаю, что Сэм никогда не слышал эту песню. Обычный блеф. Но в тот вечер он опробовал на мне и другие взгляды и жесты. Озорно подмигивал одним глазом, как тринадцатилетний мальчишка. Поднимал брови и медленно опускал веки, что должно было означать насмешливое удивление. А когда в беседе наступала пауза, он приглаживал левой рукой волосы справа.

В тот вечер я не знала, что все это было отрепетировано. Думала, что интересным его сделали путешествия и встречи. Сэм напоминал лежащий на берегу кусок гальки необычной формы. Я заметила этот камень и подняла его. В нем было то, что каждый день не увидишь: приятные манеры, общительность, белозубая улыбка и симпатичная прическа. «Ты только посмотри на его волосы». И все. Ничего другого не требуется. В конце концов, я всегда влюблялась в мелочи. В то, как курчавые темные волоски запястий Дэвида напоздали на браслет часов. В умение Пьера улыбаться не только губами, но и глазами. Другие женщины носили в голове целый список требований к потенциальным женихам и сравнивали с этим списком своих врачей, работодателей, партнеров по танцам и тех, кто во время болезни поил их куриным бульончиком. Они ждали целого леса, а мне доставляли удовольствие отдельные деревья.

Теперь я понимаю, что они были правы. Увы, слишком поздно.

Я помню, как нас познакомила Элли:

— Это моя подруга Клер из «Всемирного бюро новостей». А это Сэм, владелец самой знаменитой компании по связям с общественностью на всем Восточном побережье. Похоже, один из вас пишет репортажи о том, что придумывает другой.

Может быть, мне следовало тут же повернуться и убежать? Но я этого не сделала. Наоборот, рассмеялась.

— Специалист по выпрямлению позвоночника, так?

— Причем самый лучший, — ответила Элли.

— Не сомневаюсь.

— Испытайте меня, — улыбнулся он.

Я нахмурилась.

— Смелее, — не отставал он. — Расскажите о себе что-нибудь ужасное, и я тут же все выпрямлю.

Видел ли Сэм тень, упавшую на мое лицо? Видел ли он миллионы моих внутренних несовершенств или хотя бы один, но самый главный порок? Мы невинно обманывали друг друга и непринужденно болтали. В конце концов, это была вечеринка; все делились своими маленькими секретами.

— Когда мы с Клер ходим в кулинарию, она крадет там виноград, — быстро сказала Элли, стиснув мою руку. Она старалась, и я была ей очень благодарна. Но Сэм не слышал ее, он не сводил с меня глаз.

Здоровой левой рукой я взяла стакан, наполненный джином с тоником, и сделала большой глоток. На языке остался вкус металла и стекла, в носу защипало. Это сочетание привело меня в чувство. Я вздернула подбородок и заявила:

— Я ухожу не прощаясь.

— Это значит, что вы предпочитаете словам поступки, — тут же ответил он.

— Вы правы, — кивнула я. — Так и есть.

Позже я была свидетельницей того, как он называл загрязнение окружающей среды недостаточно развитой системой утилизации отходов, а массовые увольнения — годичными творческими отпусками. Когда Джейми в первый раз упала с велосипеда, он назвал большую ссадину на ее коленке царапиной.

Казалось, он мог переосмыслить все на свете.

— Раньше коротышки тебя не привлекали, — сказала Элли, стоя у дверей ванной.

Я пожала плечами и заново накрасила губы. Высокие, смуглые и красивые — это уже перебор. Чтобы сразить женщину наповал, вполне достаточно высокого роста и смуглой кожи.

Сэм, стоявший во внутреннем дворике, дружески похлопал кого-то по спине.

— Он ведет себя как высокий, — улыбнулась я.

Я вглядываюсь в снимок и понимаю, что имела в виду Элли. Это написано у меня на лице, о том же говорит моя поза. У меня на глазах розовые очки, уши настроены только на одну волну: волну Сэма. Теперь я на такое не способна. Я вижу мир таким, каков он сейчас: холодную жареную картошку, валяющуюся под сиденьями автомобилей, сморщившийся салат в морозилке, сорняки, прущие из земли. Этот мир испорчен. Я смотрю на красивых мужчин, идущих по центральным улицам, и думаю о том, что они рыгают, блюют и гадят. Вот и все.

Если как следует присмотреться, то видно, что я стою с краю, наполовину отсутствующая, всегда готовая исчезнуть.

Но я остаюсь. Теперь я часть коллажа, склеенного из футбольной формы, герлскаутских сладостей, бумажных тарелок и непарных носков. Составляю программы новостей для местного телецентра, но по миру больше не езжу. Впервые после рождения младшей дочери покидаю город в «Катлассе». Резюме: только похищение помогло мне осознать, насколько я нуждаюсь в отдыхе.

Моим детям трудно понять, что до их рождения я много путешествовала; иногда я и сама об этом забываю. Я смотрю на свои старые фотографии как детектив, разыскивающий улики. Как это произошло? Как я позволила этому случиться?

А вдруг они найдут эти фотографии?

Пора придумывать какую-то легенду. Как можно рассказать собственным дочерям о больнице в другом городе, о красном автомобиле, которого нет в гараже,

о мужчинах, которых ты любила, но которые не были их папой? Что им ответить, когда они спросят: «Если бы я родилась у тебя тогда, это тоже была бы я?»

Нет, ты была бы совсем другим человеком и вела бы совсем другую жизнь. Как и все мы. Кто знает, была бы эта жизнь лучше или хуже? Но для ребенка другая жизнь — это всегда хуже.

А для взрослого — почти всегда лучше.

Мне кажется, что мы едем уже пару часов; наверно, на самом деле меньше. В машине часов нет, луны не видно. Мы не разговариваем.

Я смотрю на приборную доску, отсвечивающую синим. Скорость — 100 километров в час, бак полон, уровень жидкости и температура двигателя в норме. «Катласс» хоть и старый, но ухоженный. А вот шинам я не доверяю. Случайные пробуксовки и развороты тревожат меня. Воды на шоссе немного, встречный грузовик нас не облил. Должно быть, резина лысая.

Старинные велюровые сиденья заставляют меня вспомнить собственную юность. Девушка молодая, а машина старая. Рискованное сочетание: плохое управление, плохие шины, плохое вождение. Сигналами экстренного торможения пользуешься чаще, чем указателями поворота. Пока ты сражаешься с домкратом, грузовики ревут слишком близко. Когда просишь незнакомца подкинуть до города, он смотрит на тебя чересчур пристально. Сейчас нашими машинами занимается Сэм. Он все уик-энды тратит на замену масла, регулировку сход-развала и диагностику двигателей. Иногда по субботам уезжает на целый день по автомобильным делам. Когда он возвращается, я открываю свое отделение для перчаток и обнаруживаю там новый блокнот, коробочку с салфетками или свою любимую жевательную резинку. Поэтому мои тормоза никогда не скрежещут, световые сигналы исправно загораются, а фотография, приклеенная к правам, никогда не отваливается.

— Далеко нам ехать? — наконец спрашиваю я. Вопрос детский. Правда, ребенок спросил бы: «Мы уже

приехали?» — Потому что, — откашливаюсь я, — резина лысая.

— Пусть резина вас не беспокоит, — отвечает Он. Именно так и отвечают ребенку.

Покрышки скрипят, когда мы объезжаем деревья, и в моем мозгу возникает картина: машину заносит, шины теряют сцепление с покрытием, мы летим под откос, кувыркаясь в воздухе, и падаем в ручей вверх колесами. Вода прибывает, но я не могу выбраться из кабины, потому что связана по рукам и ногам. Согласно моему сценарию, Он не может спасти меня. У Него пробита голова, и я вынуждена следить за тем, как мы оба умираем.

Из глаз текут слезы. Закрываю лицо связанными руками и пытаюсь плакать беззвучно. В лоб врезается повернутый бриллиант.

— Покрышки совсем не такие старые, — говорит Он.

— Это не ваша машина, — возражаю я. — Вы понятия не имеете, насколько они старые.

— С чего вы взяли, что это не моя машина?

— Вы ведете ее так, словно она вам чужая. Наверно, это машина Дэвида.

Я говорю это убежденно, но сама сомневаюсь в собственных словах. Вряд ли Дэвид мог нанять для такого дела новичка с ненадежным транспортом.

— Расслабьтесь, — спокойно отвечает он.

Это слово испуганные люди всегда слышат от неиспуганных. Оно ничуть не успокаивает, потому что предназначено не для того, чтобы успокоить человека, а чтобы заставить его замолчать.

— Если камера лопнет, только один из нас сможет открыть дверь и выйти наружу.

— Не того боитесь, — хладнокровно отвечает Он.

— И сколько нам еще предстоит ехать на лысой резине?

— Пять минут.

Есть то, чего на этикетках лекарств не пишут. Чтобы пережить похищение, ксанакса недостаточно. Здесь требуется нечто большее, чем совет как можно больше пить и избегать управления тяжелой техникой.

Да. Вам понадобятся слова, которые могут успокоить.

Понадобится теплое одеяло в темном номере мотеля, соль в пакете жареной картошки навывнос, кабельное телевидение.

И хорошая компания.

Апрель 1991. Париж. Старая черно-белая фотография, 9 x 12. Я стою на мосту через Сену между двумя высокими стройными темноволосыми мужчинами. Наши руки переплетены, образуя что-то вроде буквы «Н». У меня еще длинные волосы, откинутые назад ветром. В моей левой руке зажат стеклянный шарик с Эйфелевой башней — подарок, которому не суждено доехать до дома и лечь на темно-синий письменный стол. Через день после того, как был сделан этот снимок, я отправлюсь в парикмахерскую, срежу свои светлые волнистые волосы и уложу их иголками. А в тот же вечер уйду от одного из этих мужчин к другому, сломя голову помчусь по мощенному булыжником переулку и чуть не собою с ног женщину, гуляющую с коричневым биглем. Буду считать этот вечер худшим в моей жизни, но ошибусь.

Подруги называли меня королевой ухода. После того как мой репортаж выигрывал все премии «Би-би-си», всегда находилось другое задание, другое место, другой человек, готовый отправиться на замену в послевоенный Пакистан, а я могла работать там, где хотела, бросать одну интересную страну ради другой. И, конечно, находить нового интересного мужчину. Одна из моих кинооператоров (женщина по имени Сиобхан) украла на маленьком рынке табличку с надписью «Открыто» и поставила ее на стол у моей спальни. В те времена я разборчивостью не отличалась.

От одиночества я не страдала. Всегда были квартиры, соседки по комнате... Даже в гостиницах по коридорам сновали люди. Как правило, мужчины. Кто-то всегда ходил со мной парой. Я называла их телохранителями, песиками, плюшевыми мишками, статуями, безделушками, однако всю жизнь собирать игрушки невозможно. Называла их любовниками, но это было всего лишь набором звуков —

словами, которые бренчат, как мелочь в кармане. Когда кто-то из них надоедал мне, я бросала его и находила другого. Это было не труднее, чем собирать хворост.

Меня всегда изумляли жалобы подруг: хороших мужчин нет, все уже женаты, остались только подонки. И я думала: дуры, откройте глаза! Оглянитесь по сторонам. Вас повсюду окружают их щетинистые подбородки, мятые рубашки, усы в пивной пене, маслянистые взгляды и чувственные хохотки. Можно идти по любой улице и дышать запахом их крема для бритья.

«Не ждите, пока выберут вас. Идите и выбирайте сами», — говорила им я. Так и поступала. То, что выбор мог оказаться плохим, сделанным впопыхах или в условиях недостатка информации, значения не имело. Если ты не можешь справиться с человеком, который тебя трахает, то на что ты годишься?

Я твердила себе это и верила, что могу справиться с кем угодно. Не понимала, что тратила свою молодость и красоту, и вела себя так, словно это были возобновляемые ресурсы. В двадцать лет не знала того, что узнала в сорок: со временем твои чары слабеют. Приходит день, когда ты едешь в город сделать прическу; джинсы сидят на тебе превосходно, волосы уложены идеально, но когда ты возвращаешься к машине, ни одна голова не поворачивается тебе вслед.

Нет, я не подозревала о собственной уязвимости. Но как только я это выяснила, мир устроил заговор и начал изодня в день язвить меня маленькими мечами — боязнью высоты, боязнью текущей воды, боязнью закрытых пространств, боязнью темноты и скрипящих половиц. Боязнью того, чего никто другой не боялся. Бедняжка Клер! Это началось в ту первую ночь, когда Сэм уехал по делам. Я проснулась в час ночи от раската грома. Стояла у окна и следила за молодыми деревьями, высаженными по периметру нашего участка. Ветер гнул стволы в дугу, растрепанные кроны напоминали метлы ведьм. Мне почудилось, что они вылезают из земли, выставляют корни, как когти, и идут на меня в атаку. Деревья раскачивались, приближались, и я испугалась, что их острые сучья

и грубая кора вот-вот коснется моей кожи. И тут я сделала единственное, что пришло мне в голову. То, что удавалось мне лучше всего.

Я сбегала.

Моя дрожь передалась рулю; «дворники» работали с такой скоростью, что я едва видела дорогу. Ночной портье, совсем мальчик, напуганный моими мокрыми трясущимися руками, протянул мне карточку двумя пальцами, боясь, что я сейчас взорвусь, разлечусь на части и испачкаю его украшенный цветами чистенький вестибюль.

Я до сих пор помню, какое выражение было у Сэма, когда я рассказала ему о случившемся. Он только что вернулся из аэропорта и плюхнулся в кожаное кресло; сумка с одеждой лежала у его ног, как собака. Каждая морщинка на его лице разгладилась так, словно он услышал, что я гермафродит, а не просто трусиха.

— Дорогая, я думаю, что тебя нужно показать врачу, — сказал он. — Я знаю, в прошлом тебе было нелегко, но ты должна научиться расслабляться и преодолевать собственные страхи.

Первым из этих врачей стал доктор Морган.

— Паническое состояние — вещь серьезная. За пять минут его не вылечишь, — негромко сказал он. А потом во время сеанса напомнил, что это совпало с годовщиной смерти моего отца.

— Это не имеет к нему ни малейшего отношения, — возразила я. — Я любила отца.

Доктор Морган кивнул и стал ждать продолжения.

— Я любила его больше всех на свете, — добавила я.

— Да, — сказал он. После этого я долго молчала.

— Возможно, — через несколько минут промолвил доктор, — вы чувствуете, что отец бросил вас одну.

— Я не одна, — упрямо ответила я. — Я замужем.

Доктор Морган продолжал смотреть на меня и чего-то ждать. Но я молчала и не торопилась ему помочь. Кто-то должен был сказать то, чего не могла сказать я.

— Разве нельзя быть замужем и в то же время страдать от одиночества?

На этот вопрос я никогда не могла найти ответа. Кончилось тем, что от врачей я начала бегать тоже.

Мы проехали пару часов под бесконечным дождем и оказались у кучки невзрачных домиков, которые называются совершенно одинаково: аптека «Мид-Каунти», пиццерия «Мид-Каунти», мотель «Мид-Каунти»... Мид-Каунти. Середина округа. Не городок, а подобие городка. Видимо, здешние жители цеплялись за понятие «округ», противостоявшее понятию «штат» или «страна». Правда, при этом верхнюю и нижнюю часть округа они игнорировали тоже.

Он останавливается у конторы мотеля «Мид-Каунти». Как и коттеджи самого мотеля, она представляет собой прямоугольный сруб из красного дерева. Углы сырые, шляпки гвоздей потемневшие. Здание потрепанное и усталое, как разъездной торговец. Окно освещено лампой того же цвета, что и полоска мха на хлипкой двери. На мусорный бак, стоящий сбоку, я стараюсь не смотреть.

Невыключенный двигатель продолжает негромко шуметь. Он поворачивается и смотрит на меня. Что делать — взять меня с собой или запереть в машине? Ту же проблему я решала, когда ездила в прачечную с детьми. Какое из двух зол меньшее? Если возьмешь девочек с собой, они начнут играть пластиковыми пакетами; если запрешь в машине, рискуешь нарваться на арест.

— Наш коттедж слева, — говорит Он. — Сейчас я развяжу вас.

Наступает пауза, и я поворачиваюсь к Нему.

— Дайте слово, что будете вести себя нормально. Не побежите и не станете кричать.

Я киваю и смотрю в пол. Не хочу, чтобы меня запихнули в багажник.

Он поднимает мой подбородок пальцем, и я снова ощущаю запах земли.

— От этого зависит жизнь вашей дочери, — с напором говорит Он.

Я смотрю на Его одежду. Тонкая хлопчатобумажная майка и промокшие брюки с накладными карманами го-

ворят о молодости. Неужели в одном из этих огромных карманов лежит пистолет? Да, скорее всего.

— О'кей, — говорю я.

Над моей головой висит дамоклов меч. Не кричать, не бежать. От этого зависит жизнь моей дочери.

— За нами наблюдают, — добавляет Он.

Помню, в каком-то журнале по психологии я читала, что самым главным в любом перечне является третий пункт. «Не кричать, не бежать». «От этого зависит жизнь моей дочери». «За нами наблюдают».

— О'кей, — повторяю я.

Он выключает двигатель «катласса». Над этим нужно будет подумать. Почему именно «катласс», а не, скажем, «мерседес»? Он кладет ключи в карман и говорит, что зайдет с другой стороны.

На то, чтобы обойти машину и открыть мою дверь, у Него уходят две секунды. Я ничего не делаю. Не кричу. Не бегу. Кто-то за нами наблюдает. Кем бы он ни был, пусть видит, что я ничего не делаю, только слежу за Ним. Он худой, но крепкий. Я знаю этот тип. Не стоит недооценивать Его силу.

Май 2005. Этап 1. Плохая фотография, но единственная, на которой запечатлено, как все начиналось. Буряя трава, изъезженная колесами и истоптанная сапогами. Лучи позднего солнца горят на сырых желтых стропилах. Все было основано именно на этой панораме. Я хотела, чтобы закат был виден из каждого окна; это было напоминанием о последнем вечере, который я провела с Дэвидом и Джессом, когда угасавший медовый свет заставлял мерцать даже унылый гостиничный бассейн. Напоминанием, что нужно делать фотографию до того, как становится совсем темно.

Когда началась стройка, я пыталась держать девочек подальше от дома — от согнутых гвоздей, опилок, грязи и вереницы незнакомых мужчин, которые пилили доски, снимая рубашки. От их слишком громких радиоприемников. От их сальных шуток. Со мной они были безукоризненно вежливы, но Элли и Карри, которые уже пере-

строили свои кухни, предупредили меня. Однажды Карри вернулась домой во время ленча и обнаружила, что рабочие смотрят по ее телевизору с большим экраном «Реальный секс».

— Ты уволила их? — спросила я.

— Конечно, нет, — ответила она. — Полки смотрелись потрясающе.

Я составила расписание: уроки рисования, танцев, физкультуры... Но Джейми обожала животных и хотела научиться ездить верхом. Мы нашли конюшню с крытой и открытой дорожкой всего в десяти милях, на задворках старого имения. Имение было заброшенным и в то же время величественным: каменные заборы, сарай в колониальном стиле, мощеный внутренний дворик, где сидели родители, время от времени кричавшие: «Блейк, следи за пятками! Слоун, опусти поводья!» Я росла не на ферме, а на озере, ничего не знала о лошадях, а потому давать советы не могла. Разве что «держись крепче, не упади, цепляйся за гриву».

Пока Джейми училась править своим Хор-Хеем, седлать его и выясняла, каких его соседей по стойлу можно гладить, а каких нет, Джулия и Джордан развлекались тем, что возились в сене и песке и играли с кошками. Тамашная обстановка изумляла меня: на стенах рядами висели седла, уздечки, стремяна, мундштуки, удила и прочая упряжь. Конюшня напоминала корабль и была чище, чем наш гараж или подвал. Здесь пахло не потом и навозом, а сеном и кожей.

Конюхам помогали молчаливые молоденькие девушки, берегавшие слова для лошадей. Они не причесывались и носили бриджи за сотни долларов, днем убирали лопатами навоз, а ночевали в комнатах, снятых в соседних домах. Однажды я удивилась, увидев здесь мальчика. Он был старше других — лет восемнадцати. Торчал возле Джейми, лениво объяснял то, что она уже знала, и без конца подгонял ее седло и стремяна. Мальчика звали Бен. У него были красивые глаза и грязные ногти. Однажды в среду (это был четвертый урок Джейми) за нами увязался зеленый «мерседес». Стояла осень.

Клены, росшие вдоль извилистого проселка, были усыпаны темно-красными листьями. В зеркале заднего вида казалось, что они вот-вот рухнут. Наш маршрут был сложным, но «мерседес» продолжал ехать следом. Когда до дома оставалось всего два поворота, я резко свернула в какой-то тупик. «Мерседес» проехал прямо. — Мама, это не наша улица, — сказала Джордан.

Я медленно развернулась, снова выехала на дорогу и стала высматривать зеленое пятно. Но «мерседес» как сквозь землю провалился.

— Ты знаешь, на какой машине ездит Бен? — спросила я Джейми.

— Сейчас он едет на лошади, — ответила она. А потом добавила: — Мама, перестань волноваться.

Я поехала дальше, твердя фразу о «мерседесе» последней модели цвета листвы и собираясь дома записать это. На нашей подъездной аллее рядом с машиной Сэма стоял новенький «сабурбан». В окне гостиной виднелись две головы, склонившиеся над поэтажным планом. Пока девочки переобувались, я прошла в комнату, и Сэм познакомил меня с Роджером, вставшим при моем появлении. Он держал перед собой кепку горчичного цвета, поглаживал ее пальцами и был не таким обветренным, как другие.

— Это Роджер, специалист по окнам, — сказал Сэм. — А это Клер, моя жена.

— Здесь какая-то ошибка, — сказала я. — Я уже заказала окна.

Мужчины смущенно посмотрели друг на друга.

— Скотт в курсе, — добавила я. — Он при мне разговаривал с представителем компании «Андерсон».

— По-моему, вы хотели установить такие окна на кухне. Но ведь есть и другие. А вдобавок фонари. Насколько я помню, речь шла о паре световых люков на втором этаже. Я постоянно сотрудничаю со Скоттом. Все включено в смету.

Сэм одобрительно кивнул, и я сдалась. Когда дело касается экономии, я всегда уступаю численному превосходству.

Мы сидели в столовой, тем временем в микроволновке разогревалась пицца для девочек. Сэм встал и, потирая руки, пошел за калькулятором.

— Знаете, — покачивая головой, сказал Роджер, — ваше лицо кажется мне знакомым.

Я смотрела на поэтажный план, боясь поднять глаза.

— Люди часто так говорят...

— Вы выросли здесь?

— Нет.

— Я тоже. Я родом из Кейпа.

Я затаила дыхание. Там жили родители Дэвида. Наконец я подняла глаза и стала изучать его так же, как он стал бы изучать оконную раму. Голубые глаза. Загорелое лицо. Цвет волос тот же, что и у меня. Скажет ли он то, что я хочу знать? Или наоборот, сообщит обо мне Дэвиду?

— В какой школе вы учились?

— В «Уэсте».

— Гм-м... А какая ваша девичья фамилия?

— Просто у меня такое лицо. Честное слово.

Он с жаром замотал головой.

— О нет! Ночью я наверняка вспомню, где мог вас видеть!

— Попробуйте, — ответила я.

Перед уходом он оставил мне свою визитную карточку. Роджер Беренсон. Я сунула ее в карман, чтобы отдать частному сыщику вместе с заметкой о «мерседесе». Хотя год прошел спокойно, но все же...

— Значит, моя бригада приедет вставлять окна недели через две.

— А как же вы сами?

— О, я буду наблюдать. Приезжать и уезжать. Я сам подбираю своих парней. Почти все местные. Есть несколько мексиканцев, но ребята отличные.

Я улыбнулась и вспомнила рассказ Карри. Если они будут делать свое дело и не будут включать телевизор, мне все равно, какого цвета у них кожа.

Когда он уехал, я вынула из микроволновки пиццу, приготовила салат, и Джулия спросила Сэма, будет ли у нас своя лошадь.

— Не в этом году, — ответил он. — Но в следующем ты сможешь начать учиться.

— Вот здорово! Я буду учиться в первом классе, а кататься на Хей-Ворел!

Мы с Сэмом расхохотались, а Джейми поправила се-
стру:

— Его зовут Хор-Хей.

— Она всегда все путает, — хихикнула я.

— Вся в мать, — с улыбкой сказал Сэм и начал убирать со стола.

После того как девочки легли спать, я рассказала Сэму о вопросах Роджера.

— Отныне я сам буду заниматься окнами, — ответил он.

— О Роджере можешь забыть.

Коттедж номер семь. Золотой ключ с биркой из зеленого пластика. Этот ключ уже лежал в кармане Его брюк вместе с воображаемым пистолетом. Но я думала о другом: что он написал в регистрационной книге? Супруги Бонни и Клайд? Конечно, у Него имелся ключ. Он уже был в этом мотеле, причем отсутствовал недолго. Он не учел жестяную крышу, но это был Его единственный промах. Во всяком случае, я так думала. В его брюках с каждой стороны было по два глубоких кармана. Там могло лежать что угодно. Директор школы, в которую ходили мои девочки, однажды прислал записку: никаких глубоких карманов. Видимо, мальчишки таскали в них электронные игрушки. Пригородная контрабанда.

Он открывает дверь. Две кровати. Я занимаю ту, что ближе к двери. (Благоприятствующую побегу). Рубчики покрывала впиваются в мои голые ноги. Если пролежать в таком положении долго, на них останется след.

Я обвожу коттедж взглядом: никаких признаков Его присутствия. Ни чемодана, ни крема для бритья, ни книги на тумбочке.

— Сколько мы здесь пробудем?

— Пока мир не решит свои проблемы, — отвечает Он.

Из-под моего пера уже десять лет не выходило ничего, кроме сюжетов о жизни пригорода. Может быть,

Он по ошибке принял меня за настоящую журналистку? Ту, которой я когда-то была? Я помню сказанные Им слова: это не имеет отношения ни ко мне, ни к моей семье. Ничего личного, но если что-нибудь случится, Ему придется убить меня. Символически.

— Как вы сказали? «Мир»?

— Это всего лишь выражение. — Он встревожен, но говорит шутливо.

Я моргаю. Иностранец объясняет английскую идиому профессиональному литератору...

У лампы, стоящей между кроватями, двухцветный стеклянный абажур. Желто-оранжевый. «Интересно, откуда он? Из Чили? Из Санта-Фе?..» — думаю я, хотя должна думать совсем о другом: сколько времени эта лампа будет лететь, пока не разобьется о его череп.

Он перехватывает мою руку. Настало время снова связать меня. Из левого кармана, как по мановению волшебной палочки, появляется отрезок веревки. Может быть, там есть что-нибудь еще? Сандвич с индейкой и авокадо, компас, бутылка «амбьена»...

Он снова проверяет натяжение веревки, касаясь пальцем нежного места на внутренней стороне запястья, сбоку от шрама. Словно зная, что сам шрам трогать нельзя. Это прикосновение профессионала. Теперь я понимаю, что Он опытен. Движения — вторая натура человека. Он привязывает конец веревки к другой кровати, ближайшей к ванной. Препятствующей побегу.

— А теперь спите, — говорит Он.

— А вы? — спрашиваю я.

— Выплюсь, когда умру.

Я снова моргаю. Эта фраза мне знакома. Как его звали? Джон? Или Джо? Режиссер, с которым я встречалась в Турции. Он изъяснялся, как попугай шарманщика. Сначала это казалось забавным и полезным, вроде цитатника, пока я не поняла, что собственных фраз у него не было. Он просто не мог составить предложение из кучи слов. Он был невысок, говорил пословицами... Прощай, Джо.

С трудом встаю и пытаюсь опустить изголовье кровати. Он подходит и делает это за меня. Очень мило,

но я Его не благодарю. У меня гудит голова. Я плохо спала и эту ночь, и предыдущую. Я зеваю и даже не удосуживаюсь прикрыть рот связанными руками.

Он сидит в изголовье соседней кровати и смотрит в щель между неплотно задернутыми дакроновыми шторами.

— Вы кому-нибудь позвоните утром насчет моих детей?

Ответа нет.

Я вздыхаю и кладу связанные руки на живот. Больше их положить некуда; они могут двигаться только в одном направлении, как у куклы Барби.

— Ладно, можете не говорить, на кого вы работаете, но когда вы собираетесь объяснить, зачем меня сюда привезли?

— Может быть, завтра.

— Вы причините мне вред?

— Только если без этого нельзя будет обойтись.

Он выключает желто-оранжевую лампу, и внезапно в комнате становится совершенно темно. Интересно, который час. Полчетвертого? Четыре? Пять? Едва ли. В пять уже не так темно. Даже в Мид-Каунти.

У меня перехватывает дыхание. Давно не доводилось видеть такой темноты. Темно, как в том парижском пе-реулке. Как в турецком лагере беженцев. Я ненавижу темноту; в нашем доме полно сине-зеленых ночников, освещающих коридоры.

На шоссе шумят машины с новыми и не слишком новыми шинами. Но из соседних коттеджей не доносится ни звука работающего телевизора, ни смеха, ни храпа. Если кто-то за нами следит, то делает это очень тихо.

Стук собственного сердца отдается у меня в ушах. Я представляю себе последние частички ксанакса, растворяющиеся в моем организме и не способные добраться до всех мест, которым требуется их присутствие.

— Слишком темно, — хрипло шепчу я.

Он беззвучно встает, включает свет в ванной и оставляет ее дверь приоткрытой на два дюйма.

Я снова вспоминаю одну из банальностей Джо: «Слова шепчут, поступки кричат».

Да, кажется, его действительно звали Джо.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Бал старшекласников школы «Уэст». Меня приглашали несколько мальчиков, но я сказала «да» Люку, его голубым глазам и белому смокингу. В первый и в последний раз надела платье с рисунком из павлиньих перьев. Это было второе из трех наших свиданий: он приглашал меня в кино, на бал, а потом мы встретились на похоронах моего отца.

После этого он перестал приходить, и мать со слезами на глазах сказала, что я никогда не найду мужчину, который любил бы меня так же, как отец. Но попытаться все же стоило, правда?

Прежде я этого не замечала, но, возможно, с Люком у меня все началось, потому что его лицо озарялось улыбкой так же, как лицо отца, когда мы махали ему руками из взятого напрокат лимузина с затемненными стеклами.

Девочки должны быть в летней читальне к девяти. Элизабет заберет их в три.

Это первая мысль, пришедшая мне в голову, как только я открыла глаза. Моргаю и обвожу взглядом незнакомую комнату. Я никогда не сплю на спине. Пытаюсь протереть глаза и с удивлением вижу веревку.

В восемь часов в гардеробной нас будут ждать красные рюкзаки девочек с книгами для читальни и купальными костюмами. Миниатюрные плюшевые мишки на «молниях» с именами девочек, вышитых на рюкзаках, будут ждать, когда их коснутся детские пальцы. Не прошло и двух дней после их покупки, как местный телецентр передал сюжет о том, что одежда с монограммами опасна: чужим легко сделать вид, что они знают вашего ребенка.

Рюкзак Джейми полнее остальных. Она увлекается книгами о существах, представляющих собой странные комбинации вроде полупаука, полукота. Сейчас она читает четвертую книгу из этой серии. Станет ли она читать про чудеса теперь, когда сама стала частью чужого сюжета? Увидит ли библиотекарь в ее глазах страх, сообразит ли дать ей что-нибудь волшебное и вселяющее надежду?

Меня волнует, что Элизабет приедет в три и не найдет девочек. Неужели придется ждать так долго? Вдруг в читальне решат, что девочки заболели, а я забыла позвонить?

Сквозь щель в шторах пробивается дневной свет. На соседней кровати Его нет, однако рубчатое покрывало хранит отпечаток Его тела. Если бы я могла положить на покрывало руку (увы, это невозможно), то оно оказалось бы теплым, как капот автомобиля.

Дверь ванной закрыта, но свет пробивается. Может быть, в ванной есть окно и света там достаточно, чтобы не включать лампу?

Я умудряюсь сесть и приноживаюсь, пытаюсь уловить запах крема для бритья, шампуня, зажженной спички — любой знак, свидетельствующий, что Он чем-то занят в ванной. Ощущаю очень отчетливый запах. Позже мне пришло в голову, что его следовало бы закупорить в бутылку и продавать под названием «Лесная хижина»: это было довольно приятное сочетание влажного красного дерева, свежесваренного кофе и пыльных покрывал. Но на запах лимона и мяты, который почти каждое утро распространял в нашем доме тот, кто проснулся первым, нет и намека. Мое сердце начинает колотиться. Я одна. Неужели это правда?

С трудом подползаю к краю кровати и встаю. Сырой пеньюар из розового шелка липнет к моему нижнему белью, а я не могу снять его. Одна из мелочей, которых Он меня лишил.

Я прыгаю к ванной и кладу руку на ручку двери. Войти или нет? А вдруг Он сидит на унитазе и листает страницы журнала? Я закрываю глаза и медленно по-

ворачиваю ручку. Толкаю. Ванная маленькая и светлая, как авиетка из бальзового дерева. Шум вентилятора напоминает шум пропеллера.

Обвожу взглядом пустую комнату. Два сложенных полотенца. Аптечка, кусочек мыла в обертке. Неиспользованный. До меня доходит, что Он либо в машине, либо сидит у двери и охраняет меня.

Он не учел окно.

Над унитазом есть маленький прямоугольник. Он расположен высокомерно для связанной женщины и слишком высоко для женщины, склонной к приступам паники. Ага, думаю я. Он *знает*, что я боюсь окон. Считает, что я выберу дверь. Я встаю на унитаз, хватаю и отодвигаю серебристый шпингалет, стараясь, по возможности, сжаться. Цепляюсь пальцами за раму и мысленно благодарю людей, учивших меня йоге. Встаю коленями на раму и вываливаюсь наружу. При этом снова сильно обдираю голени. Снова металл, снова ссадины. Истекая кровью, я вишу на мокром красном дереве; мой нос находится в нескольких дюймах от скользкого мха, а связанные щиколотки — в метре с небольшим от земли. Доски скреплены старой арматурой, ее стальные концы превратились в настоящие ржавые колючки. Если я сорвусь, они раздерут меня в клочья. Ну и черт со мной! И тут я чувствую, как мою талию обхватывает чья-то рука.

Он снимает меня, правой рукой закручивает веревку вокруг моих ног и несет к двери в лучшем стиле медового месяца.

Пинком открывает дверь и ставит меня на пол.

— Знаете, что я думаю? — говорит Он. — Думаю, что вы напрашиваетесь на неприятности. Что вам хочется в багажник.

— Нет.

— А что тогда?

Я сердито прыгаю к кровати и сажусь.

— Что вы хотите от меня услышать? По-вашему, я не старалась спасти своих детей, а просто решила подышать свежим воздухом?

Он качает головой, достает из кармана еще один кусок веревки и привязывает мои руки к изголовью кровати.

— Ничего с вашими детьми не случится. — Его палец задерживается на моем красном шраме. — Это произошло недавно? — спрашивает Он.

— Нет, — быстро отвечаю я и тут же жалею об этом. Нужно было сказать «да». Тогда он пожалел бы меня, ослабил веревку или сделал еще что-нибудь...

Он снова выходит из комнаты. Судя по походке, инцидент с окном не столько разозлил, сколько позабавил Его.

Я сижу на кровати; пеньюар прикрывает мои ободранные коленки. Лучше их не видеть. Прошло несколько месяцев, прежде чем я научилась смотреть на свою правую руку. Даже сейчас, когда Элизабет остается попозже и у меня появляется возможность заняться йогой, я старательно отвожу взгляд. Когда преподавательница говорит «смотрите на свою правую руку, сконцентрируйтесь на среднем пальце правой руки», я сопротивляюсь. Не делайте мне больно, господа.

Коленки под шелком не кровоточат, это немного успокаивает. Пытаюсь отвлечься, но стоит закрыть глаза, как я вижу мою младшую, Джордан, стоящую у кровати и трущую глаза. А потом мою среднюю, проснувшуюся от страха посреди ночи. Вспомнит ли Джулия, что я сидела рядом, пока она не уснула, вспомнит ли наш последний разговор и мое обещание не уходить?

Через щель в шторах видно, как встает оранжевое солнце. Восток, половина седьмого, может быть, семь. Он прислонился к капоту «катласса», и держит в руке чашку кофе. Теперь я представляю происшедшее под другим углом зрения. Он мог почувствовать, как я открывала окно ванной. Дом такой старый, что дрожит и стонет, когда по нему прыгает похищенная женщина. Он возвращается с двумя чашками — одной открытой и одной закрытой.

— Пожалуйста... позвоните моей свекрови. Дети уже, наверное, проснулись.

— Не могу.

Он отвязывает вторую веревку и протягивает мне закрытую чашку.

— Я не пью кофе, — шмыгая носом, говорю я. Следовало сказать «нет, спасибо», но в моем положении не до хороших манер.

— Знаю.

Он всовывает мне в связанные руки теплую чашку и снимает крышку. С одной стороны свисает ниточка чайного пакетика.

Я делаю первый глоток, стараясь не смотреть на Него. Любезность тут ни при чем; Он мог узнать это, роясь в моем мусорном баке, сопровождая нас в «Старбакс» или обнаружив чай в моем «лендкрузере». Представляю себе, как Он открывает мой термос и находит на дне пакетик с чаем — влажное, хрупкое и еще теплое сокровище, успокаивающее, когда держишь его в руке.

Он помнит, а сколько мужчин об этом уже забыло? Сколько их приходило в спальню, и каждый говорил «я сварил тебе кофе» с таким видом, словно делал мне подарок?

— Спасибо, — говорю я.

Я пью горячую жидкость в комнате, которая наполняется солнцем, согревающим все на свете, и благодарю небеса за отсутствие молний и ветра. За отсутствие осадков.

Январь 1991. Первый снег. Судя по более темным краям, защищенным от света, фотография была обрамлена. Но на самом снимке очень мало цвета, он почти весь белый. Я возвращалась с одной из редких прогулок в одиночестве, надеясь, что Дэвид, наконец, проснулся и орудует лопатой, и вдруг увидела настолько очаровательную сцену, что просто не могла не сфотографировать ее. Малыш в белом меховом комбинезоне сидел на белых санках у ног отца, подняв руку к волшебному небу, с которого сыпались хлопья снега.

— Кто это фотографировал? — обычно ахали люди. — Ты знала этого мальчика? Да это же настоящая рождественская открытка!

Я улыбалась и гнала от себя мысль, что внутри этой открытки могло лежать послание: «Все, что ты пытаешься удержать, растает, и в твоей руке не останется ничего». Однажды в январе, еще до рождения Джордан, когда Джулии был всего месяц, а Джейми только что исполнилось два года, Сэму пришлось на неделю улететь в Калифорнию. Прогноз погоды сулил пять сантиметров осадков, и когда я целовала мужа, прощаясь с ним в аэропорту, то беспокоилась, как пройдет полет. Самого снега я не боялась: он был мягкий, тихий и не сопровождался оглушительными фанфарами. Меня пугал не снег, а дождь.

После обеда я по очереди искупала девочек, но уложила их спать одновременно — в половине восьмого. Было приятно смотреть на чистых малышей во фланелевых коконах: Джейми в розовых простынках, Джулию — в желтом одеяльце. Когда я наклонилась, чтобы выключить ночник, в воздухе еще витал аромат шампуня.

Сама я легла в восемь, потому что в два часа ночи мне предстояло кормить Джулию. Настоящего снега за окном не было, падали лишь редкие хлопья, подсвеченные фонарями. Когда я проснулась, в доме стояла тишина. Монитор слежения за младенцем молчал. Никто не ерзал и не пищал. Я улыбнулась: Джулия проспала всю ночь! Но нос у меня замерз — в доме было холодно.

Я посмотрела в окно и ахнула. Какие там пять сантиметров... Все пятьдесят, да еще с ветром! Силовой кабель бессильно висел у гаража между двумя деревьями. Съехать с холма на «сабурбане» было нечего и думать, требовалось сначала расчистить подъездную аллею.

Я разожгла камин и согрела комнату Джулии с помощью сковородки, которую ставила на угли. Позвонила по сотовому телефону соседям, но никто не ответил. Взяла справочник и по очереди связалась со снегоуборочными службами. У них все было занято на несколько дней вперед.

Ждать неделю в мои намерения не входило, я прицепила монитор к поясу и по колено в снегу побрела по аллее, решив остановить какой-нибудь снегоочиститель. На заваленной снегом улице стояла зловещая тишина,

которую нарушал лишь треск случайной ветки, недовольной лежавшей на ней тяжестью. Женщина, шедшая на лыжах, даже не посмотрела в мою сторону.

Я вернулась, накормила девочек и попыталась уложить их в гостиной, возле камина, но после часа возни и уговоров сдалась. Надела на Джулию пальто, варежки, пристегнула к детскому стульчику и поставила его у окна, выходявшего на подъездную аллею. Джейми я дала книжку и велела сидеть в кресле так, чтобы мамочка могла ее видеть. Оставить ребенка возле камина с тлеющими углями? Ни за что на свете!

С улицы их было хорошо видно через окно. Я сказала себе, что все будет в порядке. «Они в полной безопасности, ты их видишь», — вслух твердила я себе.

Я достала из гаража лопату. Была половина третьего. Чтобы убрать мокрый снег до темноты, в моем распоряжении оставалось полтора часа. Работа была не из легких. У меня дрожали руки; шов, оставшийся после кесарева сечения, кровоточил. Никто не думал, что в ближайшее время мне придется заниматься тяжелым физическим трудом.

Наконец, расчистив пешеходную дорожку, я посмотрела в окно и не увидела в кресле Джейми. Джулия сидела на своем месте, смотрела на меня и бессмысленно хлопала глазами. Я вспомнила о камине и с воплем бросилась к двери. Прошло несколько ужасных секунд, и из-за угла появилась хнычущая Джейми. Оказывается, она замерзла. Я бросила лопату, вернулась в дом, обняла дочку и заплакала. Слезы жгли мои ледяные щеки. Я махнула на снег рукой и снова растопила камин. На обед у нас был «шведский стол». В гараже имелся запас дров, в продуктовом чулане — запас консервов. Ремонтные бригады делали свое дело, температура в доме росла. К возвращению Сэма электричество уже включили, а снег почти весь растаял. Когда в полночь у дома остановилось такси, на краю газона остался лишь легкий иней. Первой растаяла тропинка, которую я протоптала в снегу, когда ходила за дровами. Но если я внимательно приглядывалась, то все еще видела свои следы на серой зимней траве.

Нам удалось договориться: когда Он пойдет в душ, то прикует меня к изголовью кровати. Когда в ванную отправлюсь я, Он развяжет мне руки, но не ноги. Это такая же необходимая часть нашего совместного существования, как помещение младенца в манеж, если нужно вынуть белье из стиральной машины. По-другому было нельзя. Сам ритм движений по завязыванию и развязыванию узлов доказывал правильность такого способа действий. Он не был жесток: просто делал то, без чего нельзя обойтись. Теперь я понимала, что чувствуют дети, когда над ними совершают ритуал с автомобильными сиденьями. Но сдаваться я не собиралась.

Знал ли об этом Он? Понимал ли, что я буду бороться не все время, а стану выбирать для этого подходящий момент?

Наверно, меня было видно насквозь. Бог свидетель, теперь, когда я снова пришла в себя и поразмыслила над тем, что привело меня к Дэвиду, Джессу и Сэму, было нетрудно понять, где я сбилась с пути. Я ничего не знала о Его жизни, но догадывалась, что ошибок в ней было немного: одной из них стала жестяная крыша, другой — телефон.

Он вынимает из кармана брюк цепочку (еще один фокус — если человек носит такие брюки, пояс с инструментами ему не нужен) и убирает мои руки как можно дальше от телефона. Я не могу дотянуться до аппарата ни руками, ни ногами. Однако Он забыл про другие части моего тела.

После Его ухода в ванную я жду двадцать секунд, уверенная, что это надолго; мужчины не торопятся выходить из-под душа. Потом сбрасываю телефонную трубку коленом, наклоняюсь и носом нажимаю цифры 9-1-1.

Когда откликается оператор и спрашивает, что у меня случилось, я задумываюсь. С чего начать?

Шум душа смолкает.

Я каменею.

— Где вы находитесь?

— 3-6-2, авеню Монтгомери, Уэсттаун, — быстро шепчу я.

Дверь ванной распахивается. Он выскакивает; капли воды летят во все стороны, полотенце на талии полочется, обнажая край волосатого лобка. Он прыгает на меня, хватая телефон, отрывает его от стены. Его колени впиваются в мои бедра, тяжелое тело прижимает меня к кровати. Он крупнее и мускулистее, чем мне казалось. Я вздрагиваю, ощутив прикосновение к шелковому пеньюару небольшой, но тугой мошонки.

Он швыряет телефон в другой конец комнаты. Аппарат ударяется о стену чуть ниже картины, изображающей горный краж, и сдвигает ее.

Не слезая с кровати, Он садится на корточки и тяжело дышит. Я вся мокрая.

Мне хочется потерять колени, но это невозможно. Он причинил мне боль, потому что так было нужно. Но я чувствую приближение чего-то худшего, и у меня начинают дрожать руки. Неужели сейчас меня убьют? Или я еще нужна Ему? Я закрываю глаза и пытаюсь вызывать в уме зрительные образы. *Прозрачная голубая вода. Раскачивающийся гамак.* Но могу представить себе только одно: пузырек с ксанаксом на дне моей сумочки.

Он снова набрасывается на меня и сжимает мои запястья так сильно, что наверняка останутся синяки.

— Вы назвали им свой *домашний* адрес?

Я морщусь и киваю.

— А до того? Что-нибудь еще?

Я качаю головой, моя нижняя губа дрожит.

— Ничего.

Он долго смотрит на меня.

Слезы льются у меня из глаз.

— Я хочу только одного: чтобы мои дети были в безопасности. Пожалуйста, не убивайте меня. Пожалуйста, не запирайте меня в багажник!

Ему ясно, что я не могла солгать. У меня просто не было времени на что-либо большее. Но где-то в глубине души мне хочется, чтобы Он думал, что я на это способна. Хочется, чтобы мы оба верили, что я сделаю все необходимое.

Он отпускает меня и какое-то время стоит рядом. Я трогаю пальцем свое ожерелье, верчу кольца на золотой цепочке. Это меня успокаивает. Он возвращается в ванную и снова включает душ. Я изо всех сил выпгибаю запястья, уверенная, что Он ждет нового сюрприза.

Его голова показывается в дверном проеме.

— Если бы ваш муж заботился о детях или других людях так же, как вы, этого не случилось бы, — говорит Он.

— Чего «этого»? Что вы?..

Дверь ванной немного приоткрыта. На этот раз я не слышу скрипа закрывающейся занавески. Этого не требуется. Если бы дверь открывалась в другую сторону, налево от моей кровати, я бы видела, как Он стоит, окутанный паром, и как струя дробится о Его плечи, делая Его волосы черными, влажными и блестящими, как чернила.

Через открытую дверь до меня доносится знакомый запах детского шампуня. Этого достаточно, чтобы на мои глаза вновь навернулись слезы. Мои девочки... Я чувствую запах их чистых головок, влаги, скопившейся в уголках их глаз и складках кожи между ухом и шеей. Теперь к ним приедет полиция. Они позвонят моему мужу, моей свекрови, нянькам, в мой офис, всем членам моей бригады. Людям, которых я люблю, ненавижу и едва знаю, будут задавать вопросы, и они будут отвечать умно, глупо или лживо. Будут говорить, что я тихая и спокойная. Сэм сообщит им, что я люблю ухаживать за садом, путешествовать, читать и смотреть старые фильмы. Что они обо мне узнают? Ничего. Сэм им не скажет. А другие не знают. Ни соседи, ни подружки по женскому клубу. Нет.

Они скажут, что у меня не было врагов. Никаких врагов, о которых они знали бы. Нет.

Март 2006. Ночная смена. Один из помощников снял всю группу, которая работала над серией из семи сюжетов о подкупе. С одной стороны от меня мой босс

Майкл, с другой — мой любимый редактор Джош. Кроме того, три практиканта, имен которых я не помню, возможно, потому что они ничего не делали. Только заказывали нам еду и задавали вопросы. В углу притулилась моя бывшая помощница Джанис, которая хлопнула дверью, когда я попросила ее поработать допоздна два вечера подряд. И еще два тележурналиста, Билл и Сондра. Я год звала ее Сандрой, прежде чем кто-то поправил меня. Не могу сказать, что хорошо знала кого-нибудь из них, кроме Джоша.

Честно говоря, врагов у меня больше, чем друзей. Я это боюсь. Элли знала меня дольше и лучше всех. С Карри я познакомилась только после того, как вышла замуж за Сэма. С друзьями по колледжу и путешествиям, операторами, режиссерами и продюсерами мы обмениваемся поздравительными открытками. А кто мои враги? Бывшие бойфренды, их матери, сестры и подружки. Когда я уходила, это всегда случалось по моей вине. Они не видели в своих мужчинах никаких пороков; ни недостатка ума, ни недостатка сердца. Не знали ни их гнева, ни пьяных дебошей, ни эгоизма. А я знала. В конце концов эти мелочи прорывались наружу и переставали быть мелочами. Со временем я придумала ребяческий ритуал: стала менять причёску. Наверно, в Коробке представлены все фасоны и цвета: длинные и короткие, светлые и еще более светлые. Я была молодой и глупой и верила, что так можно стать другим человеком. В полном соответствии с программой женщины-вампа. Мой портрет следовало бы помещать на этикетках винных бутылок «Главный хирург Соединенных Штатов предупреждает: она будет думать, что вы великий человек, пока не выяснится, что это не так».

Иногда я порывала с ними слишком поздно. Возвращалась домой и видела слово «сука», написанное на пыльном багажнике. А время от времени получала умоляющую открытку или письмо. Я редко вскрывала конверты, часто слово на багажнике было вполне заслуженным. Профессия тоже не способствовала увеличению числа моих друзей. Моя работа заключалась в раскапывании

грязи и обнародовании ее. После Пакистана я получала злобные письма от людей, с которыми встречалась в тесных компаниях. Именно это всегда говорил мне Майкл, когда я писала и редактировала свои сюжеты: «Клер, твой злейший враг — ты сама». «Враг? — удивлялась я. — Потому что я стараюсь сделать их совершеннее?»

Чем сильнее становились мои приступы паники, тем тяжелее мне было работать.

Сюжеты об интригах и подсиживании внутри компаний, о бесчестных политиках или пригородных склоках — это цветочки. Иметь дело со смертями, разрушениями и катастрофами куда труднее.

Как-то я допоздна работала над сюжетом о прогнозах погоды. Мы брали интервью у людей, живших в разных уголках страны и утверждавших, что они умеют предсказывать погоду по приливам и отливам. В такие сюжеты неизбежно приходится вставлять клипы о торнадо и цунами. Я сидела в редакторской с Джошем, блудным сыном кинематографии, недавно закончившим операторские курсы, и опускала глаза, когда делала предложения: «Выбери и вставь лучший четырехсекундный эпизод о разрушениях. В сюжет о несчастных случаях на воде вставь кусок, где дует ветер».

Джош знал, что смотреть на это я была не в состоянии. Работа допоздна обнажает странности каждого. Майкл может думать, только расхаживая по кабинету. Мэрилин тошнит еще до того, как она поднимается в воздух. Клер не может видеть кадры, где есть кровь, катастрофы и раненые дети. Раненые дети были хуже всего. Я никогда не забуду детей, работавших в подпольных швейных цехах. Распухшие кровотокающие пальцы, которыми они шили шелковые платья, сидя на рваных циновках.

К счастью, теперь мне это не грозит. Мне больше не нужно носиться по горячим точкам и писать репортажи о том, как в местах, разрушенных войной, возрождается жизнь. Теперь я редактор-администратор и почти всегда нахожусь за кадром: беру интервью, пишу тексты, посылаю на места телеоператоров...

В ту ночь Джошу приходилось тщательно выбирать слова: «Любительская съемка или профессиональная? Торнадо из окна автомобиля или с палубы яхты?» Но иногда он проговаривался: «Что лучше: треснувший пополам дом с сорванной крышей или мини-фургон, смытый наводнением?»

Передо мной тут же возникали зрительные образы. Я видела детей, потерявших родителей, и закрывала глаза руками. Джош никогда не оглядывался; он работал за клавиатурой и жизнерадостно восклицал: «Мерзко до восхищения!» А потом, щелкая клавишами, добавлял: «В морозильнике есть бутылка воды. Или пива. Клер, может, раздавим бутылочку?» А когда мы завоевывали награды за свои сюжеты (это было два года подряд), он не принимал моих поздравлений: «Клер, это была твоя идея. И текст тоже твой. Я только нажал на пару клавиш». Другие редакторы и репортеры надоедали ему куда больше: они наклонялись над консолью и дышали луком ему в макушку. Рычали на беднягу за то, что он слишком долго копался. Я тоже капризничала, но делала это негромко и позволяла ему принимать решения, когда сама закрывала глаза. А он, в свою очередь, не говорил того, что однажды выдал наш ведущий Билл, который пожаловался в своей звуконепроницаемой будке, забыв про невыключенный микрофон: «Клер боится сообщать неприятные новости. После рождения детей она стала слишком мягкой!» Тогда я нажала на кнопку обратной связи и выдала ему: «Это не я стала мягкой, а твой пенис!»

Мужчины, узнавая о моих бзиках, чаще всего хихикали. Следили за мной с удивлением, словно наблюдали за существом другого вида. К ним относились Майкл, Сэм и многие-многие другие. Наверно, рыбы так же смотрят на наши искаженные лица, находящиеся по другую сторону аквариума.

Страх не всегда идет человеку на пользу. Он живет на поверхности, видимый, как кожа. Люди могут использовать твою слабость себе на пользу. Собаки чувствуют ваш страх нюхом, и дети тоже. Но когда вы выворачиваете свой

страх наизнанку и боитесь за судьбу мира, то можете кого-то предупредить. Можете кого-то спасти. Можете увидеть разрушение, которое грозит нам всем. Именно это позволяет мне считать себя хорошим журналистом. Но очень плохим соседом по креслу самолета.

Две недели назад солнце прорвалось сквозь полдневные тучи, и я решила выйти на ленч, что делаю редко. Когда я вернулась, Джош попросил меня зайти в редакторскую — мол, он хочет мне кое-что показать. После этого он закрыл дверь.

— Клер, сюда заходил один малый и спрашивал о тебе. Сказал, что увидел твоё имя в титрах и подумал, не та ли ты Клер, с которой он учился в старших классах. Сказал, что ты писала прекрасные сочинения.

Мое сердце дало перебой.

— Странно, — медленно сказала я.

— Он спрашивал, сколько тебе лет, есть ли у тебя шрам на правой руке и Купер ты по мужу или это твоя девичья фамилия.

— И что ты ему сказал?

— Сказал, что понятия не имею.

— Хорошо. — Я проглотила комок в горле. — Это хорошо, Джош.

— Он мог оказаться психом.

— Да. Ты поступил правильно.

— Он твердил: «Она блондинка, верно? Лет сорока? И с парой ребятишек?»

— Ты сказал ему о моих детях?

— Нет, нет, нет! Я сказал ему, что это не та Клер. Что тебе не может быть сорок лет.

Я улыбнулась. Благослови господь Джоша и его наивность! На всякий случай я спросила, как выглядел этот человек. Джош сказал именно то, что я и ждала услышать. Высокий. Темноволосый. Мускулистый. А потом негромко, мягко, боясь ответа, я спросила, говорил ли этот человек с кем-нибудь ещё. С Майклом или нашим горластым Бобом. Джош покачал головой. Вряд ли.

— Хорошо, — сказала я. — Хорошо. — Потом вышла из тихой редакторской с ее ручками, кнопками и лампоч-

ками, горевшими как маяки, и вернулась к своему письменному столу в отделе новостей.

Могу себе представить, как загорелись бы глаза Майкла, если бы я рассказала ему эту историю. Она затмила бы репортажи, приготовленные нами для новостей, и все остальные сюжеты вместе взятые. Нет ничего красноречивее лица журналиста, понимающего, что он напал на сенсацию. Разве станет медлить охотник, увидевший оленьи рога? Он покачал бы головой и сказал:

— Ну, Клер, это многое объясняет. Сенсация прямо на рабочем месте!

Шутка. Люди всегда шутят, когда речь идет о жизни другого человека. Так проще.

Тогда я обратилась бы либо к его лучшей, либо к худшей половине.

Ему бы пришлось перестать смеяться. Я ошибаюсь, сказал бы он. Эта история придала бы блеск всему.

Вот почему ее знают очень немногие.

Вечером, когда Джош собрался домой, я побежала за ним и тронула за рукав.

— Я помню, ты уже говорил об этом, но...

— О чем, Клер?

— Тот человек... С ним не было юноши? Светловолосого юноши? Слегка прихрамывавшего?

Джош смотрел на меня, но было видно, что в голове у него сюжет, который нужно отредактировать, чтобы придать ему смысл.

— Клер, у тебя неприятности? Если нужна помощь...

Я помахала рукой и засмеялась.

— Глупости, — сказала я, и он ушел.

Никаких неприятностей нет. Пока нет.

— Когда мы уезжаем? — спрашиваю я, едва Он выходит из ванной.

Теперь Он сухой и одетый. На нем другая рубашка; старую Он смял в руке, как тряпку. Интересно, где Он прятал чистую? Бледно-голубая ткань и смуглая кожа — хорошее сочетание. Больше ничего нового нет, поэтому я смотрю на его грудь.

— Никуда мы не уезжаем, — отвечает Он.

Концы Его волос завиваются, и Он вытирает их полотенцем. Подходит к разбитому телефону, вытаскивает из кармана отвертку, щелкает и скребет металлом по металлу. Машет перед моим носом чем-то размером с лезвие бритвы, а потом прячет его в карман.

— Определитель номера, — поясняет он.

Я говорила по телефону не так долго, чтобы мой разговор успели засечь. Даже в том случае, если в этой дыре есть соответствующее оборудование. Это известно нам обоим. Но Он хочет, чтобы я знала: мне ничто не поможет.

Может быть, срывание телефона со стены или хватание за руки было всего лишь для видимости? Чтобы я знала, на что Он способен, как будто я и так этого не знала? Я пытаюсь понять, делает ли Его чистая голубая рубашка более грозным и значительным.

Он возвращается в ванную. Включает воду. Струя сильная. Слишком сильная для раковины. Я слышу чмокающий звук, который узнала бы в любой ванной мира. Белая резиновая затычка на короткой цепочке. Вода, ванна.

Он выходит из ванной и развязывает мне запястья. Я могу дотянуться до Его шеи и сжать ее. Но я этого не делаю. Наверно, устроенное Им зрелище позволило добиться желаемого результата. Я отворачиваюсь от Его волос, вымытых детским шампунем, от Его временной свежести и зубов, вычищенных мятной пастой. Он поднимает мои ноги. Туго затянутая веревка натерла мне лодыжки. Он двигает узел взад и вперед, и тут я понимаю, что мои голени обросли щетиной. Веревка причиняет мне боль, я закусываю губу. Теперь моя очередь устраивать зрелище, пусть Он знает, что мне больно.

Он берет меня за запястье и ведет к двери. Два человека идут рука об руку, но не знают друг друга.

Ванна полна пузырьков. Я слегка поворачиваюсь, и Он отпускает мою руку.

— Значит, вы не собираетесь меня топить?

— Пять минут, — с улыбкой отвечает Он, заворачивает краны и оставляет дверь приоткрытой.

Я стаскиваю с себя пеньюар, который мне мал. Погружаюсь в ванну и не обращаю внимания на то, что Он слышит, как лопаются пузырьки. Трюсь спиной о холодный фаянс и смеюсь. Вчера ржавое пятно у крана доставило бы мне беспокойство, но сегодня мне не до него.

Причин для страха становится меньше.

Вчера я была одна. А сегодня нет.

Я вспоминаю своего второго врача, доктора Кирни.

— *Вы боитесь оставаться одна.*

— *Нет, я боюсь вторжений, — поправляю я. — У меня бывают приступы паники, потому что я боюсь вторжений.*

Он наклоняется вперед:

— *Но если кто-то вторгнется к вам, вы будете не одна.*

Плещу водой себе на грудь, оттираю грязь с пяток и между пальцами ног. На коленях, лодыжках и ступнях есть царапины, но проколов нет. Так что смерть от столбняка мне не грозит.

Я опускаю голову, смачиваю волосы и из-под поверхности воды вижу солнечный свет,рывающийся в окно ванной. Теперь Он под ним не стоит. Другая женщина сделала бы еще одну попытку. Но я ее не делаю.

Выхожу из ванной, на столе стоит завтрак. Нарезанный кусочками апельсин, хлеб, масло, маленькие контейнеры с джемом. Все разложено на бумажных салфетках в ногах Его кровати. Я беру протянутую Им дольку апельсина. Долька такая холодная, что ломит зубы. Здесь нет ни холодильника, ни морозилки. Неужели Он уходил, пока я была в ванной? Или хотел, чтобы я думала, будто Он выходил? Или все это принес Тот, Кто Следит?

Он протягивает мне еще одну дольку, но я качаю головой.

— По утрам я много не ем.

Он кивает. Хотя Он вел предварительную слежку, но все еще учится. Он снова связывает мне руки и ноги. Этой ценой я плачу за отсутствие голода. Я снова лежу

на кровати и слушаю, как Он ест. Его челюсть двигается словно маленькая, но мощная машина. Я чувствую, что Он запасается топливом для какого-то дела.

— Никому звонить не требовалось, — говорит Он, сделав последний глоток. — Ваш муж будет дома через час.

— Нет, не будет.

— Будет.

— Все равно. Они могли умереть за этот час, — говорю я. — Могли упасть и свернуть себе шею.

Он смотрит на меня, но молчит. Возможно, это и к лучшему. Он не американец. Не из той страны, где тебя могут привлечь к суду за то, что ты засовываешь монеты в парковочный счетчик, отвернувшись от ребенка, оставленного в прогулочной коляске. Когда ребенок моей подруги Карри спит днем, она даже к почтовому ящику не ходит. В своей стране Он был предоставлен сам себе, сам делал сандвичи и присматривал за младшими братьями и сестрами.

— Откуда вы знаете, что мой муж возвращается?

— Это одно из условий *выкупа*.

Слово «выкупа» кажется в этом предложении чужеродным, оно повисает в воздухе. Он произносит его странно. Нараспев. Так некоторые дети произносят слово «конфетка».

— Так вы... вы похитили *меня* ради выкупа?

А в моем предложении чужеродно звучит «меня». Я не могу в это поверить.

Он кивает с таким видом, словно это само собой разумеется. Как будто я спросила, смотрел ли Он вчера вечером футбол.

Моя нижняя губа дрожит. Когда к глазам подступают слезы, я поворачиваюсь на бок и орошаю ими рубчатое покрывало. Тихие всхлипывания сбивают Его с толку. Он думал, это утешит меня: речь идет о деньгах, не о насилии или сексе. Не обо мне. Не о моей маленькой семье. Но, несмотря на предварительную слежку, Он не знает того, что знаю я. А сказать ему об этом я не могу.

Разве можно за несколько дней или недель узнать о Сэме то, что я узнала только через несколько лет? Он понятия не имеет, что вмятина в нижней части холодильника «Суб-Зеро» позволила нам купить его со скидкой в тридцать процентов. Я вижу эту вмятину каждый раз, когда по вечерам возвращаюсь домой. Он понятия не имеет, что наши машины — это демонстрационные модели автомобильных салонов, поступившие к нам с чужими окурками в пепельницах. Что Сэм ходит один на торжественные званые обеды (утверждая, что я их ненавижу), потому что он может носить один и тот же смокинг, а мне понадобится новое платье, поскольку всех гостей будут фотографировать. Что в нашем гараже стоят три приобретенных на распродаже крепких дивана и ждут новой обивки, чтобы сойти за только что купленные.

Он и тот, на кого Он работает — Дэвид или кто-то другой, — нарушил главное правило преступников. Никогда не похищать членов семьи человека, который любит торговаться.

— Вам нужно было взять Джейми, — сморкаясь, говорю я.

— Почему?

— За нее он заплатил бы больше.

Март 2000. «Великое Возвращение». Сморщенная новорожденная Джейми в белой шапочке и белом одеяльце. У краев рамки видны мои руки. Лицо у девочки красное. Она слишком тепло одета для такого погожего дня. Мне следовало догадаться, но я любила этот белый гарнитур. Всегда любила.

Когда я рожала, было не по сезону жарко. Мы с Сэмом поехали в больницу в шортах. К тому времени схватки продолжались уже несколько часов. Я терпела до последнего, зная, что в родильном отделении будет не так удобно, как в собственной постели.

Сэм проснулся от моих криков только в шесть часов утра. Пока я постанывала, ходила в ванную и обратно, напускала воду в ванну, он спал без задних ног. Почему

я не разбудила его сразу? Врачи предупреждали, что я должна сообщать о своих потребностях. «Никто не женится на писательницах», — однажды сказал доктор Мюллер. Но я хотела, чтобы в Сэме проснулась интуиция. Чтобы он знал и чувствовал, как я мучаюсь, лежа рядом.

Разве не все мы этого хотим: лежать рядом с тем, кто чувствует наше присутствие в постели, слышит наше дыхание, глубокое или прерывистое, обращает внимание на наши движения и жесты, постепенно становящиеся все более выраженными и привычными? За десятки лет люди меняются. Неужели на такие вещи никто не обращает внимания?

Когда перерывы между схватками стали короче, Сэм занервничал, и мы поехали в больницу. Выйдя из машины, я дважды останавливалась и сгибалась пополам, опираясь о кирпичную стену и скамью и глядя на мощенную булыжником улицу. Мимо прошествовала пара белых ног, и Сэм пробормотал «извините», как будто меня только что вырвало на чьи-то холеные розы. Женщина, преподававшая на курсах для рожениц, говорила, что когда она была беременна первым ребенком, муж нес ее на руках через весь вестибюль больницы до дверей родильного отделения. Это самая абсурдная вещь, которую я могла себе представить. Романтично, как в рекламе Тиффани.

Когда мы ждали у лифта, у меня отошли воды. Я чувствовала, как вода полилась по ногам и закапала на пол. Это было что-то новенькое. Раньше со мной такого не случалось.

Я взглянула на Сэма.

— Не смотри, дорогая, — сказал он.

Так он говорил мне, когда мы смотрели «ужастики», проезжали мимо места автомобильной аварии, а позже — когда падали наши дочери. Время от времени он кое-что чувствовал и знал, что я могу вытерпеть, а что нет. Я закрывала глаза, а он решал, стоит ли мне на это смотреть. Так же поступал Джош в редакторской, сообщавший, можно ли мне открыть глаза. Сэм не считал это

страхом. Вообще не понимал моих страхов, «Клер брезгливая», — объяснял он случайным очевидцам. Когда мы оказались на пикнике, где должны были печь живых моллюсков, мне пришлось уйти. «Моя жена провалилась на экзамене по биологии, — со смехом сказал он участникам пикника. — Не смогла препарировать лягушку!» Я считала это проявлением доброты и родственных чувств. Невинным обманом.

— Не смотри, Клер, — продолжал настаивать Сэм, одной рукой приподнимая мой подбородок, а второй яростно нажимая на кнопку лифта. Вода лилась потоком, и вскоре у моих ног образовалось целое озеро. — Не смотри, милая.

Я закрыла глаза. Подбежавшие сестры завернули меня в халат. Я старалась не смотреть на собственные ноги, которые, как можно было догадаться, больше не были белыми.

Доктор Мэлоун тщательно подбирал слова — не потому что я была брезгливой, а потому что был осторожен и знал мое прошлое. Знал, что я не вынесла бы, если бы потеряла этого ребенка.

— В ваших водах есть небольшая примесь слизи, Клер. Нужно поторопиться.

«Небольшая примесь». Мягко сказано. Не «полно слизи», не «запачканы слизию», не «кишат слизию»...

Питоцин, который он дал мне, чтобы ускорить роды, сделал схватки невыносимыми. Я металась на кровати, ища более удобную позу.

Когда настало время тужиться, у меня уже не было сил.

— Сэм... — прохныкала я.

— Что, милая, что?

— Я не могу.

— Можешь. Конечно, можешь.

— Нет, не могу. Не могу.

— Клер, — медленно ответил он, — у тебя нет выбора.

— Сделай это сам, — сказала я, и мы оба засмеялись.

После этого я напряглась еще дважды и родила. Сэм перерезал пуповину, и ребенка вручили мне. Мои слезы упали на пушистую головку девочки и окрестили ее мо-

ей надеждой, изумлением и страхом. Руки и грудь, к которым она прижималась, покалывало, в то время как нижняя часть тела выгибалась дугой, дрожала и кровоточила. Было трудно сосредоточиться на ребенке, потому что мое тело разрывалось пополам. Я отдала девочку Сэму, и сестра принялась накладывать швы. Сэм обошел с Джейми больничную палату и показал ей все, что там было, тщательно выговаривая слова: картина, кровать, раковина, щипцы, мама, очень усталая мама.

Он делал это каждый день, пока Джейми не выросла настолько, чтобы запомнить названия всех сложных предметов в нашем доме. Люстра. Зеркало. Тальк. Спальня. Гараж. Газонокосилка. Световой люк.

В одно прекрасное январское утро, когда Джейми было всего год и десять месяцев, я поставила ее на стопку теплого белья, только что вынутого из сушилки. Она несколько секунд попрыгала на нем, а потом уползла. Я услышала ее плач на кухне, пришла и обнаружила, что она теребит дверцу нашего старого морозильника и хнычет: — Нежок!

— Морозильник, — сказала я. — Морозильник.

Потом я открыла его и увидела, что рядом с подносом для льда лежит аккуратно слепленный снежок.

— Мой нежок, — сказала она, дав имя новой вещи.

Мы в одних пижамах долго сидели у окна и следили за тем, как в воздухе плывет легкая снежная пыль. На земле ее не было. Я представляла себе Сэма, который ловил снежные хлопья в вечернем воздухе, терпеливо собирал снежную пыль с веток, и улыбалась, думая о его усердии, заботливости и нежных словах, которые он сказал Джейми после этого:

— Снежок. Снежок, Джейми. Давай положим его в морозильник, чтобы он не растаял до моего возвращения. Возвращения из очередной поездки.

В коттедже пахнет апельсином. Почти все утро Он проводит за дверью и звонит по сотовому телефону, так что у меня есть время подумать. Но мне приходят в го-

лову только опасные мысли. Я представляю себе первоначальный замысел: Он забирает Джейми, я борюсь с Ним. Когда я пытаюсь остановить Его, Он сбивает меня с ног, сильно ударив свободной рукой. Джейми кричит. Теперь это кажется мне смешным, как в фильме, который смотришь по кабельному телевидению.

Я представляю себе плакаты. Рискнет ли Сэм опубликовать объявление с моей фотографией и надписью «Пропала без вести»? Даже с другой прической и горестными морщинами на лбу я все еще немного похожа на молодую женщину, которую знал Дэвид. А как быть с другим плакатом, с надписью «Разыскивается полицией» и описанием, данным Джейми: карие глаза, смугловатая кожа, черные волосы? Словесный портрет, составленный полицией, не отразит его доброту и мягкость. Как и я, полицейские привыкли видеть в людях худшее.

С какого места они начнут нас искать? Пойдут в гараж, к соседям, в офис? Я представляю себе, как Майкл и Джош показывают им мой стол, как руки полицейских перебирают мои ручки, витамины, тампоны. Детективы возьмут из гостиной мой чемоданчик и станут просматривать наброски сюжета о детском труде. Майкл ответит им, что это была всего лишь идея. самого сюжета еще нет. Джош станет защищать меня. Скажет, что у меня не было времени на проведение предварительного исследования. Они достанут фотографию мужчины из каталога Тиффани и спросят, не собиралась ли я писать статью о ювелирных изделиях. Нет, скажет Джош. Вспомнит ли он о человеке, который шнырял вокруг и задавал вопросы? Да, думаю, что вспомнит; Джош — человек внимательный.

Следующая остановка: фитнес-клуб. Преподавательница йоги опознает меня по фотографии. О да, это Клер. Она очень гибкая, но никогда не становится на голову: боится инсульта.

Потом они опросят Элли и Карри: «Я не видела ее несколько недель. Мы так заняты! Ребенок заболел, потек кран и на работе был настоящий сумасшедший дом!» И, конечно, подружки будут чувствовать себя вино-

ватыми: прохлопали ушами. Когда Сэм уезжал еще не так часто, мы устраивали ночные пирушки. Пили вино и закусывали копченым лососем.

Допрос потрясет их: то, о чем я говорила им после третьей бутылки вина, окажется правдой. В конце концов кто-то действительно явился за мной.

Конечно, им было трудно меня понять. Они каждую ночь спали рядом с мужьями, и в каждом окне их домов стоял датчик охранной системы. У Карри были электронные ворота, забор с металлическими остриями и интерком. Муж Элли — бывший «зеленый берет». Я помню, как мы втроем смотрели «реалити-шоу», где нужно было выбрать себе жениха из заранее отобранной группы.

Элли настаивала на том, что Карри следовало выбрать Райана. С ним она чувствовала бы себя в безопасности.

Но Карри возражала. Чарли нравился ее родителям и смешил ее.

Я говорила, что если ей нравится смеяться, то можно записаться в клуб любителей комедии.

Но Карри парировала: если бы ей хотелось чувствовать себя в безопасности, она могла бы нанять телохранителя.

Интересно, по какому признаку можно определить, обладает ли мужчина нужным тебе качеством? Если он действительно способен защитить тебя, то в чем это сказывается? В физической силе? Или в моральных качествах?

Коттедж кажется меньше, покрывало колется. Он стоит за окном и что-то говорит. Пытаюсь читать по Его губам, но ничего не получается. Договаривается ли Он о моем освобождении? Мне представляется уморительная беседа: Он разговаривает со своей матерью или подругой. «Как малыш? Нормально, все по-старому. Может быть, вернусь к полуночи. Но к обеду не жди».

Я чувствую себя слегка пристыженной. Заставляю беднягу задерживаться на работе.

Он возвращается и начинает рыться под кроватью. Ага, думаю я. Наконец-то. Карманы у него все же не

бездонные. Что там, морозильник? У меня громко урчит в животе.

Он поднимает взгляд, видит, что я держусь за живот, и смеется. У него смех маленького мальчика, более высокий, чем сам голос. Заразительный. Еще одна деталь для словесного портрета.

— Скоро принесу ленч, — говорит Он и развязывает мне ноги. Можно ненадолго вытянуться.

У него в руках блокнот и ручка, вынутые из-под кровати. Он снова уходит звонить по телефону. Я смотрю в окно, слежу за шариком, касающимся бумаги, и завидую. Я бы тоже хотела написать письмо, составить список покупок, начать сюжет о детском труде. Мне не хватает ручки, бумаги, журналов, бальзама для губ, туалетной бумаги и розовых трусиков Барби, лежащих в моей большой черной сумке.

Он стоит спиной к окну. Внезапно я понимаю, что настал благоприятный момент. Не для бегства, а для знания. Сбора нужной информации. Нужно воспользоваться тем, что Он отвлекся. Там что-то есть. *Под кроватью.*

Я подползаю к краю моей кровати, перекатываю и соскальзываю на пол. Поднимаю ногами покрывало и заглядываю под него. Никакого морозильника, там для него просто нет места. Вместо морозильника — плоский парусиновый прямоугольник. Зеленый или коричневый, не пойму. Похоже на стеганую сумку с теплоизоляцией, в которой приносят обед.

Слышатся Его шаги. Стены и стекла тут слишком тонкие.

Я инстинктивно упираюсь в пол и начинаю перекачиваться. Когда Он входит, я успеваю обогнуть Его кровать и оказаться в промежутке.

Он обводит комнату взглядом. Делает два шага и опускает глаза.

Наши взгляды встречаются. Снизу Он смотрится по-другому. Очертания подбородка, ноздри, скулы. Потолок над Его головой искрится. Дешево и сердито. Он не рассержен, но слегка сбит с толку. Похоже, это кажется Ему забавным.

— Упала с кровати, — говорю я.

Он протягивает руку и помогает мне сесть. Так, словно выполняет свой долг. Тот долг, который чувствовался в его движениях, когда он завязывал узлы и проверял, не туго ли затянута веревка.

Он опускает меня на кровать, и это напоминает еще кое-что. Точнее, кое-кого. Чью-то силу и уверенность. Когда я была беременна Джордан, схватки начались в такси. «Скорая помощь» остановилась на углу. Санитары положили меня на носилки, завернули и пристегнули.

— Вы фельдшер? — выпаливаю я.

— Что? — стремительно повернувшись, спрашивает Он.

— Фельдшер или?..

— Не мелите чушь, — слишком поспешно отвечает Он.

Но я понимаю, что угадала. Наконец-то я *что-то* знаю.

Но концы с концами не сходятся. Что у медика может быть общего с Сэмом? Если Его нанял Дэвид, то почему фельдшера, а не обычного головореза? И тут в моем мозгу что-то щелкает: я представляю себе ящик с ампулами, флаконами и шприцами. Смертельно опасное сочетание фельдшера, похитителя и фармацевта. Его Чемоданчик.

Я отворачиваюсь, испытывая чувство, которое некоторые люди ощущают при приближении землетрясения, и начинаю дрожать так, что спинка кровати колотится о стену. Его ступни, упирающиеся в пол, вибрируют, словно мимо проехал тяжелый грузовик.

— Что с вами? — негромко спрашивает Он.

— Вы хотите одурманить меня лекарствами и перевезти в другое место, — стуча зубами, говорю я. — Хотите убить меня постепенно, а не сразу.

Он подходит к кровати, накрывает мои ноги углом покрывала и отвечает:

— У вас слишком богатое воображение.

Школьная экскурсия Джейми. В пожарном депо все блестит: машины, шесты, крючки для оборудования, во-

лосы моей дочери, гордо стоящей рядом с далматином. В нашем городке редко бывают пожары, так что времени для шлифовки поверхностей хватает.

Эта экскурсия для родителей труда не составляет: не нужно трястись в автобусе, чтобы посмотреть на поле, где выращивают тыквы, или ехать на «сабурбане» в музей, расположенный в центре города, где яблоку упасть негде. Нет. Все, что от нас требуется, это пройти пешком четыре квартала до депо и обратно.

Четыре квартала. Что может случиться за четыре квартала?

Возвращаясь в школу вместе с другими родителями и сопровождающими, я держала в левой руке руку Джейми, а в правой — руку ее подружки Эмили. Когда девочки начали пинать ногами листья и нить, что они замерзли и проголодались, я решила, что нам всем нужно попрыгать. «Когда прыгаешь, настроение улучшает-ся», — сказала им я.

Каштановые волосы Джейми растрепаны, щеки порозовели. Красные листья разлетаются в стороны, словно наши прыжки позволили им обрести свободу. Но что-то двигалось слишком быстро: краем левого глаза я заметила на дороге бирюзовое пятно.

Я резко рванула Джейми за руку и оттащила вправо, подальше от проезжей части. Но машина не перемахнула через бордюр и не наехала на нас. Не замедлила ход и не подобрала Джейми с тротуара.

Она промелькнула мимо, как бледно-голубое пятно, и Эмили дернула Джейми за другую руку.

— Мирись, мирись, мирись и больше не дерись, — сказала она.

Это был новый «жук», а не старый «карманн гиа».

На ленч Он заказывает то, что прошу я: индейку с авокадо и помидорами и жареную картошку. В сумке оказываются соль, салфетки и вода. Авокадо нежный и сочный, как лакомство из другого мира. Я ем его словно впервые. Он разрешает мне включить телевизор, как ребенку, вернувшемуся из школы. Старый фильм с Ми-

шель Пфайфер и Шоном Пенном. Я уже видела эту картину и плакала над сентиментальным концом, но какая разница? Можно сделать вид, что ничего не знаешь.

Он держит пульт дистанционного управления у себя, чтобы я не могла переключить канал и увидеть новости. Это не имеет значения: я и так могу представить себе, что там говорят. Я смотрю на Него и пытаюсь мысленно нарисовать Его портрет. Сможет ли Джейми нарисовать Его так же, как нарисовала бы я: высокие скулы, решительный подбородок, сильные руки? Для маленьких девочек мир мужчин делится на две части: папу и чудовищ. А этот человек находится посередине. Кто Он для нее и для всех нас?

Разыскиваемый полицией. Так Его назовут в выпуске новостей.

Я больше не смотрю вечерние новости. Только утренние. У меня сложилось впечатление, что картины насилия как-то застревают в моем мозгу. Днем я успевала привыкнуть к ним, но по вечерам они изменяли мое сознание. Вслед за вечерними новостями я перестала смотреть начинавшиеся в десять часов сериалы о больницах, полиции и работе судебных экспертов. Пыталась не смотреть страшные фильмы, но это было невозможно. В фильмах всегда встречались увечья, автомобильные катастрофы или что-нибудь пугающее. Я тут же хваталась за пульт и переключалась на развлекательные передачи. Девочки часто находили меня в семь утра завернутой в одеяло, с пультом в руках. При этом неизменно был включен канал, передававший какого-нибудь «Мистера Бина».

Сейчас я смотрю только романтические комедии. Никаких войн, никаких тайн, никаких подводных лодок. Его выбор оказался правильным. Единственная тяжелая сцена в этом фильме — обморок Шона Пенна во время исполнения песни ансамбля «Битлз».

— Вам нравятся такие картины, — говорит Он с другой кровати. Это не вопрос, а утверждение.

Пытаюсь вспомнить, не это ли лицо появлялось в окне, когда я смотрела телевизор? Он потирает подбородок

док; не этот ли звук я слышала в кустах, когда выходила на крыльцо для проверки? Да, конечно, сквозь листву и два окна все эти фильмы должны были казаться Ему одинаковыми.

— Какие картины? — прогоняя от себя эту неприятную мысль, спрашиваю я.

— Со счастливым концом, — спокойно отвечает Он.

После фильма начинается ток-шоу, и музыкальная тема убаюкивает меня. Вопросы и ответы, весь ритм шоу влияют на мое подсознание. Мне снится экзамен. Я знаю ответы, но не могу взяться за ручку. Сон школьный, но ничем не отличающийся от многих других: я не могу кричать, не могу двигаться, не могу писать. Когда-нибудь мне приснится, что я превратилась в ледяную статую.

Я просыпаюсь в холодном поту. Волосы прилипли к тонкой наволочке, ноги — к кусачему покрывалу в рубчик. Я не спала днем со времен младенчества Джордан, когда кормила ее грудью; потом мы устало прижимались друг к другу и погружались в дремоту.

Наступили сумерки, я одна. Телевизор выключен, пульта поблизости нет. На работе я ходила в закусочную и следила за тем, как люди днем смотрят «мыльные оперы». Человек, работающий в провинциальном телецентре, обычно привязан к месту. Люди собираются не в барах или вестибюлях гостиниц, а сталкиваются в закусочных и коридорах и позволяют себе маленькую роскошь всюду, где могут: достать шоколадку из ящика стола, посмотреть телевизор во время ленча. Я всегда считала, что смотреть телевизор днем — это роскошь.

Тут не нужно ни складывать белье, ни оплачивать счета. Я расправляю руки и ноги и потягиваюсь. Пусть я связана, но зато могу проводить целые дни в безделье.

Вспоминаю свою преподавательницу йоги. Когда мы принимали неустойчивую позу, она шептала: «Мы кладем себя в коробочки. Как вы чувствуете себя в своей коробочке?» Я глубоко дышу и снова потягиваюсь. Коробочка не такая уж неудобная.

Я встаю и прыгаю к окну. «Катласс» по-прежнему на месте, но Его не видно. У меня учащается пульс. Я не открываю ни дверь, ни окно. Не кричу и не бегу. Как ни странно, я делаю совсем другое: опускаюсь на пол у Его кровати, поднимаю покрывало и ногами подтаскиваю к себе стеганую сумку. Теперь я вижу, что она зеленая. Пытаюсь открыть ее. Мне нужно заглянуть в этот волшебный сундук. В черный шелковый мешок, приспособленный для современной преступной жизни.

Можно было бы сказать, что я открыла ее, разыскивая инструмент или оружие. Мне самой было бы приятно, если бы такая мысль скрывалась в глубине моего мозга. Но на самом деле мной двигало отчаянное, извращенное любопытство. Что Он прячет от меня? Кто Его послал? Почему Он похитил именно меня?

Не знаю, что я ожидала там увидеть, кроме наркотиков и шприцев. Разобранную винтовку? Вырезки из газет? Записную книжку в черном переплете?

Ничего такого я не вижу. Может, все это находится на дне, потому что сумка набита плотно. Наверху лежат блокноты для стенографии, желтые и разлинованные. А рядом с ними — видеокассеты, помеченные оранжевым маркером. Номера от 1 до 8.

Хлопает дверь «катласса». Я, как ребенок, хватаю первое попавшееся под руку: кассету под номером один. Запираю сумку, заталкиваю ее обратно, а затем ползу по ковру, толкая кассету перед собой. Услышав шаги на тротуаре, я изо всех сил запускаю ее под свою кровать. Не знаю, насколько далеко она пролетела, но под покрывалом ее не видно. И слава богу.

Шаги останавливаются; дверь «катласса» открывается и закрывается снова. Я с трудом поднимаюсь на ноги, какое-то мгновение стою, выигрывая время (которого у меня нет), и пытаюсь думать. Это либо Он, либо Кто-то Другой. Тот, Кто Наблюдает.

Я не свожу глаз с единственного, что нас разделяет. Дверь. Смотрела ли я на нее раньше?

На ней есть более темные пятна. Дверь выглядит толстой, но это наверняка только видимость. На деше-

вой золоченой ручке не болтается пластмассовая табличка «Не беспокоить». Конечно, нет: она висит снаружи. Что он сделал в первую очередь? Наверно, заплатил горничной. Во всяком случае, я не слышала, чтобы мимо хоть раз провезли тележку. В верхней части двери находятся четыре дырки от засовов. Еще бы: время от времени Ему понадобится выходить, поэтому нужно лишить меня возможности запереться изнутри.

Затаив дыхание я возвращаюсь к кровати и гадаю, чьи шаги слышу.

Через несколько секунд в коттедж входит Он.

Странно. С каждым разом я переносу это все легче и легче.

ВТОРНИК

Спит ли Он вообще? Не знаю.

Каждый вечер Он ложится на соседнюю кровать, но когда я просыпаюсь, Его нет.

Я слишком устала, чтобы сделать самое простое: дожидаться, когда Его дыхание станет мерным, а потом совершить попытку к бегству. Стоит мне подумать об этом, как я засыпаю. А виноваты веревка и пеньюар. Я ограничена в движениях и одета для постели. Мое тело делает то, что ему велят: не двигайся, спи. С таким же успехом Он мог заклеить мне глаза.

Ночью, когда я просыпаюсь, дрожа от кошмара, он всегда сидит снаружи, возле машины. Вряд ли кто-нибудь обратит на него внимание. Если верить красной табличке «есть свободные места», красующейся на здании конторы, Мид-Каунти — место не бойкое.

Он часто оставляет меня одну, это можно расценить как доверие. Или беспечность. Боязнь близости. Кто-нибудь из моих психоаналитиков сказал бы, что Он давал мне возможность для бегства. Например, через окно ванной. Но я не могла забыть третий пункт Его перечня, наиболее правдивый: «За нами наблюдают». Они

могли следить за мной посменно. Половину ночи один, половину — другой. Он мог спать в машине, пока за дверью был Другой.

После двух ночей, проведенных вместе, у нас появились свои ритуалы. Свет не гасится, мои запястья то привязывают к изголовью кровати, то отвязывают. Ванной мы пользуемся по очереди. Все продолжается в том же ритме, без сюрпризов. Наверно, два человека могут жить так до бесконечности.

Во вторник я проснулась, когда уже было светло. Он находится снаружи и говорит по телефону. «Катласс» мокрый то ли от росы, то ли от дождя. В ванной потоп, на полу лежит тонкий белый коврик, на плитках видны Его следы. Я ни разу не просыпала, когда Сэм рано утром принимал душ. Открывала глаза одновременно с ним. Спала чутко. Теперь я понимаю, что могу спать нормально. Потягиваюсь, поднимаю руки и ноги одновременно, напрягая мышцы живота.

Входит Он, держа под мышкой что-то завернутое в бумагу. Хочет передать это мне, но потом вспоминает про мои связанные руки и кладет сверток мне на колени.

Пока я разворачиваю бумагу, Его глаза смеются.

Узнаю свою белую футболку и серые трикотажные «капри»!

Светлые волосы на моих руках встают дыбом. Когда Он взял все это? До того? Или после? Неужели Он был в нашем доме *дважды*?

Моя нижняя губа дрожит. Я думаю о ночах, предшествовавших грозе, предшествовавших Его приходу. О кошмарах, безудержно колотящемся сердце, свернутых жгутом простынях. О звуках, которые я слышала, но успокаивала себя. Я не могу этого вынести. Выходит, я была права.

На Его лбу взбухают вены.

— Я думал, вы... — Фраза остается неоконченной.

— Это мое?

— Да.

— Вы лазили в мой шкаф? Говорите, что дело не во мне, а сами роетесь в моем шкафу, в моих вещах?

Он растерянно моргает и качает головой

— Я ездил в магазин.

Он достает из правого кармана ценники. Пластмассовые ярлычки подрагивают, как рыба на леске.

— Это похоже на то, что вы носите, — негромко говорит Он.

Наши глаза встречаются, и я начинаю понимать, что происходит. Он уже несколько дней пытается загладить свою вину.

Он включает воду. Когда ванна наполняется до половины, Он наклоняется и погружает в воду локоть, определяя температуру воды. Знакомая поза. Настолько классическая, что ее можно лепить из глины.

— У вас есть дети? — выпаливаю я.

Он выпрямляется. С локтя капает вода. Его глаза приобретают странное выражение: в них то ли боль, то ли гнев. Он молчит. Я понимаю, что слишком далеко зашла.

Поскольку мои запястья свободны, я беру новую одежду в ванную и кладу ее на полку. Из ванны она смотрится великолепно. Я думаю о своих старых шкафах, ломившихся от модных вещей. Но он знает правду. Я не расхаживаю по дому в пеньюарах из розового шелка.

Он закрывает дверь ванной. Знак доверия?

Я вытираюсь и разворачиваю футболку, которая оказалась на один размер меньше той, которая лежит в моем шкафу, белее и плотнее. В нее завернуты белые трусики и зубная щетка. Она падает на пол и лежит там, как улика.

Я выхожу в комнату. С волос капает, на спине образовалась влажная буква «V». В руке зажата зубная щетка.

— Мы остаемся? — спрашиваю я.

Он отрывается от блокнота. Я буду задавать этот вопрос каждый день. До тех пор, пока у Него не лопнет терпение.

Он вздыхает и поднимает глаза. Это обычная увертюра перед словами.

— Я получил его голосовое сообщение.

— Он уже дома?

— Нет. Рейс отложили.

— Посылать сообщения с борта самолета нельзя, — говорю я, садясь на край кровати.

Он смотрит на меня и молчит.

— Они могут засечь ваш телефон, — добавляю я.

Он бросает на меня насмешливый взгляд.

Я перестаю защищать своего мужа в глазах похитителя. Принимать чью-либо сторону не в моих интересах.

Доктор Кирни говорил, что борьба — это мой защитный механизм. Я думаю, это такая же неотъемлемая часть моего организма, как вздернутый нос или веснушки. Мои соседи — добрые люди, охотно жертвующие на бедных, устраивающие благотворительные ярмарки. Волонтеры. Я им не чета.

— Мамочка, почему ты не такая, как другие мамы? — спросила Джейми, когда пошла в школу.

— Другие мамы скучные, — ответила я. А про себя подумала: другие матери брали фамилию мужа, потому что гордились этим, а не потому что им было что скрывать.

Он ненадолго запирает меня, а потом возвращается с завтраком. Мне представляется, что завтрак был в машине. Или что его доставил Человек, С Которым Он В Сговоре. В белом пакете пластмассовая ложечка постукивает о контейнеры с йогуртом и канталупой. На дне пакета лежит апельсин.

Звонит серебристый телефон, и Он идет к двери. Я вынимаю апельсин. Плотный, сочный, прохладный, тяжелый. Я быстро смотрю Ему в затылок. Что будет, если я метну в этот затылок апельсин? Он резко оборачивается, и я опускаю руку. Кончик моего большого пальца движется вдоль черенка пластмассовой ложки и добирается до ее грубого верхнего края. Порезаться им ничего не стоит. К тому же ложку легко спрятать... И тут звонит второй телефон. Он говорит «алло», потом идет в ванную, закрывает дверь и включает вентилятор.

У меня начинает колотиться сердце. Неужели это звонит Сэм? Я нервничаю так же, как в тот миг, когда

он позвонил мне после вечеринки у Элли. Я помню, как взяла трубку и услышала его спокойный голос: «Клер? Это специалист по выпрямлению позвоночника». После первого приступа радости я вновь ощутила страх. Страх перед вопросами, которые он мог задать. В моем мозгу возникли взъерошенные мужчины из прошлого и выстроились в шеренгу, как полицейские. В конце концов, он непременно спросит про шрам. Да и кто на его месте поступил бы по-другому?

Я сую ложку под подушку и нагибаюсь в сторону двери. Но слышу только жужжание жестяного вентилятора. Думаю, если бы я осмелилась допрыгать до двери и прижаться к ней ухом, Он бы включил воду. Он торчит в ванной уже долго. Минут пять? Столько мужчины по телефону не говорят. Одного этого достаточно, чтобы понять: Он разговаривает не с Сэмом. Я прислоняюсь к изголовью кровати и сдаюсь.

Он возвращается в комнату взволнованный, подходит к окну и пьет кофе.

— Что-то не так? — спрашиваю я. Мне уже пришлось бывать в номере мотеля наедине с женщиной, которого распирало от новостей.

— Это был Сэм?

— Его секретарша.

И тут я понимаю, что его щеки горят не от жары, не от смущения, а от гнева. Сэм поставил Его на один уровень с садовником, плотником, горничной. Унизил.

— Что она сказала? — спрашиваю я, но на самом деле хочу знать, как она говорила. Неужели красавица Мелани утратила свой бесстрастный начальственный тон? Неужели лед в ее голосе растаял?

— Сказала, что Сэм позвонит мне через пять минут. После пресс-конференции. И до того, как он улетит в Нью-Йорк.

Он садится на другую кровать.

— Может быть, она решила, что это шутка?

— Да, может быть.

Я протягиваю Ему корку от апельсина и пустые контейнеры.

Он заглядывает в пакет.

— А где ложка?

Я пожимаю плечами.

Его левая рука проскальзывает под мою подушку. Он достает ложку, помахивает ею в воздухе и укоризненно покачивает головой.

Он стоит так близко, что я не вижу Его правую ногу, скрытую кроватью. Внезапно Он опускает взгляд, и на мгновение меня охватывает паника: видеокассета! Но Он нагибается и почесывает ложкой щиколотку.

— И что вы собирались ею сделать? — спрашивает Он. — Съесть меня?

— Выкопать подземный ход, — отвечаю я.

— Куда именно?

— Туда, где можно купить газету, — улыбаюсь я.

1999, Санта-Фе. Сэм и его деловой партнер Хью на фестивале искусств. Они почти такие же загорелые, как художник-индеец. Хью выступал с главным докладом на Национальной конференции специалистов по связям с общественностью, но докладов там было очень мало. Масса экскурсий, гольфа и курортных процедур, как утверждал Сэм, убеждая меня поехать с ним. Тогда Хью еще не был женат на Энн, и я чувствовала себя третьей лишней. Люди его профессии казались мне скучными, они без конца говорили о винных погребах и скоте.

Я познакомилась с Хью в тот же вечер, что и с Сэмом, на вечеринке у Элли. Когда я уходила в ванную, Сэм был один, но по возвращении я обнаружила, что он раздвоился.

— Вы похожи, как братья, — сказала я, пожимая Хью руку и стараясь не рассматривать его.

— Я моложе, — быстро сказал Сэм, и мы дружно рассмеялись. Но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это правда. Сэм выглядел стройнее и более по-мальчишески. Походка у него была пружинистая, Хью двигался медленнее.

— Приходится следить за ним в оба, — вздохнул Хью, когда Сэм пошел за очередной порцией джина с тоником.

— Ни одна женщина не сравнится с ним в искусстве саморекламы с помощью обольщения.

Тогда следовало слушать его внимательнее: это было предупреждение. Ключевое слово — «самореклама». Я этого еще не понимала. Энергия Сэма была заразной. Он верил, что политики могут победить, что новый продукт будет пользоваться спросом, что бродячие театральные трупы способны процветать. Вокруг него все вертелось колесом. В любом северо-восточном городе он не мог пройти и квартала, чтобы не наткнуться на знакомого.

Моя работа на телецентре отличалась от его работы как небо от земли: от меня не требовалось ни разъездов, ни интуиции. Большую часть времени я писала, редактировала и звонила по телефону. На такой работе Сэм умер бы от скуки. Он нуждался в людях и фантазиях так же, как другие нуждаются в воздухе.

В моем офисе Сэм смотрелся бы неуместно. Мужья женщин, с которыми я работала, были музыкантами и художниками. Мне казалось, что по ночам эти пары в постели читают сонеты или смотрят в окно на луну. Мои сотрудницы были похожи на меня, но я считала, что это вызывает скуку. Мы с Сэмом были «инь» и «ян». На первых порах казалось, что это самое лучшее сочетание. Единство противоположностей.

Впрочем, он пытался подстроиться под меня. Сэм был первым из знакомых мне мужчин, кто претендовал на интеллектуальность. У него неплохо получалось. Мне понадобилось несколько лет, чтобы разоблачить его. Роберт, старший брат Сэма, тоже друживший с Хью, с отличием закончил Принстон. Сэм же поступил в университет Сан-Диего и выбивался из сил, чтобы казаться не глупее брата. Он подписывался на журнал «Харперс» и оставлял его номера на кофейном столике. Покупал дешевые репродукции знаменитых картин и развешивал их на стенах своей квартиры. Может быть, он выбрал в партнеры Хью только потому, что это одобрил бы его брат.

У Хью были деньги, а у Сэма — энергия. Нуждались ли они в чем-нибудь еще? Совместными усилиями они со-

здали чрезвычайно успешный бизнес, опиравшийся на их дружбу и их хобби. Все было очень просто. Они словно спросили себя: «Какая профессия предусматривает игру в гольф, рыбалку, еду и питье неделями напролет?» Все мужчины — позеры. Так я думаю, когда пребываю в плохом настроении.

Сэм привлек меня тем, что пересказывал рецензии на книги, фильмы и произведения искусства, печатавшиеся в «Клифф Ноутс». Он впитывал мнения других людей. Чувствовал то, что внушали ему критики. Казалось, я жила в лаборатории. Постоянные опыты, проверки и перепроверки. Открытия, подтверждающиеся спустя некоторое время. С другой женой результаты могли бы быть иными. Но я была его единственной женой, первой и последней. Я до сих пор не понимаю, почему он выбрал именно меня. Впрочем, возможно, никакого выбора и не было. Скорее всего, Хью сказал ему «ты должен жениться на этой женщине», и он послушался.

В тот вечер, когда Хью предупредил меня, выяснилось, что Сэм неплохо информирован.

— Так вы и есть печально известная Клэр? — улыбнулся он, пожимая мне руку.

— Не такая уж известная, — ответила я.

— А как же ваши путешествия и награды? Вы похожи на героиню романов Тома Клэнси.

— Фу! — Я скорчила гримасу, и он тут же перестроился.

— Ладно. Тогда Диккенса. Или Чехова.

Я улыбнулась, решив, что он хорошо начитан. Тогда это имело для меня значение. Больше, чем следовало.

— Предпочитаю Теннесси Уильямса, — ответила я. — Или Мэймета. Обожаю Мэймета.

— Действительно, — кивнул Сэм.

Одного этого слова хватило, чтобы продемонстрировать интеллектуализм, понимание и одновременно вызвать у меня симпатию. Сэм воспользовался им как дымовой завесой. И я попалась. Влюбилась по уши.

А что в этом удивительного? Ничто не является таким, как кажется с виду. Это единственная правда, которую моим дочерям следовало бы обнаружить в запертом шка-

фу. Единственный смысл того, что лежит в Коробке. Противень с печеньем, только что вынутым из духовки, белый штакетник, виляющий хвост на крыльце... Все это совсем не так чудесно, как выглядит со стороны шоссе.

Дождь постепенно слабеет. Ливень переходит в изморось, а затем прекращается. Я слежу за ним, как и за всем остальным, сквозь щель в шторах. Через нее проходит вертикальная полоска света, цвет которой меняется от зеленовато-серого до синего и оранжевого. Если бы что-нибудь случилось (например, мимо прошел Тот, Кто Следит, через автостоянку проехал автомобиль бродячего торговца или горничная позаботилась принести похитителю полотенца), это показалось бы тончайшей мизансценой. Тайна раскрылась бы во втором акте. Появился бы новый персонаж или ушел старый. Освещение меняется, но декорации остаются прежними. По утрам «катласс» кажется влажным, но это от росы. Его серебристо-голубой кузов — не слишком надежный измерительный прибор. С его помощью нельзя определить ни температуру, ни время. Окно мотеля смотрит на восток, я знаю это по солнцу. Кроме того, можно сказать, что, когда Он выходит за дверь, Его рубашку раздувает северный ветер. Ох уж эти школьные уроки естествознания. Они вспоминаются только тогда, когда тебя похищают.

Что, скучно? На первых порах так не было. Я привыкла видеть только кусочки мира. Боюсь увидеть его целиком; в нем много такого, к чему я не готова. И все же дни не казались короткими. У меня было на что отвлечься.

После завтрака Его телефон звонит трижды. Он каждый раз выходит за дверь и разговаривает на улице. Открывая дверь, Он оборачивается с таким видом, словно хочет сказать: «Это не он. Кстати, я знаю, что ты следишь за мной через окно».

Сигнал у его «Моторолы» раскатистый, но менее резкий, чем можно было ожидать. Мелодии сводят меня с ума; я благодарна небесам за то, что Он не выбрал од-

ну из них. Я подозреваю, что хотя это и не Сэм, однако звонки имеют отношение ко мне. Впрочем, я могу и ошибаться. Он продляет срок пользования библиотечными книгами, записывается на прием к зубному врачу или разговаривает со своей подружкой, обиженной тем, что Он любит свою работу больше, чем ее.

А я разлучена со своими телефонами уже три дня. Рабочий, домашний, мобильный. Три аппарата за три дня. Может быть, только с одной работы мне поступило тридцать сообщений. Полицейские ломают голову, решая, какие из них следует сохранить, а какие можно стереть. Но мне плевать на все эти подслушивания, пароли, архивы. Я по звонкам не скучаю. Когда Сэм дома, он всегда подходит к телефону, а я даю срабатывать автоответчику. Мое равнодушие сбивает мужа с толку. Телефон, почта... Он относится и к тому и к другому по-детски: все еще верит, что в конверте может прибыть чудо. Я помню, каким становится его лицо, когда он вскрывает пакеты. С жадностью проглатывает то, что чаще всего оказывается ерундой. Может быть, ты что-то выиграл. Может быть, там лежит сюрприз. Когда девочки еще не умели читать, он непременно совал им что-нибудь в руки: «Глянь-ка, Джейми, Сакс прислал нам каталог обуви! Джулия, по-моему, этот журнал адресован тебе!»

Обычно почта лежала в ящике несколько дней, я просто забывала про нее. Когда наступало Рождество, я стояла от потока посылок и бандеролей. Теперь я скучаю по почте и отдала бы что угодно за журнал или каталог. За газету. Мне нужна газета.

В коттедже тихо. Телефон, сорванный со стены, сломался и умолк. Он уже не принесет вестей — ни хороших, ни плохих. Я представляю себе табличку «Не беспокоить», болтающуюся на ручке. Оттуда новости тоже не поступят. Ничто не отвлечет нас от преступления.

Оранжевая лампа стоит на тумбочке с одним ящиком. Ящик выдвигается легко. Как и следовало ожидать, там лежит Библия в черном переплете. Я кладу ее на кровать. Трудно переворачивать страницы новой книги,

когда руки связаны. Корешок тугой, страницы так и норовят закрыться. Приходится отказаться от этой затеи.

Я не свожу глаз с телевизора, словно могу включить его взглядом. Пульт лежит у Него в кармане. Под телевизором есть черная коробочка. Раньше я считала, что эта коробочка нужна для подключения к кабельному телевидению, но теперь вижу, что она больше. «Ди-ви-ди»? Нет, «Ви-си-ар».

Я рывком сажусь, мое дыхание учащается. Может быть, я чувствовала, что она там, когда схватила ту кассету? Правда, в Мид-Каунти могло не быть розеток для стандартной аудио- и видеоаппаратуры. Здесь не было ни мини-бара, ни машинки для чистки обуви, ни толстых белых махровых халатов с монограммой «МК». Я опускаю ноги и начинаю шарить пальцами между краем покрывала и ковром. Правый мизинец касается края спрятанной видеокассеты.

Из-за двери доносится крик, и я быстро поднимаю ноги. Попалась! Заглядываю в щель. Он гневно жестикулирует и что-то рычит по-испански. Точнее, мне кажется, что по-испански. Я не сильна в языках. Знаю только французский, потому что работала во Франции. Начинаю рыться в воспоминаниях: говорил ли Дэвид еще на каком-нибудь языке, кроме французского? Через минуту Он с досадой захлопывает телефон, поднимает глаза к небу и издает стон. Потом оборачивается и смотрит прямо в щель между шторами. Мы смотрим друг на друга через пустую комнату. Потом Он исчезает. Наверно, что-то достает из машины. Сейчас вернется. Я не двигаюсь. Жду, пригвожденная к месту любопытством крепче, чем веревочными наручниками.

Но Его все нет. Сколько проходит времени? Пять минут? Десять? Теперь небольшие временные промежутки от меня ускользают. Есть только утро, день, вечер. Завтрак, ленч, обед.

Он открывает дверь и бросает на меня странный взгляд. — Вы не двигались, — говорит Он.

Неправда. Пальцы моих ног касались твоей чертовой кассеты. Но я просто пожимаю плечами. Разве можно

разочаровать или удивить человека, который тебя не знает?

Он садится на свою кровать и проводит ладонью по рту. Типично мужской жест.

— Это Сэм заставил вас так кричать?

Он качает головой.

— Вы звонили много раз.

Он поворачивается и смотрит на меня с таким видом, словно не знает, рассказать или нет.

— Я человек популярный, — наконец говорит Он.

— Вы человек сердитый.

Он глотает комок в горле.

— Босс мной недоволен.

Я хлопаю глазами. Он впервые использует это слово. Босс? В смысле — Тот, Кто Следит?

— Скажите мне, на кого вы работаете, — тихо говорю я.

— Непременно, — бросает Он. — Если вы скажете мне, кто такой Дэвид.

Наши взгляды встречаются, и я качаю головой. Нет. Спор окончен. В этом противостоянии нет ничего удивительного. Оно предусмотрено правилами похищения.

— Ваш босс сердится на вас из-за меня?

Он кивает.

Он допустил ошибку, похитив меня, и за это Его уволят.

В воздухе повисает напряжение. Важность этого факта невозможно переоценить. Успех дела висит на волоске. Если Он не справится, мы все окажемся по уши в дерьме.

Внезапно у меня начинает чесаться ступня. Так сильно, что невозможно терпеть. Я корчусь и пытаюсь потереть подъем о раму кровати. Он смотрит на меня, небрежно покачивая свисающими с кровати ногами. Так небрежно, что я мучительно завидую Его способности двигаться. Он поднимает мои связанные ноги и начинает умело растирать их. Ногти у него короткие и ровные, кончики пальцев гладкие.

Телефон звонит снова. Он кладет мои ноги, открывает аппарат и со вздохом отвечает по-испански.

— Спасибо, — говорю я, когда Он идет к двери.

На пороге Он оглядывается и коротко кивает мне. Я догадываюсь, что этот кивок означает не «пожалуйста».

Он означает, что звонит Сэм.

День.

Ленч.

— Принесите мне газету! — кричу я.

Джейми с папой в детском парке. На фотографии она улыбается и машет кулоном. Но она съела две порции сахарной ваты. На обратном пути Сэм увидел в зеркале ее позеленевшее лицо и тут же свернул на обочину. Помню, что когда он описывал эту сцену, я смеялась.

Сэм умел обращаться с больными детьми и не терялся, когда приходилось принимать срочные решения. А вот я не умела, и девочки знали это. Ни один родитель не застрахован от ошибок. Ты целуешь трехлетнего ребенка в головку и просишь прощения, говоришь, что маме очень жаль, что мама очень расстроилась, и ребенок отвечает тебе: все в порядке. Но ты прекрасно знаешь, что, когда девочке исполнится двадцать или сорок, она непременно вспомнит этот случай, лежа на кушетке психоаналитика.

Джулии четыре года, и у нее весь день болел живот.

— Брюшко болит, — снова говорит она в половине десятого.

Я делаю то же, что уже несколько раз делала днем. Целую в лоб, проверяя, нет ли температуры. Трогаю пупок и спрашиваю, там ли болит. Да. Спрашиваю, не нужно ли ей сходить в туалет.

— Нет. Не нужно, мамочка.

Ни крови, ни температуры, ни боли в правом боку.

— Тогда ложись в постель, маленькая, — говорю я ей, — прижми коленки к груди и постарайся уснуть. Может быть, в твоем животике просто скопились газы.

Через час Джулия приходит в слезах и сгибается пополам.

— Мамочка, я пробовала, честное слово. Но у меня в брюшке ножики! — плачет она.

И тут я вижу в ее глазах нарастающий страх. Ребенку может прийти в голову подобная мысль только в том случае, если с ним случилось что-то очень плохое. Ужасное. Непоправимое.

Я откладываю дела, выключаю сушилку, но оставляю включенной стиральную машину. Кладу в сумку пеленки, бутылку и телефон. Джейми и Джордан уже спят без задних ног. Я вынимаю девочек из кроваток, они смотрят на меня как на чужую.

Мы доезжаем до больницы, Джулия снова спит. Я вынимаю из багажника прогулочную коляску и кладу в нее девочку, моля небо, чтобы она не проснулась. Говорю Джейми, чтобы она везла коляску, если мне придется взять Джулию на руки.

В приемном покое сидит мужчина с перевязанной рукой, я не смотрю на него. В углу, рядом с телевизором, спит девочка-подросток на подкладном судне.

Мы заполняем анкету и ждем. Звук в телевизоре выключен. Из журналов здесь только «Форчун» и «Гольф». Джейми трет глаза, я растираю Джулии спину. Зевающая медсестра вызывает мужчину с перевязанной рукой, потом нас. — Наверно, это аппендицит, — говорю я.

Кабинет тесный, коляска еле помещается в углу. Я опускаю щиток. Лампы здесь слишком яркие.

— Вы думаете? — не поднимая головы, говорит врач. Акцент у него то ли английский, то ли южноафриканский. Не могу сказать точно.

Он измеряет девочке температуру, простукивает грудную клетку, осматривает горло. Задает ей те же вопросы, что и я: где, как давно. И несколько новых: что она ела и пила. Ходила ли сегодня в школу. И с кем играла.

Врач снимает перчатку и смотрит на меня слишком добрым взглядом.

— Я поставлю ей свечку, а потом подождем полчаса.

— Свечку от температуры? — спрашиваю я.

— Температуры нет, — спокойно отвечает он. — У нее раздут кишечник. Скорее всего, ничего страшного, но есть небольшая вероятность...

— Разрыва?

— Да. Но, как я уже сказал, это вряд ли. Давайте подождём полчаса, ладно? Если у неё будет стул, не спускайте воду. Я должен посмотреть.

Он выключает свет и задерживает занавеску.

Через двадцать минут Джулия садится и говорит, что ей нужно в туалет. Я иду с ней, и внезапно все встает на свои места. У девочки запор, который продолжается уже несколько дней.

Мы уезжаем. На прощание нам напоминают, что нужно есть больше клетчатки и меньше сыра. Я обмениваюсь красноречивым взглядом с медсестрой, у которой наверняка тоже есть четырехлетний ребенок. Пицца, «бигмаки» и чизбургеры. А что еще едят дети?

Машина сворачивает на подъездную аллею. Вот так и крадут младенцев, думаю я, открывая дверь в час ночи, неся на руках одну девочку и оставив двух других спать в машине.

Сэм плюхается в кровать в шесть утра. За час до того, когда мне нужно вставать. И при этом жалуется, что не мог уснуть из-за храпа пассажиров.

Я в ответ рассказываю о том, как прошел вечер, и думаю про себя: мне бы твои проблемы.

Первые же слова заставляют его нахмуриться. Он начинает задавать вопросы. Ее тошнило? Как она чувствовала себя накануне? Бедная девочка.

Однако когда я дохожу до благополучного конца, морщины на его лбу не разглаживаются.

— Надеюсь, что страховая компания заплатит за это, — говорит Сэм. — В последнее время они стали косо смотреть на такие случаи.

— Конечно, заплатит, — отвечаю я. — Ребенок мучился целый день.

— Клер, эта клизма может обойтись нам в тысячу долларов. В тысячу!

Я хочу спросить, что бы он сделал на моем месте, но задать такой вопрос невозможно. Он не был на моем месте. И никогда не будет.

Я снова ложусь и жду сигнала тревоги, чтобы встать. Сигнала моего или его будильника, сигнала монитора сле-

жения за ребенком, сигнала датчика дыма или углекислого газа. Любого сигнала, который заставит меня встать и выйти из комнаты.

Но все тихо, и я остаюсь в спальне. Пока остаюсь.

Кондиционер громко ворчит на стену. Стена громко жалуется на кондиционер. Они сцепились в смертельной схватке. Я хочу заткнуть уши, но не могу. Когда я подношу руки к подбородку, пальцы едва касаются мочек. Связанные запястья не дают сделать даже такую мелочь. Иногда он снимает цепочку, но проклятые самодельные наручники по-прежнему на мне.

Дождь прошел, и вновь вернулась жара. Я чувствовала это, когда Он открывал дверь. Но кондиционер сражался вовсю, и теперь в комнате холодно. Так холодно, как бывает только в номерах отеля. Я ворочаюсь, как аллигатор, пытаюсь согреться. Все лежащие на мне слоиткани — простыня, одеяло, покрывало — тонкие. Каким-то образом мне удастся прижать к уху подушку. Сразу становится теплее. И тише. Снаружи больше не доносятся сердитые испанские фразы. Единственные испанские слова, которые я знаю, это те, которым Джейми и Джулия научились в школе: «Бланко», «мотоциклетта». Но их я не слышу.

Я снова повернулась к окну, но не увидела Его в щели, хотя знаю, что Он близко. Шум мотора «катласса» был бы слышен даже сквозь подушку. Однако на этот раз Его нет долго.

Нужно достать из-под кровати кассету, добраться до видеомэгнитофона и посмотреть ее, но я праздную труса. Вместо этого я представляю себе ее содержание. Это наверняка запись тайного наблюдения за нашим двором, домом и его обитателями. Другого объяснения нет. Но кассет в сумке слишком много. Может быть, Он занимался не только мной? Может быть, у него на примете были и другие дома? Я начинаю шевелить мозгами. Его точность, Его иностранное происхождение. Его гнев на Сэма. Я с ужасом вспоминаю слова, сказанные Им в первую ночь: «Американцы портят своих детей». Да, Сэм летал по делам в Мек-

сику, Венесуэлу и даже на Кубу. Три раза? Четыре? Не помню. Он часто возвращается в плохом настроении. Откуда? Не из Мексики ли? У него с Хью есть еще два партнера — оба женатые, оба с детьми. Неужели они тоже вовлечены в это дело?

Если так, то скоро мы здесь не поместимся. Нам понадобится сначала «люкс», а затем — целое крыло. Придется подкупить не только горничных мотеля «Мид-Каунти», но всех операторов торговых автоматов, а заодно и управляющего. Я помню надпись, которую мы видели в первую ночь. «Есть места». Может быть, теперь ее сменили на другую: «Мест нет»?

Он пинком открывает дверь и бросает телефон на кровать. Аппаратик ударяется о деревянное изголовье и рикошетом отлетает на тумбочку. Я надвигаю подушку на глаза, пытаюсь защититься, но через несколько секунд выглядываю.

Он стоит перед окном и смотрит на него как на своего кровного врага. Я понимаю его состояние. Знаю по собственному опыту. За меня борются двое мужчин, и я остаюсь наедине с разъяренным. Насилие, ревность, гнев. Когда у тебя сразу два бойфренда, может случиться что угодно. Это так же опасно, как завести сразу двух тигров. Правда, Дэвид?

Я дрожу под покрывалами и прижимаю к лицу подушку, чтобы не было слышно, как у меня стучат зубы. Если бы я заговорила, этот стук подчеркнул бы некоторые фразы. Показалось бы, что у меня галка во рту. Но я прекрасно понимаю, что открывать рот не следует.

Зашелестела ткань. Он идет ко мне и снимает подушку с лица. Я морщусь.

Он бросает мне на грудь темно-синий свитер и снова возвращается к окну.

— Спасибо, — говорю я. Свитер уже расстегнут, и я надеваю его на шею грубой стороной внутрь. Через несколько минут дрожь ослабевает.

Он смотрит на автостоянку, упершись одной рукой в бок. Поза женская, для Него не характерная.

— Что-то не так? — спрашиваю я.

— Ваш муж... — начинает Он. — Вы для него что-то значите?

То, чего не могу сказать я, говорят мои слезы. Сколько времени нужно следить за нами, чтобы заподозрить то, что подозреваю я? Я следила за Сэмом годами, пока не поняла, что к чему. Оправдывала его. Он всего лишь практичен. Не слишком сентиментален. И занят. Вечно занят.

— Он спросил, не ранена ли я? — выпаливаю я.

Он медлит с ответом.

— Да, конечно.

— Догадываюсь, — шмыгаю носом я, — что вы потребовали у него денег.

— В том числе.

— А чего еще?

— Смены делового стиля.

Я прищуриваюсь и морщу лоб. В воскресенье я думала, что меня похитили, чтобы убить. В понедельник была уверена, что это сделали ради денег или мести. Но сегодня вторник. Что же это, крестовый поход?

Смены способа, с помощью которого Сэм делает людей известными? Я сажусь, свитер свисает с моих плеч.

— Вы что, действительно не знаете?

— Чего не знаю?

— Того, чем ваш муж зарабатывает себе на жизнь.

— Он владеет компанией по связям с общественностью, — мямлю я и тут же понимаю, что это звучит глупо.

Наши взгляды встречаются, и я продолжаю, не успев закрыть рта:

— Вы — клиент Сэма?

Он снова смеется как мальчишка.

— Я имела в виду вашего босса.

Он отворачивается к окну и глухо говорит:

— Не знать — это не слишком по-американски. Так было в древности. Мужчина делал свое черное дело, а женщина не спрашивала, откуда у него кровь на руках. Посмотрите на себя. Разве вас назовешь современной американкой?

— Наверно, нет. Но единственная кровь, которую я видела на руках Сэма, текла изо рта рыбы. — Я качаю головой. — Нет. Должно быть, вы ошиб...

— Нет. Не ошибаюсь.

Я думаю об офисе Сэма, о двух этажах, откуда открывается потрясающий вид, о вылизанном вестибюле, современной мебели, картинах на стенах и цветах на письменных столах. Хью умеет выбирать красивые вещи. На их двери красовалась серебряная табличка с двумя фамилиями. Столы завалены тисненными визитными карточками. Кресла с эргономичными спинками. Там были люди. Мужчины, жмущие друг другу руки. Хорошо одетые молодые женщины в шляпах с наушниками, назначающие встречи. Неужели все они были актерами?

— Тогда чем же он, по-вашему, занимается?

Он качает головой.

— Я уже и так сказал слишком много.

Босс будет сердиться на Него еще сильнее. Он представлял себе более простой вариант: слабый, глупый ребенок и отец с разбитым сердцем. Вместо этого они получили меня, испуганную женщину, ценность которой сомнительна, пытающуюся придумать способ бегства. Изучающую концентрические круги между белым протестантом англосаксонского происхождения, башковитым специалистом по связям с общественностью и латиноамериканским фельдшером, ведущим крестовый поход против мирового капитализма, и пытающуюся понять, где эти круги пересекаются.

— Что вы сказали своему боссу?

Теперь уже Он сбит с толку.

— О чем?

— О том, что похитили меня вместо Джейми. Какие у вас были для этого причины?

— Причины не имеют значения.

— Нет, имеют, если вам важно, что он о вас думает.

Он молчит, поэтому я продолжаю.

— Если вы сообщили ему правду и сказали, что я сама попросила вас об этом, он подумал одно. Если вы сказали ему, что Джейми вырвало и у нее случился

припадок, он подумал совсем другое. А если вы сказали, что всеми деньгами в семье распоряжаюсь я, он подумал третье.

— Вы можете мне что-то посоветовать? — У Него приподнимается уголок рта. Похоже, этот разговор начинается забавлять Его.

— Я попробовала бы комбинацию второго и третьего.

Он качает головой, отворачивается от окна и садится на кровать.

— Я сказал ему, что девочки не оказались на месте. Что я нашел ее в вашей кровати, а вы проснулись.

— Звучит правдоподобно, — говорю я.

Мы сидим на разных кроватях и обсуждаем подробности преступления, совершенного под покровом ночи. Невероятно...

— Да.

— Но почему он разозлился?

— Он сказал, что я должен был избить вас до потери сознания и забрать девочку.

У меня перехватывает дыхание. Я снова трогаю пальцем свое ожерелье и чувствую, что на шее бьется какая-то жилка. Угрозы. Ругательства. О боже, в точности как с Дэвидом. «Я избью тебя до полусмерти. Если уйдешь от меня, будешь жалеть об этом до конца жизни». Но жалобы и гнев Дэвида не имели ничего общего с бизнесом Сэма. Или имели?

Мы смотрим друг на друга. Губы у него поджаты, подбородок выпячен. Внушает мне, что Он мог избить меня и засунуть в багажник, но предпочел этого не делать, и поэтому я перед Ним в долгу. Хочет, чтобы у меня перед глазами поплыли огненные круги. Человек с Его прошлым наверняка знает, что делать и когда следует остановиться. Если бывают злые медсестры и врачи, то бывают и злые фельдшеры.

Я дрожу и отворачиваюсь. Что Ему нужно? Чувствую, что Он следит за мной, довольный тем, что я все еще боюсь Его.

Краем глаза я замечаю, что он шарит в кармане. Раздается звон мелочи, стук металла и шелест бумаги, сме-

шанные в одно целое. Звук иммиграции, нищеты и обиды. А потом он прекращается.

На мою щеку падает тень. Я оборачиваюсь. Он держит сверток, похожий на почту.

Оливковая ветвь.

Сверху лежит меню пиццерии «Мид-Каунти».

А внизу — «Вестник Мид-Каунти».

Пасха 2005, Остров Санибель. Панорама. Самый большой песчаный замок на пляже. Сэм и девочки сооружали его весь день, а я носила им морскую воду для рва и ракушки, из которых делали плоские крыши. Замок построен так же тщательно, как наш дом.

Сразу после наступления вербного воскресенья Сэм пробыл дома девять дней подряд. Для детей это стало настоящими каникулами. Джейми составила специальное меню — бифштекс, индейка, креветки — и каждый вечер клала на обеденный стол карточки с указанием имени. Джордан и Джулия спорили, кто будет сидеть рядом с папой и какого цвета свечи следует зажечь. В понедельник он возил их на урок верховой езды, в среду — на урок танцев и надевал свой радиошлем, словно был рок-звездой, а не человеком, привыкшим получать голосовые сообщения.

— Мамочка, — сказала Джордан в четверг за завтраком, — можно мне завтра привести папу на урок?

Пока я собирала чемоданчик, у меня пригорела первая оладья. Я выбросила ее в ведро и привернула горелку. Три остальные оладьи испеклись нормально.

— Думаю, миссис Уилсон хотела, чтобы вы принесли на урок какие-то предметы, а не приводили людей, — ответила я Джордан. — Может быть, возьмишь ожерелье из ракушек, которое мы сделали во время каникул? Или монетку тысяча девятьсот тридцатого года, которую ты нашла, когда рыли фундамент для кухни?

Она поливала оладьи сиропом, пока тарелка не наполнилась доверху, а потом возразила:

— Неделю назад Эмили Аарон принесла медаль «Пурпурное сердце», которой был награжден ее дядя.

Но медаль была привернута к дяде Майку, поэтому пришлось взять с собой и его тоже.

— Но у папы же нет медали «Пурпурное сердце».

— Зато у него есть простое сердце, — с надеждой ответила она. — И очень хорошее.

Я вздохнула. Почему вся любовь достается отцам? Я носила ее девять месяцев, рожала двенадцать часов, а каким было ее первое слово? Папа. Поцеловала ее в макушку и сказала, чтобы она придумала что-нибудь другое. Взяла в школу собственный рисунок, поделку или предмет из своей коллекции, а не комету Галлея с внешностью ее отца.

В то утро детей в школу отвезла я, но забрал их Сэм. Когда я вернулась домой в шесть, кот Уиллис истошно орал, стоя у пустой миски, а стол был завален обертками и шкурками нарезного сыра. Когда я открыла мусорное ведро, там обнаружились шесть чудовищно изуродованных пакетов из-под сока. Телевизор наверху орал так, что дрожал потолок.

Ну сейчас я ему задам, подумала я.

За дверью гостиной слышался голос Сэма, разговаривавшего по телефону. Я вошла без стука.

— Минутку, пожалуйста, — сказал он собеседнику, поправил шлем и посмотрел на меня. — Что?

— Пора обедать. Сэм, у них есть уроки. И я не разрешаю им смотреть телевизор в будние дни.

— Они перекусили, — возразил Сэм. — И сказали, что уроки уже сделаны.

— Ты проверял?

Он нахмурился.

— Проверял? Моя мать никогда меня не проверяла.

— Если на тебя не обращали внимания, это еще не значит...

— На меня обращали внимание. Но не баловали.

— Проверять уроки — не значит баловать. Но если дети перед обедом выпивают по литру сока...

Он провел по волосам левой рукой, как делал всегда, когда не знал, что ответить.

— Я дал каждой только по одному пакетику.

— А остальное они взяли сами, пока ты говорил по своему дурацкому телефону.

— Извини. Но я не мог поступить по-другому. Клер, это был очень важный звонок.

Вот так всегда. Важный звонок. Важное совещание. Очень важное.

— Угу, — буркнула я, уходя. — Звонок важный. А дети — нет. Вечером, когда я легла спать, а Сэм внизу колотил по клавишам компьютера, мне вспомнилось выражение его лица во время телефонного разговора. Тогда я не обратила на это внимания. Его щеки пылали, по вискам скатывались капли пота, а разговор шел на повышенных тонах.

Нервы? Страх? Шантаж? Подкуп?

Но тогда это не пришло мне в голову. Я подумала о сексе по телефону и заподозрила, что он разговаривал с какой-то девицей.

Мы обнаруживаем, что оба отдаем предпочтение обычной пище. Это сильно упрощает ситуацию. Пока мы обсуждаем остальное меню, газета лежит на Его кровати. Наверно, Он хочет, чтобы я как следует попросила.

Его голова находится рядом с моей. Я могу ударить Его головой. Могу вцепиться зубами Ему в ухо. Но я сижу неподвижно. С Ним теплее. От него слегка пахнет лимоном. Или это запах апельсиновой корки, еще лежащей в мусорном ведре?

Он уходит, чтобы заказать пиццу и салат. Когда Он возвращается, мы говорим о своих любимых блюдах: темное пиво, шоколад, теплые маисовые лепешки, говорит Он, малина, авокадо, говорю я.

— Знаю, — улыбается Он.

Я готова попросить у Него газету.

— А танцевать вы любите? — внезапно спрашивает Он.

Обычно такой вопрос задают, когда звучит музыка. Но Он не притоптывает в такт, в коттедже номер семь нет стерео.

— Да, — отвечаю я, вспоминая бойфренда, который учил меня свингу, и дрожь, охватывавшую меня в его

объятиях. — По выходным я танцую с дочками, — добавляю я.

— А с мужем?

Я пожимаю плечами. Не рассказывать же ему о том, как мы с Сэмом любили танцевать, как мне нравилось чувствовать его руку на своей талии, ощущать, что меня властно ведут и направляют. Что было бы, если бы я призналась в своей любви к латиноамериканской музыке? Мы стали бы танцевать в этой лачуге ча-ча-ча?

— Вы хорошо танцуете?

Он явно поддразнивает меня. Глаза у Него смеются.

В ответ я улыбаюсь. У меня было достаточно времени, чтобы привыкнуть к партнеру.

— Я могла бы танцевать даже со связанными за спиной руками.

Он смеется и говорит:

— Да уж. По-другому не получилось бы.

Серьезные разговоры о несерьезных вещах. Они позволяют мне не сойти с ума. Именно это советуют врачи: пытайтесь не думать. Если вы не можете изменить свои мысли, то прикажите им остановиться. А если они не останавливаются, отвлекитесь. Я представляю себе, что все мои психиатры смотрят в щель между шторами, как в непрозрачное зеркало, одобрительно кивают и шепчут друг другу, что я неплохо справляюсь. Хотя врачи, знавшие мою историю, жили в разных городах, но реагировали на нее одинаково, и были похожи как братья.

Он забирает меню, и видит лежащую на тумбочке Библию.

— Вы религиозны? — В Его тоне слышится легкое осуждение.

Внезапно меня начинает пугать этот разговор. А вдруг Он не католик, а мусульманин? А вдруг я неправильно определила его этническую принадлежность и намерения?

— Мне хотелось что-нибудь почитать, — отвечаю я. — Например, газету.

Он показывает пальцем на свою кровать.

— Я не хотел вас расстраивать.

— О боже! — ахаю я. — Дети? С ними что-то случилось? Никто не приехал, никто не...

— Их нашли.

— Но они...

Взгляд у Него серьезный, но добрый.

— С ними все в порядке, — говорит он. — Просто я не хотел, чтобы вы нервничали еще сильнее.

Он отворачивается, делая вид, что ждет доставки пиццы.

— Дайте мне газету, — говорю я.

Матрац скрипит; Он встает и бросает мне «Вестник».

— Читайте на здоровье, — говорит Он и выходит наружу.

Мимо окна проезжает и паркуется красный «фольксваген». На его двери нарисован оранжево-желтый кусок пиццы. Я не вижу, чтобы из ящика с подогревом доставали коробку или передавали друг другу деньги. Не подпрыгиваю и не размахиваю связанными руками в надежде, что посыльный увидит и обо всем догадается. Скорее всего, они договорились встретиться у конторы. Номер коттеджа при этом назван не был.

Я разворачиваю газету.

Он возвращается с коробками, в которых лежат пицца и салат:

— Ешьте.

— Нет, — отвечаю я.

Передовая статья: «Три человека пострадали во время домашнего пожара». Фотография дома с комнатами на разных уровнях. Языки пламени над крышей. Ни плачущей соседки, ни смелого пожарника, ни собаки-героя на снимке нет. Я разочарована. Если уж смотреть больше не на что, то, по крайней мере, иллюстрация должна быть хорошей. Хмуро просматриваю первую страницу, словно ищу собственную статью. Конечно, заголовки состоят из минимального набора глаголов и существительных; на обилие прилагательных рассчитывать не приходится. Для первой полосы годилось бы «Местная женщина срывает планы похитителя»,

но «В стране увеличивается поголовье кошек» — это уже не лезет ни в какие ворота...

Он ест аккуратно, челюсти работают бесшумно. Спасибо и на этом. Если бы Он скрипел зубами или трещал костяшками пальцев, я выбросилась бы в окно. Сэм тоже человек спокойный: он не разговаривает во сне и не кричит на нас с детьми. Я не согласилась бы жить с крикуном даже под страхом смертной казни.

Трудно получать удовольствие от чтения, если ты не можешь держать газету обеими руками. Чтобы перевернуть страницу, нужно положить газету на покрывало, а уже потом раскрыть ее.

Он наблюдает за мной, пока я читаю заметку: «Олень приходит на церемонию вручения дипломов», потом наклоняется и развязывает веревку.

Я растираю запястья и нахожу статью о себе на пятой странице, посвященной, как они выражаются, окружным новостям: «В Весттауне пропала без вести мать троих детей». В конце короткой и очень уклончивой заметки написано: «Шестилетняя девочка, единственная свидетельница происшествия, сообщила, что какой-то мужчина увел ее мать в одной ночной рубашке».

Куда смотрел редактор? Кто был в одной ночной рубашке? Мать или похититель?

— Вы читали эту чушь? — спрашиваю я. Он кивает. — О насильственном проникновении там нет ни слова. — И слава богу...

— Я хорошо поработал, — отвечает Он.

— Вы взломали световой люк. Не надевали перчаток. И были в характерной обуви.

— Возможно, следы уничтожили те, кто меня подстраховывал.

— И даже починили световой люк?

— Кто станет смотреть на крышу, если для этого нет оснований?

— Что вы хотите этим сказать?

— Полиция сталкивается с определенной ситуацией и делает свои выводы.

— Что я плохая мать?

— Нет. Что вы несчастная жена.

— Я не несчастная.

Он смотрит на меня странно. Точнее, сквозь меня. Берет газету и снова кладет ее на кровать.

— Может быть, завтра об этом напишут по-другому, — говорит Он.

Я откладываю газету. Рецепты салатов и трехслойного мармелада меня не интересуют. Он снова связывает мне руки, есть пиццу можно и так. Здешняя пицца идеально подходит для кормления пленниц. Она уже разрезана на кусочки, так что ни вилка, ни ножей не нужно. Кусочки маленькие, их удобно брать связанными руками.

После окончания трапезы Он кладет грязные салфетки в коробку и выносит ее наружу. Когда мы подъезжали к коттеджу, я краем глаза заметила за углом мусорный бак и заподозрила, что Он бросит туда мой труп.

Во рту еще чувствуется мучнистый вкус пиццы, между зубами застрял кусочек орегана. Это даже приятно. Странно, почему Его так долго нет? Мусорный бак совсем рядом. Я могу встать, добраться до окна и отодвинуть штору. Могу снова попытаться выбраться в окно ванной. Но ничего подобного я не делаю. Лежу, перевариваю пищу и раздумываю над этой дурацкой газетой и глупой статьей. Читать местную газету бессмысленно. Скорее всего, ответственным за выпуск был практикант. Жалкий почасовик... Веки тяжелеют, опускаются, я засыпаю и не слышу Его возвращения.

Просыпаюсь от страшной боли в ногах. В комнате темнее, чем раньше. Она слегка оранжевая, как лампа. Еще не вечер, но уже смеркается.

Он смотрит на меня и тяжело вздыхает.

— Вы в порядке?

Я киваю.

— Вы дрыгали ногами в воздухе, как спящий щенок.

Я переворачиваю тощую подушку на другую сторону и взбиваю ее обеими руками.

— Он звонил? — спрашиваю я.

Ответа нет. Он встает и начинает рассказывать по комнате. Плохой признак. Когда мужчины рассказывают из стороны в сторону, это не сулит ничего хорошего.

В самом деле, чего ждет Сэм? Встречи со своим бухгалтером? Пытается оценить, чего я стою?

— Он хотел поговорить со мной? — внезапно спрашиваю я.

— Кто?

— Сэм. Хотел услышать мой голос?

Он медлит с ответом, и все становится ясно.

— А что? — наконец спрашивает Он. — Вы хотите поговорить с ним?

— Да, — отвечаю я.

— Серьезно? — Он поднимает брови. — Зачем?

— В доме есть нужная мне вещь, — говорю я.

Он прищуривается, но молчит.

— В моем шкафу, — добавляю я.

Попросить Его передать просьбу?

Он покупал мне еду, чистую одежду, газету, водил в ванную. Но, конечно, у меня есть и другие потребности. Он бы не удивился, если бы я попросила воду, тампоны, лекарство, одеяло, бальзам для губ, лак для ногтей. Женщинам всегда что-нибудь нужно. Независимо от возраста, размера и цвета волос. Они не могут жить без этих мелочей. Но я хочу недостижимого: горя мужа и дыхания дочерей, касающегося моей щеки.

Он кивает, не дождавшись просьбы.

— Может быть. Когда он перезвонит.

— А когда это будет?

Он смотрит на меня и молчит с таким видом, словно хочет пожать плечами. Не знает? Может только догадываться?

У меня дрожат колени. Иногда первыми начинают дрожать плечи, иногда колени. Когда я была стройнее, коленки стучали друг о друга. Я прикрываю глаза руками. Слово так можно спрятаться от Него.

— Я уверен, что ваш муж позвонит с минуты на минуту.

Я отвожу руки от лица и пытаюсь поверить.

— Знаете, если все ваши силы будут уходить на тревогу по мелочам, их не хватит на что-то действительно важное, — говорит Он.

— Знаю, — отвечаю я.

Действительно знаю. Мы говорили об этом с Джошем, когда я смотрела хронику, в которой расстреливали машину. «Клер, если переживать из-за всего, что случается не с тобой лично, у тебя не хватит сил на борьбу, когда она понадобится».

Он подходит к своей кровати, забирается на нее, встает, закладывает руки за спину и падает лицом в подушку.

Из матраца вылетает столб пыли, я кашляю, а потом заливаюсь хохотом.

Он улыбается, с трудом удерживаясь от смеха.

— Попробуйте сделать то же самое. Я развяжу вас.

— Нет, нет, нет!

Он подтаскивает меня за ноги к краю кровати.

— Не могу! — кричу я.

— Еще как можете.

Он обхватывает мою поясницу. Я мгновение колеблюсь, а потом сдаюсь.

— Так нечестно, — вздыхаю я.

— Подушка выдержит.

— Я боюсь не подушки, а изголовья.

— Тогда закройте глаза. И представляйте себе подушку, а не изголовье.

Я падаю, слыша свист, с которым мое тело рассекает воздух коттеджа номер семь. Лечу, обгоняя собственные волосы.

Как ни странно, подушка оказывается довольно мягкой.

— Ну вот, а вы боялись, — улыбается Он.

Вытягиваясь на кровати, я вспоминаю свою детскую бессонницу. Все начиналось именно тогда. «Думай о хорошем, а не о плохом», — учил меня отец.

О подушке, а не об изголовье.

О Его смехе, а не о Его наручниках.

О моей свободе, а не о моем выкупе.

СРЕДА

Я твердила себе, что никто не вторгнется в мой дом в дождливую ночь. Это было моим маленьким утешением, подтвержденным городской полицией. Я пришла к начальнику полиции, воспользовавшись удостоверением тележурналиста, и придумала какую-то историю. Приведенные им статистические данные меня порадовали. Даже в отдаленных местах девяносто пять процентов взломов совершались ночью, когда не выпадало ни капли дождя.

Этой информации мне было мало. Я хотела знать, как на взломщиков и насильников влияют полнолуние, температура воздуха, направление ветра, приливы и отливы, паводки и перелеты птиц. Перекочевывают ли преступники зимой на юг. И влияет ли на них стопроцентная влажность, при которой все остальные люди лежат пластом.

Однако шеф полиции Мэлони мог сказать мне только одно: пик преступлений приходится на лето. Люди, которые вскрывают окна, выбивают двери и суют в косяки кредитные карточки, предпочитают во время «работы» оставаться сухими. Согласно статистике, случившееся со мной являлось аномалией. Похищение во время грозы... То же самое, что встреча с наркоманом во время метели, налет на дом во время торнадо, убийство во время бури. Странность и необычность произошедшего изумляли больше, чем само событие.

Я больше не могла сказать себе: «Идет дождь, поэтому мне ничто не грозит». Нужно было найти другое утешение, другие факты. Не обращать внимания на то, что я уже знала: «Похищения не всегда заканчиваются благополучно. Лес рубят — щепки летят. Жизнь ничего не стоит. Люди непредсказуемы».

Мы пользуемся ванной по очереди. Потом он выходит и возвращается с полистироловыми чашками и чистой одеждой, завернутой в коричневую бумагу. Я разворачиваю бумагу зубами и одной рукой, наклоняюсь

и вдыхаю аромат свободы. Не выхлопы старого «катласа», не маслянистый запах инструментов, извлеченных из карманов. Я вдыхаю запах чистой одежды и верю в обещание, которое мне сулит искусственная цветочная отдушка.

— У меня есть для вас еще кое-что, — говорит Он.

Я поднимаю глаза. Неужели в его голосе слышится смущение? Выходит, Он стеснителен?

Он протягивает мне свернутый в трубочку «Страж».

У меня отвисает челюсть.

— Статей о кошках тут нет, — добавляет Он.

— Спасибо...

Он развязывает мне руки, и я с жадностью набрасываюсь на городскую газету. Тем временем он проверяет голосовые сообщения. В стране довольно спокойно, катастрофы только техногенного характера. В Женеве открылся симпозиум по СПИДу. Новые беспорядки в парижских пригородах. Возвращение американских солдат из Ирака откладывается. Но при виде собственной фотографии на обложке второго раздела, посвященного местным новостям, я вздрагиваю. Любительский снимок, сделанный на приеме в прошлом году. Черное платье, светлые волосы, мрачное выражение лица. Сэм ни за что не отдал бы им эту фотографию. Или он решил, что Дэвид уже нашел меня? Нет. Нет. Кто мог сделать снимок? Кто мог сохранить его? Только тот, кто не знал, что я прячусь. Я глотаю комок в горле.

Заметка под фотографией короткая, но возмутительная. Заканчивается фразой Сэма, обращающегося с просьбой к каждому, кто обладает информацией, способной сдвинуть дело с мертвой точки. Репортер спросил, могла ли я знать своего похитителя, но Сэм отказался ответить.

— Ну, в бога душу мать! — говорю я.

— Опять читаете Библию?

— Вы это видели? — Я комкаю газету и отбрасываю ее.

— Я думал, «Страж» понравится вам больше.

— Ни слова о взломе, ни слова о борьбе, но зато всюду написано о моем нижнем белье. Я сопротивлялась!

— Да.

— Я действительно сопротивлялась.

— Подтверждаю.

— Журналюги траханные!

Он смеется.

— Потребовать, чтобы они опубликовали опровержение?

— Да. — Я корчу гримасу. — И фотография. Зачем такая большая фотография? В лучшем стиле таблоида.

Он наклоняет голову набок.

— Я думал, вы заинтересованы в том, чтобы фотография распространилась как можно шире. Расстраиваться из-за этого следует не вам, а мне.

Тут звонит телефон, и Он идет к двери. Я ощущаю облегчение. Если два человека живут вместе, один волей-неволей хочет, чтобы другой ушел. Хотя бы ненадолго. Изучаю Его затылок и замечаю выступ волос в виде буквы «V». Кончиков ушей не вижу, но вижу мочки. Похоже, в левой когда-то была серьга.

Он возвращается, я утыкаюсь в газету. Он становится на колено и лезет под свою кровать. Что-то золотистое блестит в Его левой руке, правая вращает красную ручку сверла. Знакомый звук металла, врезающегося в дерево, действует на меня успокаивающе. Когда я снова поднимаю глаза, то вижу две цепочки. Толстые, как браслеты, модные у нынешних старшек-лассников.

Он вынимает телефон, открывает дверь и шепчет:

— Запритесь.

— Что?!

— Что слышали.

За Его спиной видно темное небо. Пока я прыгаю к двери, он наблюдает за мной через окно. Так следят за ребенком, который идет в дальнюю ванную. Желтые цепочки занимают свое место, но этот ритуал, всегда успокаивавший меня во время деловых поездок, не доставляет мне радости. Приходится мириться с риском. Стоит отгородиться от Него, чтобы заодно отгородиться и от кого-то другого.

Если Он сам боится, то как же должна бояться я?

Свободной рукой я отодвигаю штору и смотрю, как Он идет мимо коттеджей номер девять и одиннадцать. Когда Он доходит до угла, в небе вспыхивает молния, и Он вздрагивает. По моим предплечьям, прикрытым рукавами чистой футболки, бегут мурашки.

«Никто не вторгнется ко мне в дождливую ночь».

Август 1968. Мой день рождения. Выцветшая прямоугольная фотография в изогнутой белой рамке. Мои волосы заплетены в косички, напоминающие крысиные хвосты. Подарок в оберточной бумаге. Я прекрасно знаю, что внутри.

Отец привозил мне из всех своих поездок стеклянные шарики со вставленными в них картинками. Я собиралась продолжить эту традицию, но не смогла. Они лежали на полке над моей двуспальной кроватью и наблюдали за мной каждую ночь. Мои солдаты.

Родители владели небольшой сетью магазинов тканей и иногда работали допоздна. Я приезжала на велосипеде после игры в софтбол* или волейбол, готовила себе сэндвич, делала уроки, а потом вместе со своими шариками ждала возвращения родителей. В ту пору я не боялась ничего, кроме грозы. Из окна моей комнаты виден задний двор с качелями, бешено раскачивающимися на красной металлической перекладине. На земле лежат перевернутые садовые стулья. Теперь же стоит мне увидеть систему опрыскивания, как я представляю себе... нет, не дождь, а то, чем он может стать.

Говорят, дождь освежает и приносит радость. Ничего подобного я не чувствую.

В одно субботнее утро, когда Джейми было три года, а Джулии полтора, они стояли у окна и следили за первыми крупными каплями дождя, падавшими в ведро, которое я оставила на крыльце. Девочки спросили, можно ли им выйти на улицу, и Сэм тут же сказал «да».

---

* Разновидность бейсбола.

— После завтрака, — быстро добавила я. — И после того как вы уберете свои игрушки.

Они закончили уборку, надели сапоги и плащи, дождь к тому времени почти прекратился. Девочки стояли на заднем дворе, смотрели на вновь поголубевшее небо и ждали чего-то несбыточного. Сэм взял их за руки, привел под мокрую иву, велел закрыть глаза и сосчитать до шести.

— На счете «семь», — сказал он им, — снова пойдет дождь. Я обещаю.

Потом он протянул руку и слегка потряс ветки. На девочек пролился рукотворный дождь, и они засмеялись так, словно попали под струю садового оросителя. Тогда все мы были счастливы. Они радовались тому, что намокли, а я — тому, что им ничто не грозит: ни порыв ветра, ни раскат грома.

Мои руки свободны, я могу развязать лодыжки, открыть дверь и остановить едущую мимо машину.

Могу связать простыни и выбраться из коттеджа через окно ванной.

Но ничего подобного я не делаю. Я ложусь на кровать, сворачиваюсь в клубок, обхватываю колени и превращаюсь в пушечное ядро. Дрожу и жду. Дрожу и жду. Без своего ксанакса я оказываюсь во власти грозы. Вдыхаю и выдыхаю, представляю себе стоячую воду, неподвижную воду, а не дождь. Когда все кончится, я успокоюсь и что-нибудь придумаю. Когда все кончится. Когда я успокоюсь.

А потом слышу звук, который заставляет меня рывком сесть. Типичный звук мотеля, а не дождя и ветра. В соседнем коттедже включили телевизор. Этот звук доносится сквозь хлипкие стены и через изголовье вонзается прямо в мой пульсирующий мозг.

Чужой телевизор, как и чужие дети, шумит сильнее, чем твой собственный. Я пытаюсь думать. Шума мотора «катласса» слышно не было; значит, Он ушел пешком. Свернул за угол? Далеко ли Он ушел? И надолго ли? Хватит ли мне этого времени, чтобы добежать до моих новых соседей, постучать в стену и позвать на помощь?

Я приникаю к стене; телевизор может подсказать мне, который час. Слышу хохот и что-то еще, неразборчивое из-за смешков и громкой музыки. Отзвук голосов. Говорят *по-испански!*

Пробираюсь к противоположной стене и кладу на нее ладонь. Стена не вибрирует. Спасибо и на том, что я не окружена.

Я твержу себе, что слышу испанскую «мыльную оперу». Где-то я читала, что в Латинской Америке они пользуются популярностью. Мне почти удастся убедить себя, что в Мид-Каунти есть процветающая испанская диаспора.

От этой мысли у меня начинает звенеть в ушах. Так вот куда Он ходит разговаривать со своим боссом... В соседний коттедж? Просто раньше Он не кричал, а потому и не включал телевизор? Но дверь, цепочки, предупреждение... Нет. Он свернул за угол, я сама видела. Рядом поселился кто-то другой. *Тот, Кто Следит?* Тот, от кого нужно запереться?

И этот кто-то — испанец. Увы, не Дэвид. Мне было проще думать, что за всем этим стоит он. Вернулся, чтобы закончить начатое. Но я в это больше не верила. Миновали годы. Скорее всего, его гнев давно остыл. Пришло время для новых страхов.

Телевизор в соседнем коттедже умолкает. Слышен скрип открывающейся двери. Я сажусь, сердце колотится как сумасшедшее. Кто-то негромко и быстро стучит в нашу дверь костяшкой пальца. Три раза подряд.

Интересно, что Он ответит, если я спрошу: «Кто там?»

Я открываю.

Его лицо распухло. Он неловко переступает порог. Ладно, сначала человек. Все объяснения потом.

Пока Он сидит на кровати, я не трачу времени даром. Я — мать, я хватаю чистое полотенце и сую его под холодную воду. Затем прыгаю к Нему, вода капает на ковер. Он прижимает полотенце к больной щеке. Утром на этом месте будет разноцветный синяк. Как и все остальное, это выяснится позже. Сейчас у меня в голове только одна мысль: в Него стреляли, из-за меня.

Я сажусь рядом с Ним на кровать и говорю:

— А я-то думала, что круче *моего* босса нет никого на свете...

Мне приходит в голову, что я поменялась местами с собственным ребенком.

Я не могу приходиться и уходить без спроса. Кто-то кормит меня, говорит, когда идти в ванную и ложиться спать.

Сейчас передо мной стоит Взрослый Мужчина и говорит мне, что все в порядке и будет в порядке. Сердитые голоса за закрытой дверью, синяк на щеке и заплывший глаз — все это пустяки.

Он откладывает полотенце и идет к окну. В соседнем коттедже тихо, но я не доверяю этой тишине.

Он рассказывает по комнате осторожной походкой взломщика, однако я слышу поскрипывание нейлонового паласа. Наверно, если бы я плотнее прижалась к стене и напрягла слух, то услышала бы звук удара. Звук соприкосновения кулака со скулой.

— Вас ударил босс, — говорю я таким тоном, словно даю показания под присягой.

Ответа нет. Все ясно: Он напортачил, не выполнил задание.

— Босс злится, потому что вы похитили *меня*, — добавляю я.

Он оборачивается и смотрит мне в глаза. Его щека темнеет на глазах, синяк хорошо виден на смуглой коже. Я вспоминаю вопрос, который задала моя дочь, когда ходила в детский сад: «Когда падают чернокожие, какого цвета у них бывают синяки?»

Он ждет. Я знаю правила: Он ничего не может мне сказать, но если я отгадаю сама, Он подтвердит, что я права.

Я начинаю игру:

— Он злится, потому что время...

— Ваш муж, — прерывает Он, — *играет с огнем*.

Я задумываюсь. Наверно, Он хотел сказать: «Ваш муж отказывается платить. Ваш муж попросил уменьшить сумму вдвое. Ваш муж торгуется из-за вас так, словно покупает ковер на базаре».

Дождь почти прекратился. Потоки воды уже не лупят по дереву, а падают на землю и тут же всасываются.

Кровь бросается мне в голову. Стыдно, когда тебя ценят так низко. Что Он обо мне подумает? «Отвратительная хозяйка, плохая любовница, ленивая американская мать».

Это причиняет мне боль, но я знаю, что мои личные качества тут ни при чем. Просто у Сэма натура игрока. Победа, даже самая крошечная, вдохновляет его. Однажды Хью, выпивший на приеме лишнего, сказал мне, что Сэм обожал выигрывать пари и терпеть не мог проигрывать. И что он женился на мне из чисто спортивного интереса. Пресловутая неуловимая Клер. Но он ее поймал.

— Ваш босс злится, потому что вы торгуетесь с Сэмом?

— Скажем так: он не согласен с тем, как я веду дело.

Наши взгляды встречаются. Я вижу перед собой дипломата. Разумного человека, надеющегося на положительный результат. Но этого мало. Ему нужна победа. Сэм должен считать, что Он способен убить меня.

— Он хочет, чтобы вы отрезали у меня палец и послали его Сэму?

— Нет. — Наступает пауза. — Он считает, что я должен изнасиловать вас и послать видеозапись вашему мужу.

Собственная реакция изумляет меня. Я заливаюсь смехом. Истерически хохочу во все горло. Бред. Чушь собачья.

Он невольно улыбается.

— Вы предпочли бы, чтобы я отрезал вам палец?

— Нет, нет, я...

— Что «нет»?

— Не знаю, — говорю я и смотрю ему в глаза. Может быть, они и хотят мне что-то сказать, но расшифровать код я не могу.

По моей щеке ползет слеза, за ней другая.

— Я не всегда слушаю своего босса, — негромко говорит Он.

Я киваю и пытаюсь бороться со слезами.

— Мы можем поговорить об этом завтра утром, до полудня, — говорит Он.

— А что будет в полдень?

— Это крайний срок для вашего мужа.

Я провожу кончиком пальца по золотому обреза Библии, которая по-прежнему лежит у меня на коленях. Обрез мягкий. Намного мягче, чем у других книг. Как детская щетка для волос по сравнению со щеткой для взрослых.

— Сегодня уже ничего не случится, — успокаивает меня Он.

— Ваш босс все еще в соседнем коттедже?

Он качает головой.

— Нет. Он должен встретиться кое с кем на севере.

— Откуда вы знаете?

— Я видел, как он уехал. На машине.

— А у него нет ключа от этого номера? Может быть, он знает владельца или?..

— Если вы хотите спросить, безопасно ли тут...

Я киваю.

Он тяжело вздыхает.

— До завтра вы в безопасности, а потом...

— А потом — нет.

Он слегка кивает в ответ. «И вы тоже», — едва не выпаливаю я, но вовремя прикусываю язык.

Знать срок очень полезно. Если людям говорят, что им осталось жить шесть месяцев, они осознают свое положение и понимают, что нужно сделать. Как бы я вела себя, если бы знала, что мой дом будет безопасным всего год? Больше бы радовалась, лучше спала и по-другому готовилась к урагану?..

— Что у нас теперь? Вторая половина дня. Ленч прошел, а время обеда еще не настало. Как мы отпразднуем последний вечер собственной безопасности?

Он снова стоит у окна, словно у амбразуры, и отвечает, не оборачиваясь:

— У меня есть колода карт.

— Что? — не веря собственным ушам, переспрашиваю я.

— Карты. Не хотите сыграть?

Я вспоминаю о семейных отпусках и вещах, которые брала с собой, чтобы занять девочек. О бесконечных играх типа «тик-так» или «палач». Но играть в последнюю как-то желания нет.

Если Он хочет быть щедрым и успокоить меня, стоит ли этим пользоваться?

Потребности матери маленьких детей предсказуемы. Я знаю, в чем будет заключаться мое последнее желание. Это отнюдь не игра в карты.

— Я хочу увидеть своих детей, — говорю я.

— А я хочу знать, кто такой Дэвид, — отвечает Он.

Сиденья «катласса» мягче, чем мне казалось. Теперь я вижу, что они каштановые и местами потертые. Весь интерьер — из другой эры, менее жесткой, чем наша. Я поглаживаю обивку, избегая воспоминаний о колючих покрывалах.

Пока мы находимся на стоянке, Он заново связывает мне руки и ноги. Никто этого не замечает. Из окна никого не видно. Мы с Ним единственные, кто занят делом. Похищением наполовину.

Он запирает дверь. Этот металлический щелчок представлялся мне в самых страшных видениях: щелчок дверей моей мини-тюрьмы. Услышав его впервые, я вспомнила пистолет Дэвида. Теперь это пугает меня куда меньше.

Мы едем. Кондиционер работает со свистом. Снаружи жарко и сыро. Листва густая и зеленая после дождя. Мокрые и тяжелые ветки растущей у обочины плакучей ивы опустились до самой земли.

Он не говорит и не включает радио. Меняет ряд так же осторожно, как в первую ночь. Когда это было, в субботу? Нет, в воскресенье. Дает сигнал. Надежда возвращается ко мне: сумасшедшие не пользуются фарами.

К нам присоединяются другие машины. Судя по всему, в Мид-Каунти наступил час пик. Выезда на шоссе мы достигаем примерно через час. Или час с четвертью.

— Ниже, — говорит Он.

— Что?

— Лягте на сиденье.

Я сворачиваюсь в клубок, смотрю на приборную доску и предупреждаю:

— Меня иногда укачивает.

— Ничего, как-нибудь переживете.

У следующего перекрестка Он спрашивает, возит ли Сэм детей на уроки верховой езды.

— По средам бывают уроки танцев, а не верховой езды, — поправляю я.

— Я думал, что танцы у вас по четвергам.

При мысли о том, что в Его кармане лежит мягкое расписание занятий девочек, у меня холодеет в животе.

— Летом танцы бывают по средам.

— О'кей. — Он включает сигнал поворота. — А на танцы ваш муж их возит?

— Нет. Наверно, он поручит это своей матери.

— Он не побоится отпустить их?

Я задумываюсь. Побоится? Трудно представить себе Сэма расхаживающим по комнате и вздрагивающим от каждого шороха. Неужели он способен испытывать страх? Мне бы хотелось этого. Хотелось бы, чтобы он рожал, заплетал девочкам косы и готовил по пять раз на дню. Попробуй. Интересно, как тебе это понравится...

— Нет, — говорю я.

Мы едем по улицам города, я чувствую свою полную изоляцию. Не вижу ни кинотеатра, ни бакалеи, ни пекарни, ни кафе-мороженого. Всюду есть люди, но я не знаю их имен. Прячусь на мягком велюровом сиденье так же, как пряталась до сих пор.

Рядом грузовик, я слышу пыхтение его мощного двигателя. С моего места не видно водителя грузовика, но при желании он мог бы увидеть меня. Веревки и воспаленные запястья. Подозрительное тело в подозрительной машине. Незнакомый водитель мог похитить меня, а еще один незнакомый водитель — спасти.

Светофор переключается, и мы продолжаем движение. Он сворачивает не налево, к стоянке школы танцев,

а направо и разворачивается так круто, что у меня начинает кружиться голова.

Машина останавливается, и он говорит, что я могу сесть прямо.

Оживленная улица с четырехрядным движением. Высокие окна школы делают розовощеких девочек в черных купальниках еще меньше, чем они есть. Он открывает отделение для перчаток и протягивает мне бинокль. Тот самый, с помощью которого следил за мной. Я всматриваюсь. Все три мои дочери здесь. Должно быть, два класса объединили для репетиции концерта, который состоится на следующей неделе. Они стоят по росту: впереди Джейми, самая высокая и темноволосая, за ней Джулия, маленькая, но более темпераментная, а позади — светловолосая худышка Джордан. Я вижу, что купальник Джейми маловат. Меня охватывает чувство вины: почему я не заметила этого раньше? Они стоят в углу, на фоне розовой стены, рядом с балетным станком, и хихикают. Потом делают жете в сторону окна, и становится ясно, что в их ушах звучит совсем другая музыка. Я слежу за тем, как они прыгают и кружатся, а они меня не видят. Может быть, именно в этом и заключается родительский долг? Следить за детьми, оставаясь невидимым?

Он не смотрит на свои руки, не обводит взглядом улицу, а наблюдает вместе со мной. Не спрашивает, которые из девочек мои. Хоть Он и не родитель, но следит за ними спокойно, терпеливо, слегка улыбаясь уголком рта. С видом отца. Настоящего или будущего. Мужчины, которые любят детей, живут по-другому. Улыбаются при виде чумазых мордочек в ресторане, следят за играми в парке, машут в ответ маленьким ручкам, мелькающим в вагонном окне.

Мой похититель, латиноамериканский фельдшер, любящий подтягивать узлы и когда-то носивший серьгу, в свое время тоже был ребенком.

В конце мелодии им полагалось сделать прыжок. Я слежу за тем, как ноги Джейми отрываются от пола, тонкие и сильные, словно у жеребенка, и не могу пред-

ставить их связанными, дрожащими в номере мотеля. Все правильно, все справедливо. Каждому свое. Преподавательница хлопает, пересекает зал, кладет руку на плечо Джейми, нагибается и улыбается. Сочувствует девочке, которую чуть не похитили и которая не смогла спасти свою мать.

На стоянку въезжает серебристый седан моей свекрови. Она не выходит из машины. Смотрит прямо перед собой, не обращая внимания на окружающее.

Урок заканчивается, и почти все девочки бегут в другой конец зала, где лежит их уличная обувь. Но Джейми идет к окну, прикрывает глаза рукой и смотрит прямо на «катласс». Может быть, когда меня утащили, она подбежала к окну и следила за тем, как мы уезжали? Или видела Его раньше, лениво сидевшего за баранкой?

Нет, она смотрит в окно просто как в зеркало. Строит рожи, надувает губы и пытается представить себя взрослой.

Джейми, одними губами произношу я. Радость моя...

Он бросает на меня красноречивый взгляд, и я снова съезживаюсь. Когда мы поворачиваем в обратную сторону, я вспоминаю музыку, под которую они танцевали. Бах. Мой пульс постепенно успокаивается.

Нужно сказать Ему спасибо, но я не делаю этого. Я знаю, почему Он привез меня сюда.

Теперь я перед Ним в долгу.

Июнь 1996, Гавайи. «Люкс» для новобрачных. Сэм пьян вдребезги, на его лице застыла глупая улыбка. Мы отправились на Гавайи, потому что это было единственное место, где никто из нас ни разу не был.

Путешествие было долгим. Последнюю часть пути пришлось проделать в дешевом маршрутном такси, взбравшемся на холмы, которые окружали ярко-зеленую долину. Мы спали допоздна, потом гуляли, покупали почтовые открытки и места на пляже, а когда начинался дождь, ходили в местный бар — маленький домик с креслами-качалками на крыльце. Хорошо, что Сэм увидел через окно световое табло «Будвейзер», иначе

мы бы прошли мимо. Трое мужчин пили пиво, но маленькая грифельная доска сулила «маргариты». Хвала небесам, смеситель работал, и через час мы напились до пороссячьего визга.

Мы сидели на крыльце и смеялись, графин с коктейлем присутствовал за столиком как третий гость, по улице дефилировали мокрые туристы, листавшие свои путеводители и обмотавшие головы толстыми полотенцами.

— Наклюкались, — сказала я, и Сэм засмеялся. Тогда он еще смеялся моим шуткам и оборотам речи. Потом он вынул из кармана найденный на пляже кусок кварца и отдал его мне.

Пришло время уходить, и вдруг мы обнаружили, что оставили аккредитивы в номере. У нас была только сдача с двадцатки, которой мы расплатились за открытки. Для верности я пересчитала деньги дважды. Четырнадцать долларов. А по счету нужно было заплатить двадцать четыре, причем без чаевых.

— Отдай ему свои часы, — глупо хихикая, посоветовала я.

— Вот что я вам скажу, — перебил меня бармен. — Если вы меня поцелуете, будем в расчете.

Я сначала расхохоталась, но потом поняла, что он говорит серьезно.

— Десять долларов за поцелуй? Неплохо. — Сэм пожал плечами. — При таком гонораре можно не работать.

Присутствовавшие при этом мужчины заржали. Я тоже хихикала, пока не увидела взгляд бармена.

Ему было около сорока. Может быть, больше. Очень загорелый, с морщинистым лицом, но его губы не были обветрены. Кончики русских бровей выгорели чуть ли не до бела. Если я могла жить с таким человеком, как Дэвид, что мне стоило уделить несколько секунд этому любителю серфинга?

Он был высок ростом. Я встала, наклонила голову и закрыла глаза. Только губы, никаких рук и бедер. Его правая рука слегка коснулась моих волос, направляя меня. Окутавшая меня аура принадлежала не Сэму, а бармену. Я ждала, что муж прикоснется к моему запястью, вме-

шается, выразит протест. Но Сэм не двигался. Я чувствовала, что он не двигается. Только смотрит.

У губ бармена был вкус кокоса. Этот поцелуй не стоил десяти долларов. Он скорее напоминал небрежное чмокание в щеку на пороге дома. Когда бармен отстранился, я с трудом удержала улыбку.

Не знаю, что видел в этот момент Сэм: то, чего боялся, или то, чего хотел. Если бы тогда кто-то запечатлел эту сцену, мне было бы наплевать. Продала поцелуй за десятьку, ну и что? Эка невидаль.

Но теперь я считаю по-другому. Это оцепенение, этот временный столбняк говорили о многом. Я помню, как посвистывал Сэм, когда мы возвращались домой по грязной дороге, пьяно шатаясь и пытаясь удержаться на скользкой траве.

Перед закатом свет становится оранжево-розовым, жара сменяется вечерней прохладой. Мы снова на дороге, которую называют «шоссе местного значения». У нее есть номер, но никто его не помнит. Здесь обо всем говорят в прошедшем времени: «Сходи на старую почту. Сверни на старую дорогу. Доедешь до заброшенной конюшни. Остановишься на развилке у бывшей фермы Миллера». Шоссе слегка изгибается и разветвляется, как и положено старым дорогам.

Я что-то слышу, но сначала не обращаю на это внимания. Громкие звуки, которые часто раздаются на сельских дорогах, вполне естественны на фоне шума ветра, скрипа шин, визга тормозов и скрежета переключения передач. Зато обращаю внимание на быстрый взгляд, который Он метнул в зеркало заднего вида. И его напряженные плечи.

Звук сирены становится громче, и тут до меня доходит.

Погоня. Причем машина явно не одна. Я поворачиваю голову и вижу вдали «мигалку».

Он слегка прибавляет скорость и говорит, не поворачивая головы:

— Лезьте на заднее сиденье и потяните петлю на подлокотнике.

— Что?

— Лезьте.

— Почему?

— Она открывает багажник.

Я каменею. Сирены завывают вовсю.

— Ну же! — рывкает Он.

Но в моей голове завывает своя сирена — сирена страха.

— Не могу, — со слезами на глазах лепечу я. — Я не могу в багажник, я...

— Лезьте, вам говорят!

— Нет, я...

— Послушайте меня! — орет Он, пытаясь перекрыть сирену. — Вы же не хотите, чтобы я воспользовался пистолетом, который лежит у меня в кармане! В багажнике вы будете в безопасности. Лезьте!

Неуклюже перебираюсь на заднее сиденье, моим движениям мешают веревки и слезы. Тяну зубами петлю, которая открывает доступ в багажник. Оттуда несет бензином и маслом.

Я реву.

Поворачиваюсь и вижу Его глаза в зеркале. Их выражение мягче, чем несколько секунд назад.

— Клер, это только на минутку. Честное слово.

Он в первый раз называет меня по имени.

Я задерживаю дыхание и лезу в багажник. Подпружиненный люк захлопывается за мной. Здесь холодно, темно и, кажется, сыро. Ступни касаются металла, и я подбираю их. Мне представляется худшее: бензин и масло пропитывают мою хлопчатобумажную одежду, как фитиль лампы. Все тело дрожит, колени и зубы стучат друг о друга на каждой колдобине. Я — гремучая смесь, живой коктейль Молотова, готовый вспыхнуть.

Если вы хотите ощутить, насколько тонок металл, советую проехать несколько миль в багажнике. Это кожа, а не доспехи. Вы будете слышать ветер, шум грузовиков, вой сирен. Ощущать ветер, врывающийся во все щели и трещины. И чувствовать себя дешевой машиной.

Я обхватываю голову руками, закрываю глаза и твержу себе: «Здесь темно, потому что ты закрыла глаза. Просто закрыла глаза». Медленно вдыхаю и выдыхаю. Я в утробе, а не в багажнике. В кровати, а не в багажнике.

«Катласс» замедляет ход. Под колесами хрустит гравий, затем включается тормоз, и мы останавливаемся.

Сирена смолкает. Сейчас послышатся шаги полицейского, а потом загремят выстрелы... Но ничего подобного не происходит. Дверь машины открывается и закрывается. Какой машины, не знаю. Мозги начинают ворочаться и оценивать варианты. Конечно, первым в голову лезет самое худшее. Он бросит меня здесь. Столкнет машину в пропасть. Он... «Стоп», — произносятся мои губы. Я щиплю себя за запястье. «Стоп!»

И тут багажник открывается. Изнутри, не снаружи.

— Можете вылезать, — говорит Он.

Он тащит меня за запястья, и вскоре я оказываюсь на заднем сиденье. Осматривает меня, но никаких повреждений не обнаруживает. Я выжила. Побывала в багажнике, а теперь снова нахожусь на прежнем месте. Я изумлена; кажется, Он тоже. Все прошло, а я не изменилась. Ни дрожи, ни страха.

— Это не за нами. Три машины, — добавляет Он.

Я киваю. Хорошо для Него, плохо для меня.

Он поворачивает ключ зажигания.

— Наверно, нам не стоило уезжать из мотеля, — говорит Он, подтверждая то, что и так ясно.

— Хорошо, что они не обратили внимания на наш номер, — добавляет Он.

— Я так и знала, что это не ваша машина, — отвечаю я.

Его улыбка становится шире.

— По-вашему, я должен был украсть более шикарную машину?

— Угу. В следующий раз угоняйте что-нибудь поновее.

— Ах, да, — улыбается Он. — Я забыл, что вас волнуют шины. — Он дважды ударяет по тормозам, те скрежещут, и я вскрикиваю.

Он снова хохочет, как мальчишка. Похоже, это награда за пребывание в багажнике. Жареная картошка, пенная ванна, смех.

1989, Монреаль. Дэвид и его тогдашняя подружка. Он говорил, что купил машину под цвет моих глаз, но эта машина никогда не была моей. Он любил свой старый светло-бирюзовый «карманн гис» больше, чем меня. Дэвид многое любил больше, чем меня, и вскоре это выявилось. Он сохранял свою любовь даже после нашего возвращения в Штаты, когда мы с Джессом сняли трехкомнатную квартиру. Я до сих пор помню знакомые очертания той машины. Когда она появлялась в зеркале заднего вида, я вздрагивала.

Сколько дней он ездил за мной, пока не узнал, где я живу? Три, четыре? Я дважды избавлялась от него, заезжая на полицейский участок. Но он неизменно возвращался, и до меня дошло: он знал, где я работаю. На свете не так уж много мест, где может работать составитель теле новостей. Он нашел телецентр в первом же городе, где я искала спасения, и проследовал за мной до самого дома.

Этой тактики он будет придерживаться до тех пор, пока не получит все, что ему нужно.

Часа в два-три ночи мне снится, что Он набрасывается на меня. Я сначала не понимаю, кто это. Мне не больно. Его ногти яростно царапают мою кожу, но не до крови. Моя голова колотится об изголовье кровати, распухает, как яйцо, лопается и кровоточит. Кусачее покрывало в моем сне не кусается. Я опрокинута навзничь, но прижатую к покрывалу обнаженную спину не саднит. Угол покрывала засунут мне в рот, но это пустяки. Кляп мне ничуть не мешает.

Оранжевая лампа разбивается о мой лоб, но не причиняет мне никакого вреда, словно кремовый торт. Пальцы на моем горле выглядят угрожающе, однако на самом деле это совершенно невинно.

Все звуки и образы совпадают.

Мне снится, что Он насилуется меня, но это не изнасилование. Его руки рвут мое тело острыми когтями, проникающими до самых костей, но их прикосновения нежны. Каждый яростный рывок, от которого дергается голова, превращается в ласку.

Он терзает меня, но без боли.

Я поворачиваюсь к объективу камеры и притворяюсь, что Он избивает меня до крови, калечит и рвет на части.

Пусть Сэм полюбуется.

Это мой сон.

Это наша игра.

Первый звонок, сентябрь 2005. Щеки у Джулии такие же красные, как ее рюкзачок. Она вернулась домой в восторге от увиденного: своей парты, своих школьных принадлежностей и всего, что ей предстоит узнать. Преподавательница испанского уже научила ее считать до пяти! Во время обеда Сэм позвонил оттуда, где он тогда находился — Санта-Фе? Санта-Ана? — и спросил каждую девочку, как прошел день. Я стояла у плиты и слушала эти беседы вполуха; они повторяли то, что уже рассказали мне. Джейми радовалась тому, что ее третий класс очень удобно расположен — между библиотекой и спортивным залом. Джордан, еще учившаяся в przygotowательном, с облегчением узнала, что у мальчиков есть отдельный туалет. А Джулия ликовала, потому что умеет говорить на языке, которого младшая сестра не знает. «Пината!» — говорила она в трубку. — «Бланка!»

Они положили трубку, не дав мне поговорить с Сэмом. Я хотела перезвонить ему, но тут сработал таймер, закипела картошка, и я обо всем забыла. Я знала, что он позвонит позже, чтобы пожелать всем спокойной ночи.

Джордан, когда я укладывала ее, передала мне слова Сэма: «Скажи девочкам, что я люблю их». Она спросила: «И маме тоже?» А он ответил: «Конечно. Мама тоже девочка».

— Да, — улыбнулась я. — Мы все здесь девочки.

В ту ночь я не могла уснуть, казалось, в доме кто-то шепчется. Я обошла спальни девочек и проверила, кто из них говорит во сне. Обычно я записываю услышанное, и утром мы смеемся над этой бессмыслицей. «Мама, что я говорила про обезьян? Расскажи еще раз!» К возвращению Сэма у нас накапливалась целая книжка разговоров во сне, которые он пропустил.

Сейчас в спальнях девочек было тихо, если не считать сонного дыхания. Я вышла в коридор и поняла, что шепот доносится снизу.

Я подхожу к окну и вижу, что машина Сэма стоит рядом с моей. Он должен был вернуться утром; но поскольку полночь уже миновала, можно было считать, что так оно и есть. Я спускаюсь по лестнице. Он стоит ко мне спиной и держит в руке наш телефон. Не свой.

Я прищурилась, словно это могло помочь мне понять слова, срывающиеся с его губ. «Си, си. Пор фавор. Альенте».

Да. Пожалуйста. Поторопитесь.

Я легла в постель, так и не спросив, что он делал, о чем и с кем говорил. Конечно, сделать это следовало. Но упрекать меня в равнодушии было бы неправильно. Этот разговор не прошел мимо ушей.

Засыпая, я подумала: вот и хорошо. Он поможет Джулии учить испанский.

ЧЕТВЕРГ

Я открываю глаза, трижды моргаю и говорю себе: «Настал новый день. Хороший или плохой, неважно. Главное, что он новый. День бракосочетания мало чем отличается от дня казни. Знание есть знание. Импульсивным натурам незнакомо это удовольствие. Сегодня я пойду к алтарю. Сегодня я прыгну с моста».

Иногда необходимость знать едва не убивала меня. Я вела расследования и на работе, и дома. Сражалась с тайнами, шепотом, ночными звуками. Все мои страхи,

предчувствия, мании объяснялись необходимостью знать. Люди моего типа становятся журналистами, психоаналитиками, сыщиками, археологами. Все они копаются в пыли, отделяя зерна от плевел. Причем чаще всего копаются напрасно. Это не доставляет им удовлетворения. Я всегда была склонна к маниям, говорили врачи. Всегда. Как будто это могло меня утешить.

Поворачиваюсь на бок. Его постель аккуратно убрана. Я снова одна. Солнце сражается с тонкой шторой. Если бы я встала, подошла к окну и пощупала ткань, то почувствовала бы ее тепло. Протираю глаза и сажусь.

Настал новый день.

Наверно, Сэм уже проснулся где-то и говорит себе то же самое.

Когда он начал мотаться по свету (это случилось примерно через год после свадьбы), то звонил мне из номера гостиницы и оставлял сообщение: «Я смотрю на луну. А ты смотришь на луну?» А я звонила в гостиницу и говорила портье: «Передайте джентльмену из номера 309, что я смотрю на луну. И спросите, смотрит ли на луну он». Луна — это только пример. «Я собираюсь лечь спать в десять, а ты?» «Я ем в постели, а ты?» Не помню, как это закончилось и кто позвонил последним.

Послышался шум мотора, но это не «катласс». Я прыгаю к окну, отодвигаю штору на пару сантиметров и смотрю налево. Стекло кажется волнистым, словно расплавившимся от жары. «Катласса» на месте нет. Смотрю направо и вижу, что со стоянки выезжает зеленый автомобиль. Похоже, «аккорд». За рулем женщина, такая маленькая, что непонятно, как она умудряется видеть дорогу через лобовое стекло. Мой первый и единственный шанс остановить какую-нибудь машину исчезает.

Я отворачиваюсь, и тут что-то привлекает мое внимание.

Солнце сверкает на новом ярко-желтом засове с наружным замком. Приглядываюсь и вновь поворачиваюсь к окну. Стекло действительно волнистое, закаленное. Новый слой. Ничего себе! Рама заново проконопачена и ак-

курратно побелена. Когда я прикасаюсь к ней, на кончике пальца остается след.

Я со свистом втягиваю в себя воздух и иду в ванную. Окно там забрано металлическими прутьями, входа нет. Засов, решетка. И пуленепробиваемое стекло. Все ясно. Он поставил их, пока я спала. Черт побери, где Он все это приобрел, кого еще подкупил? Или... всем этим Он запасся заранее?

Интересно, для чего это Ему понадобилось? Чтобы помешать мне выйти или кому-то другому войти? Странно, что здесь нет ни горничной, ни портье, ни постояльцев. Может быть, этот мотель принадлежит Его боссу?

Внезапно меня обуревает необходимость знать. Можно называть это смелостью, но врачи предпочитают пользоваться термином «одержимость». Я лезу под кровать за видеокассетой.

Видеомагнитофон стоит у самого окна; я наверняка успею услышать, что Он возвращается. Вставляю кассету и сажусь на Его аккуратно застеленную кровать. Ожидаю увидеть себя или Сэма, но надеюсь на большее. Какой интерес смотреть на себя со стороны? Я не настолько тщеславна.

Сначала на экране темно. Секунд десять. Но лента исцарапана; это убеждает меня, что магнитофон работает. Когда появляется изображение, в нем нет ничего шокирующего: ни мучений, ни порнографии, которых можно было бы ожидать от мужской коллекции. Какое-то здание, коридор, тесное помещение. Десятки работающих женщин. Согнутые спины, рубашки промокли от пота. Закрытые окна и высокие потолки. Портативные горелки, стеклянные сосуды. Похоже на сборочную линию, но самого изделия не видно.

Я прищуриваюсь, словно это может помочь понять происходящее. Однако ни интерьер, ни женщины, ни их движения не позволяют понять, какой это год или что они делают. У всех женщин темные волосы, у некоторых — темная кожа.

Внезапно у меня по спине ползут мурашки. Дело не в кассете.

Я кошусь направо. В щели между шторами видно Его лицо. Через секунду засов отодвигается, и Он нажимает на кнопку видеоманитофона.

Я сползаю с Его кровати. Последнее, что я вижу, это отверстие. Дыра. Путь к бегству.

Объектив камеры поднимается и показывает световой люк в потолке.

Закрытый.

Он вынимает из кармана амбарный замок. Хватает кассету, шарит под кроватью и негромко считает по-испански. Замок щелкает. Он встает и смотрит на меня. Я отвожу взгляд, застигнутая на месте преступления. Мне стыдно.

— Извините, — бормочу я. — Но я не пони...

— Не понимаете? Вам и не положено понимать! Вам положено сидеть, ждать и... — Он тяжело вздыхает и заканчивает: — И выполнять свою задачу.

Выражение Его лица не соответствует словам. Может быть, Он просто повторяет слова, сказанные кем-то другим?

— Если вы объясните мне, что происходит, — тихо говорю я, — то постараюсь помочь вам договориться с Сэмом.

Он вынимает из другого кармана газету и бросает ее на кровать. Этот жест означает: «Я принес вам газету, а какова благодарность?»

Он облизывает губу и шумно выдыхает.

— Хотите, чтобы я объяснил?

Я киваю.

— Ладно. Объясню, если вы примете два моих условия.

— Какие?

— Во-первых, что бы ни случилось, не сообщать моему боссу то, что я расскажу. Во-вторых... вы объясните мне, кто такой этот чертов Дэвид.

Я моргаю. Таковы его условия. Доверие за доверие.

— Ладно, — бормочу я.

Он садится на кровать и рассматривает свои руки.

— Вы слышали, что некоторые патентованные лекарства в Мексике намного дешевле? Даже по сравнению с Канадой?

— Моя подруга всегда покупает там «ренову» во время отпуска, — говорю я.

— Таких людей, как ваша подруга, много. Людей, которые приезжают за мексиканскими лекарствами. Или покупают их у мексиканских компаний по Интернету. Впрочем, не только у мексиканских. И у канадских, и у британских...

— Да.

— Некоторые лекарства пользуются большим спросом. Некоторые лекарства, сделанные в Америке.

Теперь начинают сходиться концы с концами. Лекарства, фармацевтические компании, корпоративные интересы, дискуссии за круглым столом, стратегия рынка, заграничные поездки, постоянное отсутствие мужа... Мне становится душно. Я оттягиваю ворот хлопчатобумажной майки.

— Когда турист покупает лекарство в Мексике, американская фармацевтическая компания теряет деньги. Если только... если только она не производит свои лекарства в Мексике.

Я киваю. Пока что все верно.

— Кому-то пришла в голову блестящая идея создать в Мексике лаборатории.

Примерно то же самое я говорила Майклу о семейных мебельных мастерских, действующих где-то в центральной части штата. Я слышала от одного декоратора, что можно по дешевке купить хорошую мебель. А медсестра со станции скорой помощи рассказала мне о поступавших к ним семилетних мальчиках с отрезанными пальцами. Но Майкл ответил: «Клер, ты единственный человек на свете, который прибавляет два к двум и получает в результате девять».

Я отмахиваюсь от Него примерно так же, как Майкл отмахивался от меня:

— Компании-производители всегда используют зарубежные кадры.

— Это подпольные цеха. Условия труда там ужасные, нет вентиляции...

— Потогонная система?

— Да. В Мексике их называют «маквильядорас». А в бедных кварталах — просто «маквильяс».

Когда я изучала проблему тайных фабрик в Пакистане, то читала и про то, что происходит в Мексике.

— Я писала про подпольные швейные мастерские. За границей.

Он кивает.

— Но между ними есть большая разница.

— Какая?

— Пары лекарств убивают людей намного быстрее, чем пары краски для тканей.

У меня перехватывает дыхание. Я готова обвинить Сэма в чем угодно, но в убийстве? Я тру ключицу, тру сердце. Неужели это и есть страх? Красная пропасть между костями, в которую я проваливаюсь?

— Сколько? — глухо спрашиваю я.

— Четыреста женщин и детей за последние два года. Начиная с одиннадцати лет.

— А почему никто об этом не слышал?

— Наверно, потому что у передачи «60 минут» нет латиноамериканских продюсеров.

— Разве власти не могут с этим справиться?

— Властям платят... Те, кого мы с вами хорошо знаем.

Я перестаю массировать сердце и прижимаю руку к губам. Нет... Мне вспоминаются глянцевые фотографии, которые Сэм привозит из-за границы: океаны, горы, пустыни, оранжевые закаты. Ключки для гольфа, горные лыжи, удочки, спиннинги и другой спортивный инвентарь, заранее отправляемый к месту назначения. Когда он звонил девочкам по сотовому телефону, на заднем плане всегда слышался смех. Дома все время шел дождь, подвал затапливало, рвались коробки с кошачьим кормом, туалеты заливало, отключалась противоугонная система. А Сэм всегда возвращался загорелый. Без следов губной помады на воротнике, но со слишком румяными щеками. Однажды весной мы пози-

ровали для семейного портрета, и я сказала Сэму, что он выглядит так, словно вернулся из-за границы. «Клер, не завидуй, — ответил он. — Я не виноват в том, что ты перестала ездить в зарубежные командировки».

— Он летал в Мексику ловить рыбу, — упрямо говорю я.

— Ваш муж работает на три крупнейшие американские фармацевтические компании. Они нанимают его для выполнения особых заданий, к которым ловля рыбы не относится, — отвечает Он.

Я тяжело вздыхаю. Мне известно, что у Сэма есть клиенты из числа фармацевтов. И в Мексику он летал несколько раз. Но теперь я вспоминаю еще кое-что: посылки через «ФедЭкс», телефонные звонки. И даже смену гастрономических привычек. «Кажется, раньше перец чили тебе не нравился», — сказала я ему неделю назад.

— Ладно. Предположим, что вы правы. Но почему именно Сэм? Почему не президенты этих компаний? У них карманы глубже.

— Потому что эти люди не любят пачкать руки, — негромко отвечает Он. — Не эти люди ходили в полицию, объезжали трущобы и набирали работниц.

— Выходит, я очутилась здесь из-за того, что Сэм давал деньги для подкупа полицейских?

— Вы очутились здесь, — резко отвечает Он, — потому что ваш муж внушал мексиканцам ложные надежды! Обвешивал нескольких сеньорит драгоценностями и посылал их в кварталы бедноты рассказывать о том, как можно заработать кучу денег! «Плюньте на другие маквильядорас, там платят гроши, идите работать к нам!» Идите на наши фабрики и умирайте! Вот чем ваш муж занимался в Мексике! Ловил не рыбу, а жертвы!

Я отворачиваюсь, стыдясь собственной глупости. Ведь я не из тех женщин, которые ничего не знают и хлопают глазами, узнавая про карточные долги, тайные счета в иностранных банках и подставные фирмы, действующие в офшорных зонах.

— А как же партнеры Сэма? — спрашиваю я. — Хью? Энн? — Мне приходит в голову, что их тоже похитили и держат в коттеджах 11 или 13.

— О его партнерах я ничего не знаю.

— Если так, то почему вы решили, что именно Сэм...

— У моего босса имеются доказательства. У нас есть информаторы. Есть видеозаписи.

Математика не на моей стороне: что значит одна мертвая женщина по сравнению с четырьмя сотнями? «Ничего личного». Но Его гнев, Его вера в справедливость происходящего... Нет, без личного тут не обошлось.

— Но как это остановит другие компании, как?..

— Что может напугать богатого американца больше, чем серия похищений?

— Серия? — Я широко раскрываю глаза.

— Иногда, — мягко говорит Он, — люди не слышат тебя с первого раза. — Он откашливается. — Теперь ваша очередь...

Я закусываю губу. С чего начать?

— Ваша очередь идти в душ. — Он кивает в сторону ванной.

Он развязывает мне ноги. Я иду в ванную и закрываю за собой дверь. Моя одежда, завернутая в коричневую бумагу, лежит на крышке унитаза. На полу стоит пустой пакет для того, что на мне. Теперь за эти стороны нашей жизни отвечает Он. Прачечная-автомат, кофе и закуски навывнос, газетный киоск... Я чищу зубы, включаю воду и становлюсь под душ, пытаюсь смыть с себя оцепенение. Неужели мой муж способен ради клиента на все? Даже на убийство женщин? И тут я вспоминаю: сегодня. Сегодня я могу умереть. Четыреста против одной.

Я сажусь на корточки и рыдаю, прикрывая рот рукой. Рыдаю, пока внутри не остается никаких чувств, кроме осуждения. Оно горит в груди, как машина на обочине. Каждый мужчина способен выстрелить в женщину и бросить ее умирать. Но Сэм... четыреста?

Меня прерывает негромкий стук в дверь.

— Вы заканчиваете? — спрашивает Он.

— Да.

Его голос снова звучит мягко.

Я выхожу и смотрю Ему в глаза.

— Вы понимаете, что сегодня я могу умереть? — шмыгая носом, спрашиваю я.

Его глаза поблескивают.

— Утешайтесь тем, что я принес вам чистое белье.

На моей тумбочке оранжевая лампа, чай, тост и газета, раскрытая на странице с кроссвордом. Он, стоя у окна, захлопывает телефон и оборачивается.

— Секретарша Сэма.

Тон у Него наполовину насмешливый, наполовину презрительный.

Я делаю глоток. Пытаюсь сохранить хладнокровие и не подаю виду, что мне не нравятся ее прямые светлые волосы, что я ей не доверяю и не хочу, чтобы она отправляла сообщения, касающиеся моей жизни. «Ме-ла-ни». Даже ее имя мне ненавистно.

— Ваш муж позвонит в половине одиннадцатого, — добавляет он.

Звонок до звонка. Классика. Когда Джейми училась ходить, Мелани звонила в семь вечера и предупреждала, что Сэм позвонит в восемь и пожелает дочери спокойной ночи. Я бросала посуду, пеленки, игрушки, слома голову неслась к телефону и выясняла, что это не сам звонок, а только уведомление о нем. Сэм ругал Мелани за фанатичное стремление к составлению расписаний на неделю и даже на месяц вперед. Как будто он врач-гинеколог. Кроме того, он любил устраивать совещания до совещания. Хью рассказывал мне, что по пути в конференц-зал Сэм всегда «совал нос» в чей-нибудь кабинет. Делал вид, что заблудился в поисках туалета и случайно оказался у дверей того или иного сотрудника. Это лучший способ бросить намек и достичь взаимопонимания: с глазу на глаз, до начала совещания.

Он следит за тем, как я ем тост. То ли надеется на что-то большее, то ли что-то знает. Я молчу. Похоже,

Он хочет просверлить меня взглядом. Я испытываю то же чувство, которое иногда ощущаю с новыми знакомыми, когда они начинают рассказывать о своем прошлом. Делятся своими маленькими секретами, а потом ждут от меня того же. Но есть и другие люди, которые ощущают мои темные тайны. Тени, плавающие под поверхностью. Время от времени эти тени поднимаются выше, грозят вынырнуть и проявиться на лице, как синяк. Я знаю, что Он тоже видит их и скоро потребует предьявить. Теперь моя очередь исповедоваться.

Но пока я молчу. Ему тост и разворачиваю «Страж».

— Ну что, расследование продвигается?

Он пожимает плечами.

— Ни образца ваших волос, ни номера машины, который заметили соседи?

— Это же не «Нью-Йорк Таймс».

— Вы на что намекаете?

У Него приподнимается уголок рта.

— Похоже, они сделали ошибку.

Сегодняшняя передовая озаглавлена: «Наступление жары приводит в ужас тепловые электростанции страны». В Тулсе свирепствуют торнадо. В Калифорнии — лесные пожары. На Женевской конференции по СПИ-Ду — протестующие пикетчики. Прошел всего один день, и ад вырвался наружу. В конце первого раздела натыкаюсь на заголовок: «Новые подробности о похищении в Уэсттауне». Пробегаю глазами два абзаца и смотрю на Него с осуждением.

— Я тут ни при чем, — отвечает Он.

— Джейми сказала, что видела вас раньше, — сквозь зубы цежу я. — Вы следили за моей дочерью? Были у моего дома, заходили во двор еще до той ночи?

— Нет.

Я сбрасываю газету на пол.

— Все к лучшему.

— К лучшему? А как вам нравится фраза: «Это усиливает уверенность в том, что жертва знала своего мнимого похитителя».

— Совершенно безобидное утверждение.

— Ничего себе безобидное! Мой муж и дочери подумают, что... — У меня перехватывает дыхание.

— И что же они подумают?

— Что я бросила их и сбежала с вами, — шепчу я.

— Сэм знает, что это не так.

— Знает? Откуда? — Мои глаза наполняются слезами. — А это еще что за вранье? Они описывают вас как светлогожого коренастого мужчину среднего роста!

— По-вашему, это неточно?

Я смеюсь и вытираю слезы. О боже... Конечно, Джейми не могла составить такое описание. Наверно, у полиции есть другой свидетель, но его имя в статье не приводится. Репортеры «Стража» такие же бездари, как и репортеры «Вестника Мид-Каунти».

— Возможно, так ей велел сказать Сэм.

— Что?

— Ну, что вы уехали с человеком, которого могли знать... Это отвлекает внимание от его делишек, верно?

— Иисусе... — лепечу я.

— Разве не этим ваш муж зарабатывает себе на жизнь? Искажая истину в интересах богатых клиентов?

— Вы его не знаете. Он не...

— Что «не»?

— Он не злой.

— Вы всерьез считаете, что можно разобраться в душе другого человека?

Я пристально смотрю Ему в глаза. Они темные, почти черные, без примеси золота или карамели. Он не отводит их и не прищуривается, когда речь идет об опасных вещах.

— Да, — говорю я.

Он кивает и поджимает губы. Такого выражения на Его лице я еще не видела. Не могу сказать, нравится оно мне или нет.

— По-вашему, на то и брак, чтобы знать о человеке все?

— Ну, не все, — отвечаю я. — Но хотя бы главное. Сущность.

— Кое-кто считает, что чужая душа — потемки.

— Только не я.

— Ладно, не будем спорить. — Он поднимает газету с пола. — Наверно, вам вообще больше не следует читать газеты.

— Тогда дайте мне кроссворд, — вздыхаю я.

По кроссвордам, печатающимся в местной прессе, можно судить, что представляет собой город. Этот кроссворд проще других: все термины из области масскультуры. Ни классической литературы, ни истории, ни иностранных слов. Все как обычно, я отстала от жизни. Некоторые слова ставят меня в тупик. «Артист Джейн». Джейн Фонда? На одну букву больше. Джейн Медоуз? Вряд ли. По-моему, ее имя пишется через «уай»... Он видит, что я прищурилась, подходит и наклоняется над моим плечом. Его голова так близко, что я ощущаю запах лимона.

— Может быть, они имели в виду писательницу по имени Джейн, — говорю я. — Джейн Эллиот, Джейн Гордон... По буквам подходят и та и другая. А Джейн Фонда и Джейн Медоуз — нет.

— Тут написано «артист», а не «артистка», — говорит Он.

— В данном случае род значения не имеет. Это слово относится и к мужчинам, и к женщинам.

— Может быть, здесь считают по-другому.

Я пожимаю плечами. Звучит разумно: деревня — она и есть деревня.

— Не знаю ни одного мужчины по имени Джейн. Впрочем, нет... Кэрролл... Робин... Но...

— Может быть, «Джейн» — это не имя, а фамилия?

Тьфу ты... Томас Джейн! Подходит. Я вписываю в клеточки имя «Томас».

— Я вас ненавижу, — бормочу я.

Он смеется и встает с кровати.

— Моя жена говорила: «Это игра, а не экзамен на объем пассивного словаря».

Я поднимаю глаза. Как всегда: ты мне, я тебе. Он требует что-то взамен.

— Вы женаты?

— Был.

— Ох...

— Вас удивляет, что кто-то на меня польстился? — улыбается Он.

— Нет. Просто вы не похожи на женатого. Такой молодой. Я... просто предположила.

— Я старше, чем вам кажется.

Я задумываюсь. Любопытное сочетание кислого с пресным. Университетский профессор и ветеран войны. Оставшийся сиротой в шесть лет и вынужденный заботиться о младших...

— Вы были фельдшером на войне! — выпаливаю я. Он дважды моргает.

— «Буря в пустыне». Вы отсылали часть своего жалованья матери, младшим братьям и сестрам в Мексику.

— Я что, слово из кроссворда? — спрашивает Он.

Я смущенно опускаю глаза.

— Вы ничего не знаете, — бросает Он и выходит из комнаты.

Щелкает засов, двигатель «катласса» чихает. Я не вижу Его, но представляю себе, как Он разговаривает по телефону со своим боссом. Не знаю, который час, но предполагаю: десять часов.

Я пью чай и пытаюсь дорешать кроссворд. Никак не могу вспомнить, как звали бойфренда Илейн из телесериала о Синфелдах. Отгадываю еще несколько слов, и получается «Падди». Времени ушло больше, чем обычно, но наконец все клетки заполнены. Уже достижение. Это мое постоянное занятие по утрам. Либо когда пью кофе за своим письменным столом, либо еще до того, как проснутся девочки. Иногда это единственное, что мне удается сделать правильно.

Открываю ящик, достаю Библию и начинаю листать. Ее язык и сюжеты мне чужды. Кое-кто мог бы найти в них утешение, но только не я. Напыщенный стиль и старомодный шекспировский язык заставляют меня морщиться. Я отказалась от Истории еще в колледже. Перестала оглядываться и начала смотреть вперед. Бояться не того, что уже случилось, а того, чему еще только суждено случиться.

За стеной соседнего коттеджа доносится резкий звонок, и я вздрагиваю. Там начинают быстро говорить по-испански. Тон все время повышается. Похоже, идет спор. Я медленно иду к окну и отодвигаю штору. Он разговаривает по телефону, бешено жестикулируя. У меня холодеет в животе: «Неужели они спорят обо мне?»

Голос в соседнем коттедже умолкает. Он тоже захлопывает телефон. Нет, это не совпадение. Я задерживаю штору и бреду к кровати. Кондиционер гудит: этот язык я понимаю.

Внезапно из соседнего коттеджа доносится яростный вопль, пронзительный, как вой гиены. Я снова отодвигаю штору, страшно за Него.

Он идет к нашему коттеджу, опустив глаза и прикрыв рот ладонью. С видом человека, потерпевшего поражение.

Часы страха, тикающие в моей груди, бьют двенадцать раз.

Я тянусь к цепочкам и неловко вожусь с ними, пытаюсь запереться от Него и избавить себя от плохих новостей.

Слишком поздно.

Он снова опережает меня.

Почему я понимаю, что человек собирается причинить мне вред, только тогда, когда он уже это делает?

Некоторые женщины обладают очень чувствительным радаром. Даже находясь в спальне, они видят блуждающие глаза любовника, ощущают, как объятия превращаются в ловушку. Но ко мне это не относится: я десять лет боялась воображаемых мужчин. Для мужчины, стоящего передо мной, не осталось ничего.

Дрожали ли Его губы, когда он клал меня на кровать? Или мне просто хотелось, чтобы они дрожали?

Он связывает мне руки и ноги быстрее, чем раньше. Бандана, вынутая Им из кармана, новенькая, ни разу не стиранная. Когда Он чересчур туго завязывает мне глаза, она царапает веки.

Он возится под кроватью.

— Пейте.

— Это яд? — хнычу я.

— Водка, — отвечает Он.

— Что?

— Пейте, говорят вам.

Он подносит к моим губам фляжку со жгучей жидкостью. Водка дешевая: я знаю разницу.

— Еще, — говорит Он.

Я пью, но недостаточно быстро. Водка течет по подбородку. Замораживает ли она мою щеку, смягчает боль, когда в лицо врезается Его кулак? Нет. Когда во рту смешиваются кровь и алкоголь, этот вкус лучше, чем вкус одной крови? Не слишком.

Он бьет меня сначала в левую щеку, потом в правую. Раз, два. И тот и другой удары становятся для меня сюрпризом. Я не могу опомниться от изумления. Он все-таки сделал это! У меня хватает ума сжаться в ожидании третьего удара, но его нет.

Слезы обжигают щеки. Раздается негромкий щелчок фотокамеры. Я инстинктивно жду звука лопающихся шаров или пробки, вылетающей из бутылки шампанского. До сих пор мне не приходило в голову, что с помощью этой камеры будут делать моментальные снимки для полиции. Свидетельства похищения. Он щелкает затвором дважды. Затем камера снова отправляется под кровать.

— Вы обещали не причинять мне вред, — еле слышно говорю я. Голос с трудом вырывается из груди.

Он молча идет в ванную и включает воду. Потом произносит несколько испанских слов, значение которых я узнала намного позже.

«Простите меня».

Но в тот момент я не догадывалась, что Он обращается ко мне.

У меня начинает распухать лицо. Закрытые веки пульсируют, искажая и без того туманный зрительный образ Сэма, человека, за которого я вышла замуж, который никогда не дрался в барах, ни разу не шлепал девочек и в горсти выносил пауков из дома во двор.

Первая церковь Нантакета, июнь 1996. Фотография темная, в помещении слишком мало света. Я расхаживаю вдоль стены, обшитой деревом. Мое белое платье — единственное светлое пятно на снимке. Даже в профиль видно, что я взволнована. Конечно, вечно опаздывавший Сэм опоздал и на собственную свадьбу.

На первых порах это было даже забавно. Он всегда прибежал впопыхах, с растрепанными волосами и начинал цветисто извиняться. Во всем были виноваты клиенты, вечно звонившие в последний момент. Большинство людей разрывается между работой и домом, но Сэм разрывался во всех направлениях сразу. Он напоминал праздничный торт, который разрезают несколько человек. Ради клиента был готов на все. Ездил в командировки куда и когда угодно. Говорил с ними по телефону, находясь в любом месте. Другие люди в общественных парках, больницах, на школьных спортивных соревнованиях беседуют со своими родными, но всегда находится человек, который стоит отдельно и что-то решительно говорит в трубку. Сэм как раз из таких.

Считается, что люди живут по инерции. Мне кажется, что Сэм живет по инерции других людей, их нужды и звонки подхлестывают его. На заднем плане всех фотографий есть человек, который счастливо улыбается: Группа бизнесменов, разрезание ленточек, вручение символических чеков — что бы ни было, но с краю всегда стоит Сэм, человек, который начинает казаться знакомым даже в том случае, если ты не знаешь, кто он такой. На всех стянутых аптечной резинкой фотографиях, лежащих в моей Коробке, Сэм одинаковый. Вскинутая длинноволосая голова, белозубая улыбка. Всегда готов!

Я уверена: если бы мы с Сэмом поменялись местами и это его били бы в коттедже номер семь, жужжание фотокамеры заставило бы его улыбнуться разбитыми губами. Эта улыбка была бы такой же инстинктивной и рефлексивной, как у другого человека дыхание или моргание.

Он оставляет рядом со мной мокрое полотенце и молча выходит за дверь. Щека ощущает выпуклые буквы

«МИД», дефис между этим словом и словом «КАУНТИ» трет воспаленную кожу. Я переворачиваюсь на бок, прижимаюсь к холодным буквам другой щекой и думаю о Люке, который пытался меня утешить после похорон отца. О его маленьких руках, робких и неуверенных.

Это мое единственное утешение. Я думаю о мужчинах, которые были в моей жизни, и пытаюсь решить, кто из них мог бы спасти меня, мог бы все сделать правильно и в нужном порядке. Кто не стал бы ездить в командировки, выполнять просьбы клиента, торговаться с похитителем. Много ли таких? Конечно, мой отец. Но кто еще? Когда я представляю себе Сэма на месте этих мужчин, его следы ведут в другие места. Не в дом, а в брезентовую палатку. К сыновьям, а не к дочерям. В Париж. В тюрьму. В больницу. Куда угодно, но только не в этот коттедж. Нет. Тут ему делать нечего.

«Ваш муж играет с огнем». «Отвлекает внимание от своих делишек». Это действительно так? Или Он хочет, чтобы я так думала?

Сэм, подкупающий полицейских, обводящий вокруг пальца местных девушек... Я видела, как он тайком давал чаевые метрдотелям и произносил публичные речи, которые никого не оставляли равнодушным. Неужели тут было то же самое? Манипулирование людьми с помощью чарующей улыбки?

От мыслей начинает болеть голова. Я чувствую, как кровь отливает от синяков к вискам, и внезапно прихожу в ужас. А вдруг Его удар положил начало цепной реакции, которая закончится инсультом? Я готова разрыдаться.

— Нет, — шепчу я, когда слезы пропитывают повязку и начинают жечь воспаленные щеки. — Стоп. Стоп.

Скоро фотографию получит Сэм, потом полиция, потом газеты. Весь мир сочтет, что знает то, чего не знаю я. Преступник и жертва. Дьявол и ангел. Красавица и чудовище. Но они не увидят в картине нюансов; их будет слепить свет. Крестоносец и мятежник. Сюжет и журналистка. Мужчина и женщина. Все сведется к одному: бьющий и битая.

Я зарываюсь в подушку. Если у меня не будет инсульта, если доживу до завтра, возможно, «поляроид» сделает свое дело. Ситуация изменится. Я стану другой, и Сэм тоже. Я впервые увижу его сущность, а не одежду. Хороший ли ты человек, Сэм? Или всего лишь приятный?

Он стоит за дверью и ждет звонка. Я лежу в комнате и жду инсульта. Он сделал то, что Ему приказали, а я делаю то, чего от меня ждут. Истекаю кровью, страдая от боли и лью слезы.

Дверь открывается, впуская в комнату жаркий ветер. Мимо моих ног проносятся что-то постукивающее. Судя по звуку, это пластмасса. Он идет в ванную, зажигает свет и включает вентилятор. Стук повторяется, и тут до меня доходит: кубики льда. Кубики в ведре.

Он опускается рядом, развязывает бандану и протягивает мне два полотенца, в которые завернут лед. Я сажусь, беру их, но не смотрю Ему в глаза.

Он откашливается.

— Понимаете, если бы я этого не сделал, мой босс...

— Да, — спокойно отвечаю я. — Знаю. Ваш босс. Клиенты Сэма. Все довольны.

Он пытается оправдаться с помощью надоевшей игры в плохого и хорошего копа.

— Можете заказать на ленч то, что вам нравится, — говорит Он.

— Я не голодна, — шмыгая носом, отвечаю я.

— Да, для ленча еще рановато.

Я рывком поднимаю голову и поворачиваюсь к Нему.

— Который час?

— Без четверти двенадцать.

— Ублюдок! — шиплю я. — У него было еще пятнадцать минут, чтобы позвонить вам!

— Он... уже звонил.

Я хлопаю глазами.

— Что?!

— Он звонил.

— Сэм не опоздал? Значит, дело не в этом?

— Нет.

Он идет к своей кровати и садится напротив.

— Это каким же мужем надо быть, чтобы опоздать со звонком? — мягко говорит Он. — Так мужчины не поступают.

Из моих глаз текут слезы. Я снова предположила самое худшее. Даже человек, который ненавидит образ действий Сэма, презирует его за жадность и хочет остановить любой ценой, верит ему больше, чем временами верю я сама.

— Если так, то в чем дело? — сквозь слезы говорю я. — Зачем?

— Он сказал, что смог собрать только две трети суммы. Остальное возьмет в долг у отца, но тот уехал из города и вернется только в понедельник.

— Вас разозлило то, что он возьмет деньги у отца?

— Нет. — Он смотрит в мои распухшие глаза. — Нас разозлило то, что его отец никуда не уезжал. Это ложь. И...

— Что «и»?

— И он продолжает утверждать, что не делал этого. Что меня обманули.

Наши взгляды встречаются, и я отвожу глаза первой. Его поездки, его шепот по телефону. О боже, Сэм, я не так наивна.

Взгляд у Него честный. Но что они сделали с Патти Херст*? Голова идет кругом.

Что об этом думает Он, Сэм и я сама?

Неважно. Имеют значение только Его поступки. И наши тоже.

Я подчинилась. Полезла в багажник. Сэм уклонился от ответа. А Он ударил меня.

Август 2006, Озеро Норт, мы с Элли охотимся за антиквариатом. Голубые джинсы на фоне красного пикапа, на заднем плане темное озеро. Если приглядеться, мож-

---

* Имеется в виду дочь американского газетного магната Патриция Херст, в 70-х годах похищенная левачкой группой и бесследно исчезнувшая.

но увидеть край сарая. Сарая, у которого Элли сказала, что я чокнутая. Как будто я этого не знала.

Кабинет доктора Кирни обставлен лучше, чем кабинеты других врачей. Кому это и знать, как не мне? Мужчин-врачей у меня было не меньше, чем бойфрендов. На полу коврики, на полках терракота. Цвета и предметы знаковые — мол, вы имеете дело со знаменитостью. Я смотрю на него и замечаю, как он наблюдает за мной. Анализирую его жизнь вместо своей собственной. Он знает этот фокус. Знает их все.

— Сегодня у меня нет настроения для беседы, — говорю я, и он кивает.

Проходит минута. Такие минуты кажутся мне бесконечными. Я никогда не выигрываю эти состязания. Он переносит вынужденное безделье спокойно, а я нет. Ерзаю в кресле, выгибаю шею, ломаю пальцы. Когда терпение кончается, я снова открываю рот.

— А разве у вас всегда есть такое настроение?

— Всегда.

— Я... я просто хочу сказать, что не вижу в этом смысла. Если улучшение и наступает, то ненадолго. Шаг вперед, два шага назад.

— На этой неделе вы сделали два шага назад?

Я смотрю в его добрые глаза. Это единственное, что объединяет моих врачей. Маленькие океаны доброты, зеленовато-голубые или зеленовато-карие. Плыви, иди вброд или стой на берегу и смотри, как на их дне оседает ил твоей жизни.

Глаза добрые, а вопросы — не очень. Зачем он их задает, если знает ответ? И почему заставляет меня отвечать громко?

— В субботу, — начинаю я, — мы с подружкой Элли ездили на озеро. Там живет краснодеревщик, который делает хорошую мебель, а берет недорого. Нужно было забрать у него готовую вещь. Мы взяли пикап ее мужа, положили в багажник веревку, спальные мешки и все прочее. Подъехали к самому сараю, и оттуда выскочили мужчина и двое мальчиков в плотницких фартуках. Мальчики были совсем маленькие. Лет шести-семи.

Мы вышли из пикапа, выражение лица у мужчины стало таким, словно он увидел привидение. Он тут же прогнал мальчиков, преградил Элли дорогу. И сказал очень странную вещь.

— Что именно?

— Что они делали скворечник.

— Что же тут странного?

— Все дело в тоне. Он сказал это так, словно оправдывался.

— А что было потом?

— Он принес шкафчик прямо к пикапу. Мы завернули шкафчик в мешковину и привязали веревками. Вещь была красивая, кажется, из калифорнийского ореха с выемкой для мраморной раковины. Элли хотела поставить ее в своей ванной.

— Угу, — говорит он.

— На обратном пути я задумалась. Они вели себя так, словно ждали кого-то знакомого. А когда мужчина увидел чужих людей, то стал объяснять, почему там оказались дети.

— И что же?

— И я волей-неволей подумала, что они участвовали в изготовлении мебели.

— Если так, то это очень талантливые семилетние дети, — медленно говорит доктор Кирни.

— Да, конечно. Но... десятки наших знакомых ездят к озеру Норт за дешевой мебелью. Поэтому я набралась смелости и обзвонила несколько больниц этого округа.

Я наклоняюсь вперед и закусываю губу.

— В прошлом году было шесть случаев, когда к ним доставляли детей с отрезанными пальцами или фалангами. Он шумно вздыхает, глотает комок в горле, кивает и говорит:

— Циркулярная пила?

— Именно это я и подумала.

— Возможно, вы правы.

— Да, — вздыхаю я. — Но Элли сказала, что я чокнутая. А Майкл...

— Майкл с вами не согласен?

— Он сказал, что нужно уметь отличать улики от подозрений. А подозрения от...

— От чего?

— От страхов. — Я выплевываю последнее слово как косточку, застрявшую между зубами.

— И это причинило вам боль.

Я киваю. На щеку скатывается одинокая слеза.

— Несколько недель назад мы сошлись на том, что Майкл верит только фактам.

— Шесть детей — это факт.

— Он советовал вам не заниматься этим делом?

— В общем, да.

— И как, убедил?

Я качаю головой.

— Значит, вы хотите все выяснить и сообщить об этом?

— Если окажусь права.

— Понятно.

— Послушайте, — не выдерживаю я, — вы знаете, как тяжело ничего не знать наверняка?

Он ждет.

— А если чувствуешь, что права? Мне в голову всегда приходит самое худшее. Вы знаете выражение «чуть-печенками»?

— Да.

— Если бы я доверяла своему чутью, то ни за что не вышла бы из дома.

Он фыркает.

— Все остальные живут в нормальном мире, а я... в мире страха.

— Вы чувствуете, что отличаетесь от других людей?

— Да.

— Какие еще слова приходят вам на ум?

Я знаю, что он хочет услышать, но не поддаюсь. Не говорю ни об одиночестве, ни об изолированности. Я вздыхаю и мямлю:

— Ну, не знаю... Кумкват*?

Доктор Кирни невольно улыбается и говорит:

— Ладно, миссис Кумкват, ваше время вышло.

---

* Растение из семейства цитрусовых.

Меня передадут с рук на руки в субботу. Сэм, который хотел отложить передачу на понедельник и солгал об отце по причинам, известным только ему одному, отбросил эту мысль сразу же, как только получил «поляроид». Место обмена уже определено — хижина в горах. Но Сэм этого еще не знает: ему сообщат новость в полдень пятницы. За это время он должен собрать три миллиона долларов, пожертвовать их в фонд работниц мак-вильядорас и закрыть свою контору в Мехико. А взамен не получит ничего. Точнее, получит меня.

Теперь я это знаю. Думаю, что знаю все: мотив, способ, сумму. Знаю, потому что некоторые мужчины, ударив женщину, испытывают чувство вины. Знаю, потому что хранить водку в номере мотеля и не пить ее невозможно.

Мы пьем третью порцию лимонада с водкой. Вместе напиваемся в четверг после полудня, говоря о выкупе и погоде. (Жарко.) На туалетном столике лежат бифштексы с помидорами и картофельные чипсы, все еще в пакете из коричневой бумаги. Стоящая рядом бутылка лимонада пуста на две трети. Лед, который Он купил для моей щеки, теперь лежит в пластиковых стаканчиках.

Голова у меня больше не болит. После второго стакана я пошла в ванную и увидела себя в зеркале. По-настоящему подбит только один глаз; другая щека покраснела и распухла. Первый удар был пробным, второй — сильным.

Удар ценой в три миллиона долларов. За такие деньги Сэм мог бы набрать мне на смену целую бригаду: няню, повара, водителя, проститутку. Тем более что от моих прелестей ничего не осталось. Скулы все еще высокие, но веснушки потемнели, а морщины стали глубже. Интересно, в двадцать лет я стоила дороже? Помню, Джейми смотрела на мою выпускную фотографию с восхищением. «Мамочка, ты была такая красивая».

Как относится ко мне Сэм? Ей-богу, не знаю. Мне известно только то, как он относится к семье: ему это нравится. Он весело насвистывает, когда мы заворачиваем сэндвичи и едем на пикник. Улыбается на детской пло-

щадке, скрестив руки и раскачивая на качелях обеих дочерей сразу. Что ж, в его возрасте положено иметь семью. Положено иметь детей и жену. Он не может позволить жене умереть. Это минимум. Мужчины всегда ограничиваются минимумом.

Я слишком часто остаюсь одна, наверно, поэтому и придумала Сэма. Придумала все его достоинства и доводы в его пользу. Все, что я вспоминаю в последнее время, уродливо. Доктор Мюллер называл это «психологией Судного дня».

Он наклоняет пластиковый стаканчик, чтобы допить лимонад, и кусочки льда падают Ему на лицо. Он не вздрагивает и не хихикает, потому что ждал этого. Он жует лед, а я наблюдаю за ним. Конечно, у Него тоже раскалывается голова от планов, возможностей, вариантов. Это способ мышления женщины, жены и матери, готовой к худшему, живущей в постоянном страхе и ожидании наступления Судного дня.

— Вы росли с сестрами! — выпаливаю я.

— Что? — Он улыбается.

— С сестрами. У вас есть сестры.

— Да. Но какое это имеет значение?

Он прав. Он мог бы назвать свое имя, адрес, номер телефона и при этом остаться на свободе. Моя дочь могла бы нарисовать полицейским его словесный портрет, но Он все равно ускользнул бы. Я могла бы рассказать Ему все или только часть всего, могла бы заставить Его ахнуть и заплакать. Наши рассказы о себе все равно не изменили бы настоящее.

И все же мне хочется знать не только причины и подробности моего пленения и освобождения. Я любопытна. Кроме того, нужно как-то убить время: либо разговаривать, либо читать газету, либо смотреть телевизор. Он снова наполняет стакан. Но еще не готов рассказать мне все. Он больше не спрашивал про Дэвида. Ладно, подождем.

Мы говорим о Мексике: на севере пустыни, на юге джунгли. Я была там только один раз. Когда я называю это место (Кабо), Он мрачнеет:

— Кабо — это не Мексика!

Наверно, это так. Курорт, на котором я жила с подругами, был совершенно белый: стены, мебель, простыни... Я помню только вереницу дурацких баров и пьяных американцев, державших огромную рыбу. Казалось, мы находились в Диснейленде. Но на окраинах города царила ужасающая бедность.

— Трущобы Мехико — одни из самых больших в мире, — говорит Он.

— Вы когда-нибудь... жили в трущобах?

— Еще бы, — отвечает Он.

— А в каких местах Америки вам доводилось бывать?

— Во Флориде, — отвечает Он.

— Флорида — это не Америка, — улыбаюсь я.

Он чокается со мной: пластиковые стаканчики глухо постукивают.

— А что же тогда Америка? — спрашивает Он, сделав глоток.

— Миннеаполис, — отвечаю я. — Чикаго. Может быть, Сизтл.

— Почему?

— Люди, живущие на окраинах, отрезаны от центра. Жители Майами, Лос-Анджелеса или Нью-Йорка считают, что всего остального не существует.

Он кивает.

— Нормальное находится только в середине.

— Значит, вы родом из центральных штатов?

— Я росла в Висконсине*. Но семья моего отца с начала века жила в Чикаго.

— Великие озера, — говорит Он.

— Да, — улыбаюсь я. — Летом отец каждое воскресенье возил меня кататься на водных лыжах.

— Баловал вас, — улыбается Он.

— Почему все считают, что любить ребенка значит баловать его?

---

* Штат на севере США, у озера Верхнее. Административный центр — Медисон.

Я глотаю слезы и отворачиваюсь.

— Извините, — говорит Он. — Мой отец... тоже умер.

— Серьезно?

— Да.

— Он был хорошим человеком?

— Он... был принципиальным.

— Это не одно и то же.

— Да. Не одно.

— Летом мои родители пили по субботам водку с то-
ником, — говорю я, размешивая лед в стаканчике.

— Мой отец пил текилу.

— А...

— День у него начинался в одиннадцать утра.

Я смеюсь.

— В других местах это называется «файф-о-клок».

— Что?

— Так зовут выпивку те, кто пьет во время ленча.

— Ну, тогда за «файф-о-клок», — говорит Он.

Мы смеемся и чокаемся. Он открывает пакет с лен-
чем. Бифштексы завернуты в вощеную бумагу; так по-
ступила бы мать, жарившая их для собственных детей.
Вкус чудесный. Летние помидоры, много майонеза. Это
меня радует. Я рассказываю ему, что, когда сидела на
диете, заказывала одни помидоры, без бифштексов. Ес-
ли помидоры были спелые, то по мясу я не скучала. Он
рассказывает, что когда приехал в Америку и попробо-
вал свой первый гамбургер, тот с непривычки показал-
ся Ему слишком пресным. А я рассказываю, что мои де-
ти не любят еду из «Макдоналдс»; они предпочитают
китайские, итальянские, тайские блюда. Это то же са-
мое, что обедать с компанией подруг: они не могут ре-
шить, что заказать, спорят, торгуются, соглашаются
и тратят на это кучу времени.

— Значит, ваши дети не избалованы? Вы просто
очень их любите?

Я сама много раз задавала себе этот вопрос. Теперь
я всерьез задумываюсь. Чему способствует водка с ли-
монадом.

— Муж считает, что они избалованы. А я нет.

Он кивает, слизывает с губы капельку майонеза и улыбается.

— Сэм думает, что они хнычут, а я им уступаю.

— А что думаете вы?

— Я думаю, что... для них это самый удобный способ выразить свое несогласие.

Он качает головой и улыбается. Типичный мужской жест, означает: «ох уж эти женщины»...

— А Сэм предпочитает строгость?

— Да нет. Просто он редко бывает дома, и девочки хотят порадовать его. Не портить друг другу удовольствие от общения.

Неожиданно в беседе наступает пауза. Я поднимаю глаза.

— Что?

Он улыбается.

— Похоже, в частых разъездах вашего мужа есть свои плюсы.

Он роется в пакете, достает пакетик с маринованным перцем и говорит:

— Мы можем поделиться.

— Нож есть? — спрашиваю я.

— Зачем? Чтобы вонзить его мне в сердце?

Хохот душит меня так, что начинает болеть диафрагма. Он присоединяется ко мне и смеется заливисто, как мальчишка. Вопрос абсурдный. Мы оба знаем ответ. Не хочу. В этом весь фокус, верно? Он похитил меня, избил, но я не хочу Его убить. Позже я поняла, в чем дело: я думала, что худшее осталось позади. Я выжила. И простила. Может быть, в глубине души я и убийца, но Его я убивать не стану.

Я отгрызаю часть перца и передаю оставшуюся часть Ему. Но он начинает не с противоположного конца, а там, где откусила я. Этот порядок соблюдается. Покончив с перцем, мы вытираем губы белыми салфетками. Он бросает мои и свои объедки в пакет и выносит его за дверь. Не моргнув глазом забирает мою грязную салфетку и даже не ищет чистый угол, за который можно взяться.

Он возвращается, мы играем в червы и несколько конов в покер. Я проигрываю. Но затем я беру реванш. Учю его играть в «королей в углу», любимую игру моих дочерей. Громлю его наголову и с ликованием кладу карты в круг.

Он стонет от отчаяния.

Потом Он включает телевизор. Идет любительский конкурс песни и танца. Входит пара и начинает танцевать ча-ча-ча.

Он смотрит на меня, наклоняется и развязывает мне лодыжки. Встает и протягивает руку.

— Проверим, так ли вы хорошо танцуете, как вам кажется, — улыбается Он.

— Ничего мне не кажется!

Я пьяна, но ноги меня еще слушаются. Мы танцуем ча-ча-ча в маленьком промежутке между кроватями и телевизором и протираем лысый ковер, чуть ли не до дыр. Он двигается легко и быстро, умело ведет меня. Чувство ритма у Него в крови; это ощущалось еще тогда, когда Он связывал и развязывал меня. Когда музыка кончается, Он толкает меня на кровать, и я падаю.

Смеюсь до колик, пока на глаза не наворачиваются слезы. Водка ударила в голову. Он стоит рядом со мной и наблюдает.

Могу пнуть его между ног, но вряд ли мне удастся застать Его врасплох. Я пьянее Его.

Я принимаю позу каратиста и застываю в ней.

Наступает Его очередь хохотать, и Он делает это с удовольствием.

Мы лежим на разных кроватях и досматриваем конкурс. Экран светится, как костер. Отблески теплого света играют на Его лице и маленьких ушах. Я хочу дожидаться, когда Он уснет, но это выше моих сил. Засыпаю, лежа на кусачем покрывале. Дешевый кондиционер трещит, как сверчок за печкой.

Утром в пятницу я просыпаюсь связанная (правда, не слишком туго). На мне одеяло, подвернутое под подбородком. В классическом армейском стиле.

ПЯТНИЦА

Шесть дней. Когда я куда-нибудь уезжаю, то именно на шестой день начинаю уставать от своей тщательно подобранной одежды, тосковать по шампуню новой марки и скучать по собственной кровати. Теперь эта тоска кажется мне мелкой и эстетской.

Я просыпаюсь и вытягиваю руки, но не ноги. Вот по этому я действительно тоскую. По возможности выпрямить голени, вытянуть носки и ощутить, что я длиннее матраца. Когда Сэм начал ездить в командировки, я блаженствовала: раскидывала руки и ноги в стороны и представляла себя ангелом в белоснежных простынях. Оставаться по утрам одной приятно. Тебе принадлежит вся кровать, весь чайник и весь восход солнца. Ненавистная ночь наконец-то осталась позади.

Он ушел, но мой спокойный сон каждую ночь доказывает, что Он был здесь и стоял на страже. Держа меня здесь, Он обеспечивает мне безопасность. Интересно, если бы на соседней кровати лежал Сэм с пистолетом в кармане, я бы чувствовала себя более защищенной? Не в этом ли заключается моя проблема? Способен ли кто-нибудь из мужчин защитить меня вообще?

Я прыгаю в ванную, чищу зубы, умываюсь. Чистой одежды еще нет, наверно, Он пошел за ней. Я смотрю в зеркало и развлекаюсь. Представляю себе, что я прыжками добираюсь до двери, собираясь пересечь автостоянку и добраться до шоссе. Но тут входит Он с йогуртом, булочками и фруктами. Меня удерживает здесь не столько веревка, сколько Его неукоснительная точность.

В замке поворачивается ключ. Собственная правота заставляет меня улыбнуться. Я вытираю подбородок, оборачиваюсь.

И тут мое сердце дает перебой, душа уходит в пятки. Я громко ахаю.

Это не Он. И не Дэвид.

Мой страх оживает. Но здесь нет ни телефона, ни ножниц, да и бежать некуда. Я отступаю, незнакомец

улыбается и следует за мной. Он старше, смуглее и коренастее Его. Лицо круглое. Смуглый Санта-Клаус. Он делает шаг вперед, я — шаг назад. Сердце гулко бьет в ребра, аккомпанируя происходящему, как барабан. Он наверняка слышит это, потому что улыбается. Может быть, он заодно видит мои пальцы, скребущие раковину в поисках зубной щетки, которую можно использовать как кинжал? Увы, щетка соскальзывает с раковины и падает на пол.

— Ваш друг скоро вернется, — говорит он. Потом садится на мою кровать и начинает разглаживать покрывало, на котором остался отпечаток моего тела. Мысль о том, что его ладонь ощущает тепло моего тела, вызывает у меня гнев.

— Он не мой друг, — злобно отвечаю я.

— Он просил меня присмотреть за вами.

— Неправда!

Он фыркает и осматривается по сторонам. Но смотреть тут не на что. Может быть, этот тип думает, что наш номер лучше, чем его?

— Ваше лицо выглядит не так уж плохо, — говорит он.

— На мне все быстро заживает, — отвечаю я.

Я представляла себе обитателя номера девять хищным животным, но это не так. У него нет изящества и быстроты зверя. Он двигается так неторопливо, словно внутри у него что-то тяжелое и темное.

— Значит, вы любите смотреть телевизор? Американцы без него жить не могут.

— В Мексике тоже есть телевидение, — огрызаюсь я.

Все ясно. Сейчас я окажусь в ответе за «фаст фуд», видеоигры, «мыльные оперы», вырубку лесов, массовое ожирение и захватнические войны. В воздухе висит душный запах зависти, жадности, гнева. Во всем виновата я, меня нужно наказать. Стоит оказаться в одной комнате с враждебно настроенным иностранцем, как ты волей-неволей начинаешь обороняться. Я кусаю губу, но молчу.

— И что вы обо всем этом думаете?

— О чем?

— О том, что творится в моей стране.

— А что там творится?

Он наклоняется ко мне.

— Я знаю, Он рассказал тебе. Знаю, что ты смотрела кассеты.

Мое сердце гулко бьется. Я вспоминаю про данное Ему обещание.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — пожимаю плечами я.

Он кивает и задумывается.

В этом я разбираюсь. Лгать умею. Ложь всегда под рукой, а до правды приходится добираться. Не поэтому ли я так мало знаю?

На автостоянке хлопает дверь. Я вскакиваю и прыгаю к окну. Он не отодвигается ни на дюйм. Потом я долго ломала над этим голову. Меня злило то, что он не потянулся за пистолетом. Какой смысл лгать, если тебе и так никто не верит?

Я отодвигаю штору.

— Знаете, что я думаю? — шипит незнакомец. — Я думаю, что вам не хочется уезжать отсюда.

К коттеджу медленно идет Он, держа в одной руке пакет с бельем, в другой — завтрак. Я стучу запястьями в стекло. Он роняет свертки, переходит на бег и врывается в дверь.

Испанские фразы летают по комнате как живые. Они могут говорить о чем угодно: отрезать ей руки и ноги, бросить в реку и следить за тем, как она тонет, снять с нее скальп, ошпарить кипятком, раздеть догола и сфотографировать. Последнее слово остается за Ним. Он красноречиво постукивает по часам. Я слышу слово, похожее на числительное. Второй мужчина кивает и уходит. Через секунду мы остаемся вдвоем.

Он садится на кровать. Выражение Его лица изменилось. Что это, похмелье? Голод? Такие глаза я видела у людей, потерпевших поражение, у неудачников.

— Я ничего ему не сказала, — говорю я.

— Хорошо, — отвечает Он, глядя на свои руки.

— Что случилось? — спрашиваю я. Во рту горько от страха.

— Мы должны уехать и в полдень позвонить вашему мужу из другого места.

— В смысле, вы оба?

— Нет. Все трое.

— Что? Зачем?

— На этом настаивает мой босс.

— Кто-то видел нас здесь? Мы...

— Нет.

Внезапно я превращаюсь в ребенка. Не могу вынести расставания с тем, что считаю своим. Со своим коттеджем номер семь. Все, что я в нем ненавидела, вдруг стало казаться родным. Колючее покрывало, узкие шторы, слишком яркая оранжевая лампа. Черт побери, его босс прав: я действительно не хочу уезжать.

— Никуда я не поеду, — заявляю я.

Он смотрит на меня с сочувствием и молчит.

— Я этого не понимаю, — упорствую я.

— Вам и не положено.

Он выходит за дверь, подбирает свертки и ставит на туалетный столик пакет с завтраком. Что будет, если я подниму мятеж и в знак протеста откажусь от еды? Если я не стану есть, время остановится, полдень не наступит, Сэм не заплатит, и я никогда не вернусь домой.

Нет уж, все по порядку. Я вздыхаю и начинаю есть.

Мы собираем вещи.

Точнее, вещи собирает Он, потому что у меня нет ничего. Я сижу на своей кровати, а Он роется под своей. Слышно, как Его ногти скребут по парусине и пластику. Я ложусь на спину, закрываю глаза и начинаю убеждать себя, что Он — животное. Енот или медвежонок, залезший в мусорный бак. Время, которое он проводит под кроватью, заставляет меня задуматься. Там не только видеокассеты. Мне следовало покопаться в ящике подольше. В конце концов, время для этого у меня было.

Я погружаюсь в подсчеты и начинаю ощущать разочарование. Сначала я думала, что Он стоит снаружи, тор-

чит у машины, за углом, может быть, в конторе. Следит за мной так же, как в первый день. Мне представляются посыльные — пицца, рынок, прачечная. Недолгие знакомства, связывающие с местом, в котором оказываешься впервые. Временные друзья, которыми обзаводятся все, даже я. Эти люди стали бы тревожиться, чувствуя, что они принимают участие в чем-то запретном. Невольно помогают преступнику. Они сказали бы: «Да, я догадывался. О да, там что-то было. Малый один, а порции две. Какой в этом смысл?»

Но теперь я знаю, что Он ездил туда сам. Садился в машину и оставлял меня на попечение своего босса, жившего рядом. Однако не всегда. Оставлял минут на пятнадцать-двадцать, а мне казалось, что проходило минуты три. Максимум четыре. Если бы у меня были хоть какие-нибудь часы или если бы я лучше понимала Его натуру, то догадалась бы раньше. Я могла бежать. Собственно говоря, именно на это Он и намекал мне. Я всегда думала, что если Сэм часто уезжает, это дает мне право делать то же самое. Ты не на привязи. Что ты выберешь: остаться или убежать?

В дни, проведенные за решеткой и засовами, я могла убежать. До шоссе было недалеко. Когда я на свой романтический лад представляла, что убегаю, отчаянно размахиваю руками, останавливаю машину, из-за поворота всегда выезжал Его «катласс». Его взгляд говорил: «Я вижу тебя насквозь». И этот взгляд меня останавливал.

Как я объясню это полиции? Скажу, что я оставалась в номере и не пыталась бежать, потому что думала, что Он или Тот, Кто Следит, увидят меня, пристыдят и заставят почувствовать то, что чувствует пятилетний ребенок в присутствии взрослых мужчин: отца, учителя, консьержа, полицейского?

Мой подбитый глаз пульсирует. Если я стану ссылаться на него, то снова солгу. Солгу так же, как лгали женщины испокон веков: «Похититель наказал меня за то, что я побежала к шоссе, за то, что я ударила его в бедро тупым концом спрятанной ложки. Видели бы вы того, другого...»

Я обвожу комнату здоровым глазом в поисках того, с чем не хочу расстаться. Кусачее покрывало, оранжевая лампа, белый махровый коврик в ванной, более толстый, чем полотенца. Внезапно мне начинает казаться, что я люблю эти вещи. Если у меня нет ничего другого, я могу унести воспоминания о том, что меня успокаивало, заставляло стыдиться и ощущать раскаяние. А запомнить мне есть что. Я тоже собираю вещи. Мысленно.

Он заканчивает сборы, стоит у двери и ждет меня. Веревка уже развязана и уложена в карман. Он сделал все, что мог, и теперь следит за тем, как я составляю перечень случившегося за неделю. Перечень наших ошибок, неправильных расчетов. Не то время, не то место, а самое главное — не тот муж... Наконец Он откашливается, и я иду к открытой двери. Он берет меня за запястье, не слишком сильно, но и не слишком слабо, давая понять, что настроен решительно. На улице жарко и душно. Он ведет меня к «катлассу».

Когда Он выезжает со стоянки, сзади включается еще один двигатель. Я оборачиваюсь. За нами в синей машине едет второй мужчина. Шторы номера семь слегка приоткрыты, на кровати стоят два Его чемодана.

По крайней мере, один из нас вернется.

* * *

Мы проезжаем мимо высоких деревьев. Дуб, клен, плакучая ива. Их листья соприкасаются, переплетаются. Когда дует ветер, они борются за пространство, душат друг друга, выделяют кислород и отбирают его. Стонут, потрескивают, сопротивляются. Дорога здесь лишняя, она напоминает шрам.

Время от времени нам попадаются встречные машины. Модели и цвета старые: седан цвета карамели, выцветший голубой пикап. Я считаю их, но затем перестаю. Мне становится страшно. Спрашиваю Его, куда мы едем, но Он не отвечает. Может быть, не знает сам?

Стоп. Хватит бояться. Меня похитили, избили и продали. Я пережила номер мотеля и багажник. Теперь ме-

ня куда-то везут, ну и что? Настоящий срок завтра, не сегодня. Я повторяю это про себя, закрываю глаза и перестаю обращать внимание на проносящиеся мимо деревья и машины. Подо мной снова мягкое сиденье «катласса». Ремни надежно застегнуты, я в тепле и безопасности. Дрожать не с чего. Неужели я скоро окажусь дома? В конце поездки я обычно составляю перечень того, что меня ждет. В нашем доме многое требует внимания: нужно отремонтировать световой люк и охранную систему на втором этаже, сменить лампочки в таймерах, завести сторожевого пса, выстирать шторы и белье, позаботиться о растениях, просмотреть почту. Нет. Мне кажется, что я там больше не живу. Есть только коттедж номер семь. Ничего другого нет. Оно не существует или не имеет значения. Это мой личный выкуп.

Я открываю глаза. Дорога стала более узкой и извилистой. Когда мы сворачиваем на проселок, у меня перехватывает дыхание. Мы расстаемся с цивилизованным миром. Прощайте бифштексы с помидорами, йогурты, Библия и кровать. Мы будем жить в палатке. Останемся наедине с деревьями, кустами, животными и небом. Если я убегу, то заблужусь. Не найду ни ручья, ни фермы, ни дороги. Меня съедят волки. Природа знакома мне примерно так же, как испанский язык. Он знает это, они оба знают. Но дыхание возвращается ко мне. Причем довольно быстро.

— Мы едем в хижину? — спрашиваю я.

Он молчит.

— Ваш босс все время жил в номере девятом? — выпаливаю я.

— Нет, — негромко отвечает Он.

— Это он был на автостоянке?

Он поворачивается ко мне, моргает и оглядывается.

Вопрос повисает в воздухе. Впрочем, какое это имеет значение? Что изменилось бы, если бы я получила ответ? Открыла бы дверь и выпрыгнула из машины? Нет. И в этом все дело, правда? Сэм, я не человек действия. Однажды я попробовала бежать, но меня схвати-

ли и остановили. Я смирилась с тем, что Он умнее меня и лучше подготовлен к ситуации. Его карманы битком набиты нужными вещами. Он все обдумал заранее. Вычислил, как я буду вести себя в данной ситуации.

И я его не разочаровала.

Из-под колес во все стороны летит гравий. Что это, подъездная аллея? Хижина маленькая, размером с прихожую. Если мы ехали на север или запад, к горам, то это ночлег лесорубов. Южнее расположены пахотные земли, лесов там нет. А если бы мы отправились на восток, то уперлись бы в сосновые рощи и пахнущий солью океан.

Я думаю о микрочипах, которые люди вживляют в своих домашних животных, вставляют в домашние приборы и системы. В голове у некоторых есть компас. Такие люди могут убежать в лес, а потом найти дорогу домой. Знал ли Он, что я не из таких?

Он останавливает машину рядом с недостроенной хижиной. Здесь нет телефона, который можно оторвать от стены, нет горячей воды, чтобы наполнить ванну. Сомневаюсь, что здесь будет работать сотовый телефон. Конечно, Он и об этом подумал. Мне до Него далеко.

Мы идем к хижине. За нами останавливается синяя машина. Он открывает дверь, оттуда выскакивает мышь и пробегает в сантиметре от моей ноги. Я со свистом втягиваю в себя воздух. Он молча уводит меня. Пока Он возится в багажнике, я стою рядом с машиной. Он расстилает на траве одеяло, мы садимся на него и дышим ароматом мха и жимолости. Хорошее место для пикника, думаю я. Настоящий подарок. Приятно сбросить с себя тяжесть и присесть. Я вспоминаю последний пикник, который устроила с девочками. Мы расположились под деревом у общественных теннисных кортов, сидели на трикотажной подстилке и ели сэндвичи с индейкой. Джулия раздавила муравья, а Джордан сказала ей, что папа не велел этого делать.

С улыбкой смотрю на Него, готовая спросить, где прошел Его последний пикник, но вижу морщины на Его лбу и застываю с открытым ртом.

Я не свожу с Него глаз, а Он смотрит прямо перед собой.

Мне не нравится эта перемена, не нравится Его отчуждение и молчание. Это похоже на семейную ссору. Нам неловко друг с другом так же, как было сначала. Он трет кончики своих длинных чистых пальцев с таким видом, словно перебирает четки. Я смотрю на свои бледные пальцы с ободранными костяшками. Мои руки снова связаны в запястьях. Если бы они были свободны, я могла бы протянуть их и обнять Его. А потом мы могли бы утешить друг друга на манер семей, где мужья сначала бьют своих жен, а затем утешают их, и жены смиряются.

Стоящая позади машина уезжает. Я слышу, как мимо меня пролетает камешек, но не оборачиваюсь. Его плечи расслабляются, дыхание становится глубже. Мы снова остаемся одни.

— Что здесь происходит?

— Мы в хижине, — отвечает Он. — Вы были правы.

— Но почему сейчас? Почему вы не привезли меня сюда в воскресенье?

Он качает головой.

— Слишком трудно. Нет еды. Нам пришлось бы все время жечь костер.

— Если так, то зачем мы приехали сюда сегодня? Чтобы за нами не могли проследить или?..

— Мой босс хотел, чтобы звонок прозвучал именно отсюда.

— Почему?

— Здесь не таклюдно.

Я думаю над Его словами. Не таклюдно. Мягко сказано. Вдали от мира. На краю земли.

— Не понимаю, почему мы не могли позвонить из номера.

Его голос звучит мягко и тихо:

— Потому что даже у стен есть уши.

Я обвожу взглядом деревья. У ствола ближайшего дерева пробегает белка, вдалеке ухает филин. Свидетелей нет. Никто не услышит моих криков.

Мой распухший глаз снова начинает болеть. Так старый шрам боится скальпеля.

Наши взгляды встречаются, и я вижу в Его глазах что-то напоминающее просьбу о прощении. Я понимаю: Он выполняет свой долг.

— Ваш муж... по-прежнему утверждает, что он не виноват.

Воздух здесь неподвижный, но живой. Если бы мы позвонили Сэму сейчас, он услышал бы пение птиц и негромкий гудок далекого поезда. Слишком мирно. Для похищения больше подходят другие звуки. Крики, выстрелы. Свист плетки перед тем, как она врезается в обнаженную кожу. А какие звуки слышали бы мы в воздухе, окружающем Сэма? Раскаяния или праведного гнева?

— Который час? — спрашиваю я, пытаюсь не стучать зубами.

— Одиннадцать сорок пять, — не глядя на меня, отвечает Он.

— Ко времени звонка ваш босс вернется?

Он смотрит на меня, но отвечает не словами, а удивленным взглядом. Нет. Я догадываюсь, что босс, как всегда, сторожит. На сей раз подъездную аллею. У «Моторолы» три параллельных канала, поэтому физически присутствовать при звонке не обязательно. Но если босса не будет, я смогу подать Ему знак. Жестом или шепотом, в случае необходимости.

— Есть другой способ, — медленно говорю я.

— Что вы имеете в виду?

— Другой способ пригрозить Сэму. Кроме моих криков.

Он поднимает бровь.

— Что может подействовать на мужа сильнее, чем страдания его жены?

Это похоже на разбор шахматной партии: мы говорим обо мне в третьем лице.

— Есть вещи, которые для него очень важны.

Он наклоняется вперед.

— Говорите. У вас есть две минуты.

Я набираю в легкие побольше воздуха, словно собираюсь нырнуть на шесть метров в глубину. Даже часть этого рассказа занимала у меня не меньше пятидесяти минут. Примерно столько продолжался первый визит к новому психиатру. Когда во время ленча мы шли с подругой в ресторан и заказывали слишком много вина, история растягивалась на час. Рассказать было о чем: о прерванной дружбе и капкане, размыкать который придется целую вечность.

— Сэм — мой второй муж, — говорю я.

Он склоняет голову набок.

— А первый — Дэвид?

Я киваю и продолжаю:

— Сэм держит это в секрете. Для него очень важен имидж: работа, семья, политические убеждения... А вдруг он захочет заняться политикой и выставить свою кандидатуру на какой-нибудь пост? Этого не знают ни его родители, ни друзья. Чтобы вступить в клуб, нужно представить документы о своем социальном происхождении. Поэтому перед свадьбой я сменила свою девичью фамилию. Об этом никто не знает.

— А ваши дети?

Я качаю головой.

Он пожимает плечами.

— Разве в Америке люди не разводятся?

— Это не тот случай. Брак с писателем, который превратился в наркомана и торговца наркотиками, не украшает женщину. Дэвид говорил, что таким образом собирает материал для своего романа. Может быть, так оно и было, но... Кроме него, у меня были и другие не слишком респектабельные бойфренды.

— И это все? Вся история?

— Да, — лгу я.

Он улыбается, и я начинаю подозревать, что попалась.

— Ах, эти мужчины. Эти ужасные, не слишком респектабельные мужчины. Кто они — белые? Черные? Желтые?

Я корчусь и признаюсь, что никогда не имела дела с цветными.

Он смеется в голос.

— Вы были замужем за торговцем наркотиками, но считаете позором встречаться с мужчинами другой расы?

Я тоже начинаю хихикать. В таком изложении моя история действительно кажется смешной.

— Кстати, зачем этому торговцу наркотиками похищать вашу дочь? Почему вы думаете, что он способен на это?

Я медлю с ответом. Мои связанные руки инстинктивно тянутся к ожерелью и хватаются за золотые кольца как за спасательные круги. Я собиралась рассказать совсем о другом. Эта часть истории не предназначена для Его ушей.

— Он... э-э... хотел детей. Нескольких. — Мои щеки начинают пылать. Я чувствую, что Он следит за мной.

— Понятно, — говорит Он.

— А я... э-э... этого не хотела. Дэвид говорил, что если я уйду от него и рожу от кого-то другого, он выследит нас и заберет детей.

Он медленно качает головой и недоверчиво говорит:

— Ну это же надо...

Я отвожу взгляд.

— Просто кошмар.

— Да. — Я делаю глубокий вдох, кажется, впервые за несколько часов.

— Это все?

— Да, — продолжаю лгать я. Больше Он от меня ничего не услышит.

— Какой коварный тип!

Мы хохочем, пока у обоих не начинают болеть одинаково пострадавшие скулы.

— Надеюсь, этот Дэвид был красив, — наконец говорит Он.

— О да, — улыбаюсь я. — Они все были красивыми. Он чешет затылок.

— Я этого не понимаю. Вот если бы у вас была фотография Сэма в женском платье...

— Сэм придает огромное значение внешности, — решительно говорю я. — Все остальное для него не существует.

— По-моему, вы плохо знаете своего мужа, — отвечает Он. — Вы считаете, что Сэм не прав даже тогда, когда он прав.

— Тут я не ошибаюсь, — возражаю я. — Ничуть.

— И у вас есть доказательства?

Я киваю.

— В моем шкафу есть синяя Коробка. Хранится за панелью. В ней лежат свадебные фотографии и вырезки из газет.

— Сэм знает про существование этой коробки?

— Да.

— А про то, где она спрятана?

— Нет.

Он делает паузу, задумчиво потирает подбородок и говорит:

— Я сделаю это при одном условии.

— Каком?

— Вы узнаете его завтра.

— Ладно, — тут же соглашаюсь я.

— А теперь назовите мне свою девичью фамилию.

— Сначала покажите мне пистолет, — отвечаю я.

Он достает из кармана серебряный револьвер, который выглядит невинно, как игрушка.

Я с облегчением киваю. Выходит, мои страхи были не напрасны.

— Каррингтон, — говорю я.

Он встает, останавливается и смотрит на меня сверху вниз.

— Торговец наркотиками и вымогатель, — вздыхает Он. — Да, Клер Каррингтон, вам крупно повезло.

Вот так все и вышло. Я пожертвовала своей репутацией ради сохранения жизни. Фигурально выражаясь, дала отрезать себе ухо.

Во всяком случае, так думает Он. Я обвела Его вокруг пальца, и, возможно, не только в этом.

Он думает, я стыжусь того, что занималась любовью под забором, на чердаках, в подвалах и на задних сиденьях дешевых машин. Но сам не понимает, до какой степени Он ошибается. Я с радостью вернулась бы во все эти места и времена, когда не замечала ничего, кроме ямочки на щеке или завитка волос, выбившегося из-под обтрепанной хлопчатобумажной рубашки. Волосы Сэма. Смогу ли я вернуться домой и снова увидеть его волосы?

Ах, если бы я могла вернуться и снова влюбиться в одну-единственную черту. Единственную, но самую лучшую. По своей старой, давно забытой привычке...

Первый день рождения Джейми. Два почти одинаковых снимка ребенка, измазанного кремом.

Сэм должен был лететь в Лос-Анджелес на встречу с клиентом.

— Они без меня не обойдутся, — сказал он. — А Джейми не заметит разницы.

— Но это же ее первый день рождения. И он как раз сегодня.

— Клер, в ее кровати нет календаря, — ответил он. — Устроим праздник в воскресенье, когда я вернусь. Я куплю шариков в виде животных. Сам разрисую их. Если захочешь, наряжусь клоуном.

— Ладно, — вздохнула я. Он поцеловал в макушку сначала Джейми, потом меня, взял сумку с одеждой и уехал. В тот раз на такси. И тут я дала волю своей худшей половине: опустилась на диван и с облегчением подумала, что Сэм уехал на день рождения дочери, а не на мой собственный. Бизнес есть бизнес, тут выбирать не приходится.

Я посадила Джейми в детский стульчик, открыла холодильник и вынула оттуда праздничный торт. Она рылась в нем, как в песочнице. Розовый крем застрял у нее в волосах, под ногтями и засох на рубашке. Момент не для «кодака». Не торжественная дата, а обычная жизнь. Когда я уносила остатки торта (точнее, крошки), Джейми сказала только одно слово: «Еще». По дороге в ванную я смеялась, зная, что такой случай ей еще представится.

Он разговаривает по телефону в шести метрах от меня. Я вижу Его лицо и, если бы умела читать по губам, то поняла бы каждое слово. На ближайшем дереве каркает ворона. Я представляю себе детективов, подслушивающих этот разговор и пытающихся определить вид птицы. Ворона североамериканская. Питается опавшей листвой. Летает по прямой. Представляю булавки с красными головками, воткнутые в карту США. Мужчин в рубашках с короткими рукавами, а Сэма — с длинными. Он отличается от людей, пытающихся ему помочь. Они не нуждаются в справочниках, чтобы определить социальное происхождение Сэма. Богатый и слабый. Образованный, но не слишком умный. А дураков и в церкви бьют... Ну вот, я опять за свое. Всегда думаю о худшем.

Разговаривают двое преступников, но один из них главнее. Я проводила ночи с ними обоими. Теперь мы с Сэмом на равных. Преступник из «белых воротничков» и плохая девчонка, жена из богемной среды. Наконец-то у нас появилось что-то общее. Наконец-то выяснилось, что ничего лучшего он не заслуживает. Может быть, именно поэтому он и женился на мне? Почувствовав, что мы с ним два сапога пара, правое и левое крыло, поэт и сценарист, политик и сборщик средств? Сознавал ли Сэм, что в нем есть червоточинка, темное пятно на душе, и искал себе ровню? У меня приподнимается уголок рта: что есть, то есть. Можно спорить сколько угодно, но это я знаю: чтобы нарушить закон, нужно быть сильным.

Он все еще говорит. Жестикулирует одной рукой, подчеркивая свои слова. Так наблюдают за людьми, разговаривающими в машине. Чувствуешь тон, но не слышишь слов. Он решителен и неуступчив. Качает головой: нет. Наступает пауза. Потом звучит короткая фраза, заканчивающаяся (во всяком случае, мне так кажется) трехсложным словом с отчетливым звуком «т» в последнем слоге. Моя девичья фамилия: Кар-ринг-тон.

Он кивает, бросает еще одно слово и закрывает телефон.

Похоже, после этого разговора Сэму придется давать объяснения. Наверняка у него в доме сидят полицейские и допрашивают. Что Он сказал Сэму? Какие дал указания?

Я нахожусь в месте, которое знают все. Дикие вороны, белки, еноты, олени. Ни с кем из них жить нельзя. Мы нуждаемся друг в друге по разным причинам: чтобы хранить домашний очаг, решать общие задачи, производить потомство и защищать друг друга от хищников, которые вторгаются к нам через дыру в потолке.

Он кладет телефон в карман, возвращается, садится на покрывало и начинает вертеть в руках травинку.

— Завтра? — спрашиваю я.

Он кивает.

Поднявшийся ветерок задирает край одеяла. Я вытягиваю ногу и прижимаю его. Хорошо сидим...

Наконец он говорит:

— Хочу задать вам один вопрос.

Я поворачиваюсь к Нему и поднимаю бровь.

— Почему вы это сделали?

— Я... э-э... знала, что это испортит имидж Сэма. Он хочет, чтобы все считали его главой образцовой семьи.

— Я не о том. Почему вы вели такую жизнь? Почему жили с мужчинами, которые вас не стоили?

— Наверно, потому что не могла сказать «нет».

— Значит, вы делали это не по своей воле?

Ирония судьбы. А кто судья? Человек, который украл и увез меня.

— Нет, — улыбаюсь я. — По своей. Но я была молода.

— Все мы были молоды.

— Я все еще тосковала по отцу. Так говорят психоаналитики. Стремилась найти себе защитника, но раз за разом делала неправильный выбор

— Теперь вы относитесь к этому по-другому?

— Мне нравилось думать, что если с мужчиной можно провести одну ночь, то с ним можно провести и год. Я могла влюбиться в человека за то, как волосы падали на его щеку. Когда я смотрела на него, то больше ни о чем не думала.

- Вы чересчур романтичны.
- Уже нет.
- Конечно, Сэм знал о Дэвиде?
- Это было частью моего имиджа.
- Таинственной женщины?

Я качаю головой и поправляю:

— Я была товаром. Вступала в сделку. Это справедливое возмездие за связь с самым никчемным мужчиной на свете.

— Вы слишком строги к себе, — говорит Он.

Я замечаю в его улыбке что-то новое. Даже мне, журналисту, трудно подобрать для этого подходящее название. Задумчивость. Лукавство. Соедините их вместе, и вы получите нечто совершенно неожиданное. Приязанность.

Рождество с Джейми, Джулией и Джордан. Три красные меховые курточки с капюшонами на деревянных санках. Девочки совсем маленькие; просто чудо, что они улыбаются одновременно.

Потенциальная новая няня, с которой я беседую в университетском кафетерии, подносит фотографию к свету и прищуривается.

— Два мальчика и девочка? — спрашивает она.

— Все девочки, — улыбаюсь я.

— С именами мальчиков?

— Ну и что? Сейчас в моде унисекс.

Девушка пожимает плечами, и я тут же проникаюсь к ней ненавистью. Черт побери, как она собирается называть собственных детей?

— Продолжать не собираетесь? — спрашивает она.

— Что продолжать?

— Сами знаете. Стараться родить мальчика.

Я ей отказываю. Без объяснения причин.

Хижина меньше, чем коттедж номер семь. В ней есть два спальных мешка, морозильник и свечи. Он хочет зажечь их, и я пугаюсь. Хижина выстроена из старого де-

рева, если она вспыхнет, то сгорит дотла за несколько секунд.

— Не надо, пожалуйста, — говорю я. Он отказывается от своего намерения.

Дверь хижины открыта, и я вижу появляющихся и исчезающих светлячков. Когда-то отец говорил мне, что они играют в прятки. Поздно вечером мы сидели с ним на лужайке, дышали свежим воздухом и следили за их игрой.

Он наблюдает за мной.

— Хотите посидеть снаружи?

— А как же ваш босс?

— Он далеко.

Мы снова берем сложенное одеяло и босиком идем на открытое место. Полная луна светит так ярко, что я вижу кору на стволах деревьев. Сверчки поют серенады лягушкам. Над нами цветет жимолость. Я вдыхаю аромат нашей последней ночи.

— Я хочу у вас кое-что выяснить, — говорю я.

— Спрашивайте.

— Почему вы взяли меня, а не Джейми?

— А почему вы попросили меня об этом?

Оба вопроса справедливы, но сейчас Он лукавит. Появляется и исчезает. Берет пример со светлячков?

— Я спросила первой, — говорю я.

— Я подумал, что вы будете лучшей компанией.

— Я серьезно!

Он тяжело вздыхает.

— Моя жена... — Наступает долгая пауза.

Я жду.

— Моя жена работала в этих лабораториях и умерла одной из первых. А поскольку ваш муж... ну, это казалось мне справедливым.

Она могла быть одной из тех женщин, которых я видела на видеокассетах.

— Когда это случилось?

— Почти два года назад.

— Мне очень жаль.

Я смотрю в сторону, но чувствую, что Он пожимает плечами.

— Она была беременна, — негромко добавляет Он. — На восьмом месяце.

У меня перехватывает дыхание.

Я была права: у Него лицо отца. Это лицо горело от гнева, когда он рассказывал о том, как Сэм набирал работников в трущобах. Я и моя маленькая семья действительно были ни при чем. А при чем были Он и Его маленькая семья. Я замечая, что Он смотрит куда-то вдаль. Желание вернуть Его сильнее моего страха.

— У меня был ребенок от Дэвида, — шепчу я.

Я думала, что если об этом говорить тихо и редко, оно перестанет быть правдой, и скрывала это от подруг, врачей, коллег. Но сейчас мои слова отдаются эхом в холмах. Все обитатели ночного леса оборачиваются ко мне и ахают, не веря своим ушам. Женщина, самка другого вида, повернулась спиной к своему детенышу!

Он стремительно поворачивается ко мне, моргает и понимающе вздыхает. Больше всего душа болит за собственного ребенка.

— Когда? — хрипло спрашивает Он.

— Пятнадцать лет назад.

— Он?..

Я откашливаюсь.

— Не знаю.

— Как?

— Меня направили на работу в Париж, — начинаю я. — После репортажей из Пакистана я получила кучу предложений в Европе. Деньги предлагали приличные, нанять хорошую няню в Париже не проблема, и мы с Дэвидом решили поехать. Но там я познакомилась с другим мужчиной, тоже журналистом, и... Ну, в общем, у нас с Дэвидом произошла страшная ссора. Он разгромил гостиничный номер. Я улетела в Штаты, взяв с собой ребенка, и сменила несколько городов. Через месяц ко мне приехал тот мужчина из Парижа. Его звали Пьер. Но... Дэвид нашел нас. Однажды ночью, когда Пьера не было.

— И забрал ребенка? — мягко спрашивает Он. — Дэвид?

С моих губ срывается стон. Я медленно киваю. В конце концов, Он сам похититель и знает, что конечной целью каждого похищения является выкуп.

Слезы катятся градом, и я ловлю их ладонями. Он протягивает руку и прикасается пальцем к шраму на моем правом запястье.

— Он ранил вас? — Это наполовину вопрос, наполовину утверждение.

Я поднимаю голову и смотрю Ему в глаза. Неужели это написано у меня на лбу? Неужели один мужчина с пистолетом тут же понимает, что мог сделать другой?

— Расскажите. Может быть, вам станет легче, — говорит Он.

Я вытираю слезы.

— Он залез в окно спальни. Когда я увидела пистолет, то...

Он ждет. Я глотаю комок в горле, делаю глубокий вдох и шепчу:

— Я побежала к кровати и схватила ребенка. Ему не было и двух лет. И тут я...

— Что?

— Совершила ошибку, — всхлипываю я.

— Клер, мы все совершаем ошибки.

Я смотрю в небо, потом на Него и с трудом выдавливаю:

— Никто не сделал столько ошибок, сколько я...

— Рассказывайте.

— Я не убежала. Хотя должна была сделать именно это. Взять ребенка и убежать.

— А что вы сделали?

— Держала ребенка перед собой, как... как щит.

Я прижимаю руки к лицу с такой силой, словно хочу задушить себя, и говорю:

— Дэвид любил его. Меня ненавидел, а его любил! Разве я могла подумать... Мне и в голову не пришло...

— Вам не пришло в голову, что он может выстрелить в собственного сына?

Я яростно мотаю головой, хватаюсь за кольца на моем ожерелье и считаю их, как считают древесные кольца. Четыре золотых кольца.

— Клер, я...

— Я держала его вот так, — говорю я. Складываю руки и показываю. — Правой рукой за ножки. Пуля пробила мою руку, потом его ногу, и я...

— Вы уронили его.

Ни говорить «да», ни кивать не требуется. Самый красноречивый ответ — мои слезы.

— Дэвид выбежал с ним в дверь. Из ноги мальчика текла кровь. Не знаю, жив он или мертв, — хрипло говорю я. — Хромает он или парализован...

— Вы пытались найти его?

— Да. Да, пыталась. Но полицейские... оказались бес-
сильны.

Я была уверена, что они скорее наведут Дэвида на мой след, чем меня на его. Впрочем, я до сих пор пользуюсь услугами частного сыщика.

Светлячки вспыхивают и гаснут, на короткое время освещая дерево или полоску летней травы, зеленой даже в темноте.

— Вот теперь все встало на свои места, — говорит Он.

— Вы о чем?

— О предложенной вами сделке. Сэм не мог рисковать. Если бы стала известна ваша девичья фамилия, Дэвид нашел бы вас и девочек. Ни его родители, ни имидж тут ни при чем.

— Да... Вы сердитесь на меня?

Он обнимает меня за плечи и привлекает к себе. Мы сидим бок о бок, его левая ступня касается моей правой. Я чувствую прикосновение чистых смуглых пальцев с аккуратно подстриженными ногтями. Это руки не преступника, а фельдшера, потерявшего жену и ребенка.

Мы долго сидим, прижавшись друг к другу, и всматриваемся в темноту так пристально, словно надеемся отыскать потерянное в ночных тенях.

— Мне очень жаль, — наконец говорит Он.

— Это не ваша вина, — шепчу я в ответ. — А моя. Только моя.

* * *

Мне снится Сэм. Во всяком случае, во сне его зовут Сэмом, и живет он в доме, в котором живем мы с Сэмом. Но это образ собирательный, который часто появляется в женских журналах. У него вихор и короткий нос Сэма, маленькие уши моего старого профессора и лохматые светлые брови того бармена, которого я поцеловала во время медового месяца. Он выглядит очень естественно, а не причудливо, как в журналах (несмотря на их попытки создать противоположное мнение). Мускулистые предплечья моего учителя игры на скрипке и стройные голени моего адвоката, записного танцора, заканчиваются удивительно красивыми кистями и ступнями. С длинными пальцами и чистыми, ровно подстриженными ногтями. Смуглая кожа. Его. И моя.

Я просыпаюсь и вижу, что еще темно. Конечно, Он ушел еще до того, как я открыла глаза.

За окном светит луна, более яркая, чем костер или фонарь.

Одеяло расстелено на траве. Он лежит, опершись на локоть, бодрствует и смотрит на луну.

Я снова залезаю в спальный мешок и мгновенно засыпаю. Мой сон сторожит лучший в мире телохранитель. Я еще никогда не чувствовала себя в такой безопасности. И больше никогда не почувствую.

СУББОТА

Утром на покрывале лежат бруски гранолы, пакетики с изюмом и бутылки с водой. Он извиняется за отсутствие чая, разжигать костер рискованно. Пока.

Обе машины исчезли. Я понимаю, что мы в лесу не одни. Один человек не мог бы увести две машины, уничтожить или спрятать их и вовремя вернуться в глушь. Я достаю из пакетика изюм и рассеянно ем. Конечно, можно спросить. Он ответит, но какая разница?

Еще рано, птицы поют всюду. Мы по очереди ходим в кусты и заканчиваем трапезу, сидя на одеяле. Он вынимает из кармана колоду карт, и мы играем в «королей в углу», «червы» и «вертел». По очереди выигрываем и проигрываем, притворяясь, что переживаем. Ведем себя вежливо и деликатно, как присутствующие на похоронах, боящиеся неизбежного расставания.

После игры в карты я учу его плести венок из ромашек. Он свистит на травинке. Какие мы умные, думаем мы, улыбаясь друг другу. Но что дальше? Есть деревья, на которые можно влезть. Ветки, на которых можно повисеть. Можно прогуляться по лесу, назвать каждое растение по-английски и по-латыни, определить какие из них съедобные, а какие ядовитые. Можно взять в руки прутик и пойти туда, куда он укажет: к воде, к убежищу, куда угодно. Можно все.

Больше не думается об ударе молнии, лесных пожарах, выстрелах и побоях. Мой глаз зажил, возможно, мозг тоже. Может быть, Он научил меня уму-разуму?

Я спрашиваю, как будут доставлены деньги, представляя себе чемодан или пластиковый пакет. Но Он тут же опровергает мои домыслы: деньги будут переведены по электронным каналам на некоммерческий счет в Мексике. Я думаю о том, как современные технологии изменили похищения: «МэпКуэст», «Гугл», банковские операции в режиме «онлайн», три параллельных канала. Но кое-что никогда не изменится: кляп, повязка на глазах, наручники, телефон. Это основа основ, когда похищение совершают шестерки.

Он смотрит на часы.

— В нашем распоряжении чуть больше часа. Чем вы хотите заняться?

— Покататься на коньках, — говорю я.

Он смеется.

— А потом?

— Посмотреть кино. Прочитать журнал. А вы?

— Я бы с удовольствием половил рыбу, — улыбается Он.

— Можно заморозить рыбу, а потом покататься на коньках.

— Да.

Мы сидим на одеяле и говорим о местах, в которые не можем попасть. Он рассказывает о рыбалке, океане и прибое, ловле скумбрии, паруснике, о поездках с друзьями по Мексике. Говорит, что туристы не знают хороших мест. Рыбалку он описывает красочнее, чем когда-либо это делал Сэм.

Я вспоминаю о том, как Элли посоветовала Сэму дать мне — уже сорокалетней — несколько уроков катания на коньках, о том, какой лед гладкий, и о том, как я радовалась, когда научилась делать вращение. Так, словно выиграла Олимпийские игры.

Он снова смотрит на часы и говорит:

— У меня есть что почитать.

— Где?

Он идет в хижину и возвращается с почтой. «Страж». Два каталога. Телефонный счет. Маленькая посылка с грифом «ФедЭкс».

Я смотрю на даты и адреса. Фамилии моя и Сэма.

— Когда вы это получили?

Он пожимает плечами.

Газета за прошлую субботу. В тот день я поленилась разобрать почту. Я бегло просматриваю «Страж», пытаюсь найти что-нибудь важное: террористические акты, пригородные маньяки, приставания к детям. В нижней части шестой страницы заметка, занимающая два квадратных дюйма: «Детский труд на озере Норт». Я со свистом втягиваю в себя воздух. Вот оно: дети, мебель, семейные мастерские. Представители Управления по технике безопасности и санитарии ведут расследование. Интересно, читал ли это Майкл? Шляпа!

Я тяжело вздыхаю и начинаю листать каталоги: один посвящен кухонной утвари, другой — тканям домашнего производства. Наверно, там узнали, что мы перестраиваем дом.

— А почему вы не открываете посылку? — спрашивает Он.

— Она адресована Сэму.

Он поднимает бровь.

Я смотрю на человека, который вскрыл чужой световой люк. Что значит по сравнению с этим какая-то посылка?

Снимаю обертку, из которой выпадает синяя коробочка от Тиффани. Подбираю ее и держу на ладони.

— Откройте, — говорит Он.

— Скорее всего, это шуточный подарок, — говорю я. — Однажды он положил в коробку красный пластмассовый домик из игры в «монополию» и записку: «Улыбайся. Я скоро вернусь».

— Открывайте.

Я поднимаю крышку. Внутри лежит браслет, украшенный перегородчатой эмалью. Я моргаю, закрываю коробочку и беспомощно смотрю на Него.

— Наверно, у Сэма роман...

— Может быть, это подарок к вашему дню рождения, — осторожно отвечает Он.

— Но до него еще месяц.

— Да.

Я качаю головой.

— Он завел подружку, — более убежденно повторяю я. — Наверно, она скоро родит и он хочет сделать ей подарок.

— Будем надеяться, что это не его секретарша, — говорит Он. — Сука первостатейная.

Я хохочу.

— В чем дело?

— В вашей фразе. Вы стали выражаться, как настоящий американец.

— Боже упаси!

Он забирает газету, складывает из нее треуголку и надевает мне на голову.

— Улыбнитесь, — говорит Он. — Скоро вы будете дома.

Он встает, отходит метров на шесть в сторону и вынимает из кармана второй сотовый телефон. Я слышу Его и не слышу. Он дает указания и инструкции совсем другим тоном, чем разговаривает со мной.

— Подождите! — кричу я.

Он поворачивается и прикрывает микрофон рукой.

— Скажите Сэму, — решительно говорю я, — что не вернете меня, если он не скажет, какого цвета у меня глаза. И что я кладу в чай.

Он смотрит на глупую женщину, которая сидит на одеяле, трогает пальцем новый браслет и пытается понять, что это значит.

Я смотрю на светло-голубое небо и вижу на нем облачка, слишком маленькие и жидкие, чтобы нести в себе серебряную стрелу. Да, это все, чего я хочу. Хочу получить то, что искала всю жизнь. Чтобы меня знали. И любили так же, как когда-то любила я. За одну-единственную прекрасную черту.

Он поворачивается ко мне спиной, и я не понимаю, о чем идет речь. Может быть, Он проигнорировал мою просьбу. Может быть, задал вопрос и Сэм ответил правильно. Через несколько минут Он возвращается и говорит, что пора ехать.

Он стоит в хижине и собирает вещи. Кое-что кладет в рюкзак: спички, фонарик, веревку, воду. Я не знаю, что уже лежит там; вижу только то, что Он кладет. Потом Он выводит меня наружу и показывает на лес.

— В сотне метров отсюда есть камень шириной метра в полтора. — Там вы будете ждать.

— Камень, — говорю я.

— На нем будут лежать пластиковый пакет с водой, еда, одеяло и компас.

Я начинаю дрожать.

— Но они вам не понадобятся. Это так... на всякий случай...

— Ладно.

— Я отведу вас туда, потом вернусь и перед уходом подожгу хижину. Так что не бойтесь, когда увидите огонь.

— Но ведь кто-то увидит дым.

— Да.

— А как же вы?..

— За меня не волнуйтесь. Сейчас вам нужно волноваться за себя.

«Волноваться». Это мое слово. Пора волноваться. Мне дали разрешение. Все предыдущие годы были только тренировкой.

Мы идем в лес. Земля еще не просохла от дождя, шедшего все последние недели. Сосны и шалфей покрывают капельками росы.

Камень плоский и широкий, как двухместный диван. Я кладу на него ладонь и ощущаю холод.

Как Он и говорил, у камня стоит пластиковый пакет с едой и водой.

Мы останавливаемся и молчим.

— Что сказал Сэм? — наконец спрашиваю я.

— Сэм?

— О том, какого цвета у меня глаза.

Он дважды моргает, собираясь с мыслями.

— Сэм сказал, что ваши глаза меняют цвет в зависимости от того, что находится рядом с вами. Например... Голубое платье. Грозовое небо. Светло-зеленый Индийский океан.

Из моих разноцветных глаз текут слезы. Я вспоминаю все фотографии, лежащие в коробке. Выходное голубое платье с длинной юбкой, серые тучи над горами Калифорнии, зеленый грот в окрестностях Перта, где мы ныряли с трубкой...

— Вы видели ее, — говорю я. — Она у вас. Моя коробка.

— Да, — отвечает Он. — Мой... э-э... босс очень тщательно обыскал вашу спальню.

— Он тоже был там? Когда?

— Той же ночью, но позже.

— Мои девочки, — говорю я. — О боже...

— Они спали. Он был только в вашей комнате. Нас интересовал секретер Сэма.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, — чересчур поспешно отвечает Он.

Я киваю и вытираю слезы.

— Значит, вы уже все знали? Все, что я вам рассказала?

— Нет. Я просто... посмотрел на несколько фотографий. И понял, что имел в виду Сэм.

Я не знаю, верить Ему или нет. И в этом, и во всем остальном. Почему я должна поверить Ему именно сегодня, если всю неделю этого не делала? Теперь Он спотыкается на каждом слове. В точности как Сэм, когда девочки спрашивают, надолго ли он уезжает. Ненадолго, отвечает он. Вы и глазом моргнуть не успеете. Ложь смешивается с добротой до тех пор, пока не начинает выглядеть красиво.

Он берет мою руку и сует в нее ключ. На зеленой пластмассовой табличке написано: «Номер 7».

— Ваша коробка стоит под моей кроватью, — говорит Он. — Положите ключ в карман и никому не говорите, что он у вас есть и где мы были, иначе они придут туда первыми. Помните, что я пообещал все сказать Сэму с одним условием?

Я киваю.

— Вот мое условие. Вы расскажете дочерям.

— Что расскажу?

— Все.

Я качаю головой.

— Они возненавидят меня. Подумают, что я слабая. Подумают, что когда-нибудь я брошу и их тоже.

— Вы обязаны сказать им правду, — говорит Он.

Я трогаю пальцем ключ, не смея смотреть Ему в глаза.

— Какую правду?

— Что вам пришлось уйти. Пришлось уйти, чтобы найти подходящего человека, который мог бы стать их отцом.

Я хлопаю глазами.

— Вы думаете, что Сэм — подходящий человек?

— Но он ведь хороший отец, верно?

Он говорит это почти со злобой, потом делает несколько шагов в сторону и начинает собирать хворост. Скоро Его руки оказываются занятыми; тогда Он молча снимает с себя рубашку и кладет сухие ветки в нее. Какие слова, сказанные Сэмом во время краткой беседы, могли превратить Его в поэтичного защитника моего мужа? Что Он видел со своего наблюдательного поста? Какой намек я Ему дала?

— Сэм действительно сказал так о моих глазах? — спрашиваю я.

— Да.

Я надеваю браслет на запястье. Он достаточно широк, чтобы скрыть рубцы от веревки.

— И, — добавляет Он, — ваш муж сказал, что у вашей младшей дочери глаза того же цвета.

Я улыбаюсь.

— А что он сказал про чай?

— Гм-м...

Я смотрю в Его глубокие темные глаза, пытаюсь понять правду и жду.

— С этим у него были проблемы, — говорит Он.

И тут мы оба смеемся. В последний раз.

Он снова связывает мне руки и ноги. На сей раз узлы не такие тугие. Просторные, как мой браслет. Если я потру веревку о камень, то наверняка смогу освободиться. Терпение и труд...

Ему пора уходить. Идти за бельем или завтраком уже нет нужды. Наша последняя совместная трапеза прошла, а я даже не помню, что ела.

Я смотрю на хижину и представляю себе, что она горит.

— Не знаю, как вам удастся ускользнуть, — говорю я.

Он улыбается и отвечает:

— Я привык к лесу.

— Леший из Мексики?

Мы улыбаемся, но не смеемся. Как будто боимся разбудить птиц, спящих в кронах деревьев. Когда я снова опускаю глаза, в них стоят слезы.

— Боюсь оставаться одна, — говорю я.

Он смотрит на меня и кивает. Ему это известно. Ему известно все. Он — мой последний Доктор. У него есть все записи, вся подробная история болезни.

— Есть один вариант... — тихо говорит Он.

— Я могу пойти с вами? — с надеждой спрашиваю я. Наполовину шутя, наполовину очень серьезно.

Именно так я и поступала все эти годы. Уходила от одного мужчины к другому. Убегала. Чтобы не остаться одной.

Я тяжело дышу. Говорю себе, что меня ждут дети. Что скоро за мной приедет полиция. Мое одиночество будет временным.

— Ладно, — говорит Он, — я могу остаться и проверить...

— Завяжите мне глаза, — внезапно говорю я.

— Что?

— Я смогу сказать, что все время была с завязанными глазами, а в ту ночь было темно, и я не сумела толком вас разглядеть.

Он хлопает глазами.

— Я скажу, что не могу описать вас. Они поймут это и не станут приставать ко мне.

— Нет.

— Почему нет? На «поляроиде» глаза у меня были завязаны. Это вполне правдоподобно.

Он качает головой.

— А если что-нибудь пойдет не так? Если вам понадобится?..

— Все будет в порядке.

— Вы не сможете двигаться, не сможете видеть. Вдруг у вас начнется приступ паники?

— Ничего, переживу, — отвечаю я. И верю в это.

Он отрывает от подола своей майки полосу шириной сантиметров в семь-восемь и завязывает мне глаза. Полоса еще пахнет мылом после душа, который он принял в коттедже номер семь. Мыло. Пыль. Красное дерево. Отныне каждый мотель будет напоминать мне о Нем.

Он берет меня за руку и бережно ведет к камню.

— Вы услышите, как я ухожу, — говорит Он. — И как за вами приедут. Это не займет много времени. Даже здесь, в...

— В Мид-Каунти? — перебиваю я.

Я услышу, как брякают пистолеты в их кобурах, как стучит спасательный инвентарь в их рюкзаках. Эти

звуки будут другими, совсем другими, чем звуки Его ухода.

Я слышу, как Он стоит рядом и пытается проглотить комок в горле.

— Спасибо за идею с повязкой, — говорит Он. — Я... Простите, что мне пришлось причинить вам боль. И...

Он запинается. В моем перечне остался еще один пункт. Наконец дошла очередь и до него.

— Я буду скучать о вас, — говорю я.

Повязка намокает от слез.

Я чувствую приближение объятия, слышу негромкий шелест, с которым Он разводит руки, и это, наконец, происходит. Руки у меня связаны, но я кладу голову в нежную впадину между Его шеей и плечом. Его щека и подбородок такие гладкие, словно Он специально побрился ради меня. Его губы слегка касаются моих волос. Или это мне только кажется?

Он отпускает меня и делает шаг назад. На повязку падает тень пальцев, поднимающихся, чтобы вытереть мои слезы. А потом я слышу, как он вытирает глаза. Отец точно также вытирал глаза обеими руками.

Он отходит в сторону, и сразу становится холоднее.

Я собираю все силы, чтобы не окликнуть Его. Не сказать: «Не бросайте меня».

С минуту Он стоит рядом и наблюдает за мной. Слышно Его дыхание.

— Клер, потерпите еще немного, — говорит Он. — Одиночество вам больше не грозит.

Смысл Его слов доходит до меня только через некоторое время. Это прощальный подарок.

Сэм больше не будет уезжать по делам.

Он вернул мне мужа.

Я не единственная в семье, кому снятся дурные сны. Мои дочери тоже часто видят их. Только их мучают не леденящие душу подробности — серебряный нож, холодные зеленые глаза, стена оранжевого пламени. Нет. Они прибегают ко мне в слезах и поту, напуганные более общей картиной, персонажами и сюжетом. «За мной

гнался какой-то человек». «Меня укусила собака». «Я упала».

В воскресенье — еще до того как я разобрала почту, и взломали световой люк — меня позвала Джулия. Она прошла в мою пустую спальню, потом вернулась к себе и с плачем остановилась в дверях. Дочь не знала, что я была внизу и собирала чемодан в этот неурочный час.

— Что такое? — мягко спросила я, поднявшись по лестнице. Как будто не знала этого заранее. Потом обняла ее, отнесла в кровать и велела подумать о чем-нибудь хорошем. Например, о мороженом, о мягких, пушистых облаках... Не о яде. Не о громе. Не о шагах на лестнице, не о свисте плетки в воздухе. Ни о чем таком.

Я лежу с ней рядом, обнимаю и молчу о том, что хочу сказать: «Мне тоже страшно. Я ненавижу дождь. Папа всегда бросает нас. Я видела сон, что меня душит человек с жирными волосами и горящими глазами».

Она сказала сквозь сон, но когда я ответила ей, сна у меня не было ни в одном глазу.

— Мама, не уходи от меня. *Останься.*

— Ладно, — прошептала я.

Еще одно пустое обещание. Я надеялась, что утром она забудет его, как сон. Но утром она проснулась, а мама ушла. Ушла по-настоящему.

Слышится пронзительный птичий крик и шорохи. Представляю себе белок, шныряющих возле плоского камня, оленя и кролика, наблюдающих за мной из чащи. Спустя несколько минут до меня доносится гул вспыхнувшего огня. Я действительно ощущаю его тепло или это мне только кажется?

Мне чудится высокое и широкое оранжевое пламя. Сожжет ли оно след, который ведет от Его жизни к моей?

Я закрываю глаза под повязкой и сосредоточиваюсь. Но перед моим умственным взором предстают не пульсирующие вены и дрожащие руки. Я вижу, как Он прокладывает себе путь через лес, бежит к ручью и переходит его вброд по колено в воде. «Катласс» припаркован на обочине дороги у самой широкой части реки. Босс

ждет Его с удочкой в руках, притворяясь, что ловит рыбу. Мой мокрый похититель залезает в машину, и они через Мид-Каунти едут на юг. В течение всей поездки Он сидит на моем месте.

В небе слышен стрекот вертолета. Я инстинктивно выгибаю шею. Предусмотрел ли Он это?

Они висят надо мной, но не снижаются. Наблюдают. Металлическая дозорная башня с винтом.

Потом ко мне осторожно приближаются спасатели. Окликают меня по имени, словно прибыли не за избитой и связанной женщиной с повязкой на глазах.

Я поворачиваюсь в их сторону, но молчу. Пусть думают, что мне заткнули рот, опоили наркотиками, запугали. Они неумело снимают веревки: толстые мозолистые пальцы, грязные ногти. Он связывал меня не так больно, как они развязывают. Я хочу крикнуть: «Он стоит десятка таких, как вы», — но сдерживаюсь. Спасибо и на том, что у них хватило ума меня найти.

Они бомбардируют меня вопросами, на которые я не отвечаю. Веду себя так, словно нахожусь в шоке. И это верно. Но шок вызван не тем, что меня бросили в лесу, а тем, что меня нашли эти грубые люди, которые говорят, но не слушают и прилетают в вертолете вместо того чтобы идти по следу с собаками.

Я провожу с ними несколько часов. Стенографисты, художники, сыщики. Они кормят меня галетами, поят минеральной и содовой. Дают передохнуть и допрашивают снова. Но мне почти нечего сказать.

— Где Он вас держал?

— Не знаю, у меня были завязаны глаза.

А они не отвечают на мои.

— Вы нашли Его?

— Где Он?

— Какой Он?

— Вы нас спрашиваете? — фыркает кто-то из них.

Я бросаю на него злобный взгляд. Ладно. Пусть думают самое худшее.

Они сдаются и вздыхают. Смотрят на меня так, словно я разбитая машина, которую придется чинить сверхурочно.

— Мы пытаемся помочь вам, — говорит один из них.

— Вы могли бы делать это немного повежливее. И обаятельнее.

— Обаятельнее? — У него отвисает челюсть.

Говоря это, я думаю о Сэме. О том, кому белозубое обаяние заменяло все на свете: деньги, знания, ум. О Сэме, который помнил шутки, но забывал дни рождения. О Сэме, который одной рукой щекотал девочек, а другой искусно менял им бинты.

— Нет ничего полезнее обаяния, — высокомерно отвечаю я.

Перед отправкой домой дежурный дает мне полотенце и позволяет умыться в туалете участка. Мое украшенное синяками лицо, как у боксера, осунулось, но не стало старше. Я смачиваю белое полотенце и прикладываю его к лицу.

Щеку царапают выпуклые буквы, и я быстро отвожу его.

На полотенце вышито: «Полиция Мид-Каунти».

Патрульная машина привозит меня из Мид-Каунти на мою улицу, в мой квартал, на мою подъездную аллею. Строительный мусор убран. Каменный забор греется в лучах закатного солнца. Цветы цветут, кусты и деревья зеленеют. Их недавно полили. Видно, Сэм кого-то нанял.

Мы подъезжаем к дому. Рамы выкрашены, ступеньки подметены, мусор вынесен. Так чисто у нас еще не было.

Патрульный открывает дверь машины, на крыльцо выходит Сэм. Он улыбается, но выглядит усталым. Я жду запаха пота, грязи и плесени. Жду, что он обнимет меня одной рукой, причем не слишком крепко. Но он большой и сильный: он обхватывает меня обеими руками, привлекает к себе, стискивает так, словно боится, что я вырвусь и исчезну, и прижимается губами к моим распухшим щекам.

Через несколько минут, когда мы отрываемся друг от друга, я замечаю, как чисто он выбрит, как его волосы сияют на солнце. Сэм приглаживает их своим обычным

мальчишеским жестом, но я вижу седые прядки, которых там раньше не было.

Я открываю рот, собираясь задать ему миллион вопросов, но молчу. Внезапно на меня наваливается усталость. Страшная усталость.

— Тебе нужно поспать, — говорит он.

Я киваю.

Он открывает дверь, и я слышу как по коридору бегут босые детские ноги. От этого звука я никогда не устану, где бы его ни слышала: на склоне травянистого холма, на лестнице начальной школы, на полосе аэродрома после семестра, проведенного за границей. Это звук возвращения.

— Все закончилось, — говорит он. И тут до меня впервые доходит, что он прав. Совершенно прав.

Март 1991. На дне Коробки лежит, возможно, самая удачная из моих фотографий. На ней все правильно: яркие цвета, радостные выражения лиц. Невозможно смотреть на нее и думать о плохом.

Небо голубое. В красном «универсале» сидят Дэвид и светловолосый пятнадцатимесячный мальчик. Глаза орехового цвета, которые Дэвид считает своими, а я — глазами своего отца, сияют. Мой сын возбужден: «Быстрее, папа, быстрее, еще быстрее!» Его полусогнутые пухлые пальчики слегка смазаны. Фотографию так и хочется вставить в рамку. Когда я каждый год смотрю на нее в день его рождения, то радуюсь, что он смотрит не на меня и тянется не ко мне. «Он любил отца», — говорю я себе.

Но на фотографии не видны синяки на запястье руки, в которой я держу фотоаппарат. Нет на ней и пустых бутылок в мусорном баке, оставшихся после одного из запоев Дэвида. На другом борту «универсала» желтые буквы с завитушками, которые я написала сама, с помощью баллончика.

«ДЖЕСС».

Как обычно, я не могу уснуть. Нет, я не боюсь. Просто сон не приходит. Вся моя усталая и счастливая семья спит мертвым сном. Только не я.

Сэм приготовил роскошный обед. Аляскинский лосось. Мой любимый. Неслыханная для него трата. Особенно теперь, когда наш банковский счет на нуле. Девочки не спускали с меня глаз. Сидели на полу ванной, когда я принимала душ. Сомневаюсь, что у меня когда-нибудь появится возможность спокойно принять ванну.

Я спускаюсь вниз, чтобы сделать глоток воды, а на обратном пути останавливаюсь.

Световой люк в потолке над лестничной площадкой... Сэм гордо сказал мне, что лично проверил и починил его. Он же полил растения и подмел дорожку. Новый Сэм, занятый домашними делами. Виноватый, усталый. Не загорелый. Я представляла его себе более смуглым и слегка опасным. Долгая профессиональная подготовка оставляет на мужчинах неизгладимый след. Нет, он был таким бледным, что казался хрупким. Как будто пробила наружу его мальчишеская сущность. И тут до меня с опозданием доходит: Сэм бледен только по сравнению с Ним.

Я сижу на последней ступеньке, смотрю вверх, но не вижу ни звезд, ни луны. Ничего.

В конце концов, можно сказать, что Он душевнобольной. Мстительный, склонный к насилию. Можно сказать, что человек, способный украсть ребенка, недостоин называться человеком. Но так поступил бы только тот, кто выбирает из всех возможных вариантов развития событий наихудший. Потому что можно сказать и по-другому: Он выбрал меня. Он слушал меня. Он знал меня. Раньше я могла влюбиться в мужчину за одну-единственную привлекательную черту. Я до сих пор ломаю себе голову над тем, какая моя черта заставила Его отпустить руку Джейми и взять мою. Может быть, Сэм тоже полюбил меня за какую-то одну черту — не то за чуть неровные передние зубы, не то за ямочки на щеках, одна выше другой.

Нет, скорее всего, Он почувствовал мой гнев и отчаяние. Почувствовал, что я не позволю другому мужчине отнять у меня еще одного ребенка. Ни за что, никогда. Вот почему я ушла с ним.

Берберский ковер, на который я ложусь, кусает спину так же, как покрывало в седьмом номере.

Я думаю об отделении в шкафу, где раньше хранилась Коробка, а теперь лежит ключ от номера мотеля. Завтра я поеду туда и заберу то, что принадлежит мне. Возьму отвертку и выверну засов и цепочки. Положу их в бархатную сумочку, висящую на запястье. Заберу Коробку. На обратном пути съем бифштексы с помидорами и выпью чаю со льдом. Возьму газету, решу кроссворд и поищу новости о Нем так же, как я привыкла искать новости о Дэвиде и Джессе. Если они нашли Его, если там будет фотография, то займет свое место последний кусочек головоломки: Его имя. Это будет новое слово, светлое и легкое, наполненное гласными. По ночам я буду смаковать его, воображать, что произношу это имя с неловким акцентом, видеть поворот Его головы и блеск мелких белых зубов. Подходить к окну и знать, что Он там. Так же, как прежде.

Я встаю и иду к спальне, но останавливаюсь. Из комнаты Джордан доносится еле слышный вздох, а за ним другой, более глубокий, как перед прыжком в море. Я поправляю ей одеяло, приглаживаю светлые волосы и целую в потный лоб. Захожу к Джулии, а потом к Джейми. Кажется, что я всю жизнь бродила по этому кругу: от кровати к кровати, от одного легкого поцелуя к другому. Что я делала раньше, когда не могла уснуть? Куда ходила? Или мои прежние хождения вдоль квартала, по своей маленькой квартирке, от платяного шкафа к кухонной плите были все той же воздушной тропой, и я просто кружила над ними, дожидаясь посадки?

Едва я вхожу в комнату Джейми, как тут же догадываюсь, что девочка не спит. Во время сна она дышит глубже.

— Что, моя радость? — спрашиваю я.

— Не могу уснуть, — отвечает она. — Мне слышатся какие-то звуки.

Не спрашиваю, что это за звуки, не говорю, что это пустяки, не советую ей закрыть уши подушкой. Это мы уже проходили. Я сообщаю факты. Папа проверил све-

товой люк. Установил новую охранную систему. Если она хочет, то может спать в нашей комнате.

— Мама? — спрашивает она, как будто рядом с ней не я, а кто-то другой.

— Да?

— Помнишь, когда я еще не умела читать, вы с папой рассказывали мне на ночь сказки?

Конечно, помню. Этот обычай завел Сэм: он просил каждую девочку назвать двух персонажей и придумывал сказку с их участием. Джейми всегда выбирала одних и тех же героев: принцессу и умного лиса.

— Я люблю читать на ночь, — говорит она, — но иногда мне все еще хочется послушать сказку.

Я глотаю комок в горле и срывающимся голосом обещаю:

— Завтра. Завтра я расскажу тебе сказку. — Потом включаю свет в ванной и закрываю дверь спальни. Она засыпает еще до того, как я успеваю выйти в коридор.

Остекление. Эту стадию строительства не снять невозможно. Все призрачно, как ультразвуковое изображение эмбриона: видны только глаза и кости каждой комнаты, больше ничего. Кухню можно представить себе только мысленно: светлые полки, зеленый кафель, серебристые приспособления, напоминающие оборудование космического корабля. Но пока здесь нет ничего, кроме окон, позволяющих окружающему миру вторгаться в интерьер. Наверху, в хозяйской спальне, три окна с видом на задний двор. Ни решеток, ни пуленепробиваемого стекла, ни свежей побелки, которая пачкает пальцы. Но если присмотреться внимательнее (впрочем, на фотографии этого не видно), то можно почувствовать в одном пролете стекла какой-то изъян. Его можно было бы обнаружить с помощью отвеса. Возможно, строитель заметил бы его, но полицейский — нет. Оптический прицел. Тот, кто вставил прицел изнутри, постарался сделать так, чтобы его не было видно снаружи. После чего мог входить в дом когда и сколько угодно. Для этого вовсе не нужно было лезть на скользкую жестяную крышу.

И кто мог знать, что длинная тень на газоне — это тень последнего нанятого для вставки окон мексиканца, который стоял и следил за тем, как я делаю снимок. Немного задержался, а потом пошел к своему взятому напрокат грузовичку?

Что Он успел заметить, собрать или изменить, пользуясь тем, что мы не обращали на Него внимания?

Все, кроме Джейми. Она знала, что видела Его раньше. Этот человек ходил под окнами ее матери при свете дня.

Дверь коттеджа номер семь открывается до смешного легко. Наверно, ее можно было выбить ногой. Сколько раз я могла это сделать? Дура, набитая дура! Я наступаю на ковер и останавливаюсь в темноте, окруженная цветами, которые помню не умом, а душой: оранжевый, зеленый, красное дерево.

Дорога заняла меньше полутора часов. Теперь мне не мешали веревка, кровь, страх, и найти Мид-Каунти не составило труда. Когда я остановилась у заставы и спустила стекло, чтобы заплатить сбор, то ощутила дуновение теплого ветерка. Пора отпусков... Я оставила свой «лендкрузер» на том месте, где стоял «катласс». В конторе мотеля было темно, на ней по-прежнему висела красная табличка «Есть свободные места».

Я щелкаю выключателем на стене, но свет не загорается. Щель между шторами стала шире и пропускает больше света. Его кровать застелена не так безукоризненно, как прежде, покрывало сбилося в сторону. Я поправляю его, обхожу кровать и включаю оранжевую лампу. Она ярче, чем мне запомнилось. Столб света взлетает вверх и освещает искристый потолок. Все светлые предметы начинают слепить глаза: пластмассовое ведро для льда, полотенца в ванной, остатки мыла.

Я сажусь на Его кровать и делаю глубокий вдох. Воздух пахнет чистотой. Чувствую, как в стоке ванны тают последние кусочки цвета слоновой кости, оставшиеся после принятого Им напоследок душа. Я улыбаюсь, думая о его мокрых темных локонах. Нет. Это невозможно.

Обвожу взглядом окна — большое в комнате и маленькое в ванной. Дополнительное стекло и железные прутья исчезли вместе с отпечатками пальцев. Специалист по окнам снял их так же легко, как и поставил. Комната, не менявшаяся годами, сумела дважды измениться за несколько дней.

Пролезаю между дверью и кроватью и приподнимаю кусачее покрывало. Там царит знакомый запах пыльного ковра, но стеганный ящик исчез. На его месте стоит Коробка, маленькая по сравнению со вмятиной, оставшейся на зеленом паласе. Когда я вытаскиваю ее, мой взгляд привлекает что-то более темное, чем ковер. Видеокассета. Одна из тех, которые лежали в Его сумке.

Кладу ее на ладонь и взвешиваю. На этой кассете номера нет. Не теряя времени, сую ее в Коробку с моими вещами. Когда я встаю, мои колени издают треск. Выключаю лампу, выдвигаю ящик тумбочки и проверяю, на месте ли Библия.

Да, Библия на месте. Как и пульт дистанционного управления. А что еще нужно путешественнику?

Я выхожу на улицу, сажусь в машину и несколько минут наблюдаю за признаками жизни. Кто ездит по делам среди ночи? Дальнобойщики, коммивояжеры, люди, которые рано встают, чтобы испечь хлеб или разнести газеты. Но никто не приезжает и не уезжает. Что изменилось? Я пытаюсь представить Его в мотеле другого города. Он не спит. Встает, выходит наружу, прислоняется к новой машине, пьет кофе из новой чашки. Детали меняются, но суть остается прежней. Думал ли Он обо мне, заполняя анкету постояльца и заказывая только один напиток и одно блюдо? Думал ли Он о сказанных им правдивых словах и невинной лжи во спасение?

Стоящий высоко в небе лунный серп — бледно-зеленый и такой яркий, что рябит в глазах. «Скажите джентльмену из седьмого номера, что я смотрю на луну. А он смотрит на луну?» Думаю, Ему понравилась бы история о том, как мы с Сэмом звонили друг другу. Я представляю себе Его голос: «Ваш муж не лишен по-

ложительных качеств». Он защищает Сэма, несмотря на то, что отнял у него деньги и жену. Я сижу в машине и улыбаюсь. Вот что такое знаменитое обаяние Сэма... Потом даю задний ход, выезжаю со стоянки и мчусь домой.

В доме тихо, если не считать негромкого жужжания кондиционера. Я вешаю на гвоздь ключи от машины и иду в гостиную. Вытаскиваю выдвижную полку со старым видеомагнитофоном «Ви-си-ар» и вытираю ладонью слой строительной пыли. Кассета тоже старая. Она двигается со скрежетом. Картинка то вспыхивает, то меркнет, словно хочет рассказать нам какую-то историю заплетающимся языком. Представляю себе, какими станут лица моих дочерей, когда я попытаюсь обрисовать главных персонажей фильма. Деревенские девушки, которым грозит опасность. А что сказать про остальных? Кто мы — герои или симпатичные злодеи?

На экране крупный план подпольных лабораторий сменяется общим, пока справа не появляется мужчина с каштановыми волосами. Он не проводит рукой по своим пышным волосам. И не улыбается одной половиной рта.

Потому что когда вы приглядитесь внимательнее и убедитесь, что не ошиблись, то поймете, что это не Сэм. Это Хью, партнер Сэма. Он килограммов на пять тяжелее и сантиметра на три выше. Я подношу ко рту здоровую руку. Так вот почему Сэм долго собирал выкуп: ему нужно было побеседовать с Хью! Хью умоляет не выдавать его, ни о чем не рассказывать Энн и детям. Значит, в понедельник Сэм должен был встретиться не с отцом, а со своим компаньоном. Хью поворачивается направо и кивает. Говорит с кем-то, стоящим за кадром. Виден лишь рукав синего блейзера и белый манжет. Это может быть кто угодно. В том числе и Сэм. Возможно, они участвовали в этом вместе? Если бы у меня были другие кассеты, я бы могла что-то понять. Расскажет ли Сэм все мне завтра или солжет? Коробка с фотографиями, стоящая у моих ног, отража-

ет всю мою жизнь, все начала, концы и болевые точки. Но на кассете все движется, все зыбко и непонятно. Она ничего не показывает. И ничего не доказывает. Ровным счетом ничего.

Кассета останавливается, но кассеты в моем мозгу продолжают крутиться. Если я позволю, они будут крутиться там вечно. Смесь любви и сомнения приводит к мании: Сэм виновен или невиновен; Джесс жив или мертв; Дэвид ищет нас или не ищет? Я могу остаться на месте и продолжать расследование. Могу уехать с дочерьми, взяв с собой только зубную щетку и одну смену белья. Могу жить в номере мотеля или в хижине и не вернуться назад, пока не получу ответ. Наверно, на это у меня сил хватит. Но нужно ли решать такие проблемы силой?

Я выключаю видеомагнитофон, иду к стенному шкафу и открываю его. Сумка Сэма висит рядом с моей. Они из одного набора, куплены одновременно, но его сумка выцвела и стала почти серой, а моя — по-прежнему черная и блестящая. Я трогаю пальцем бирку аэропорта, все еще прикрепленную к ручке его сумки. «СФО». Не Баия, не Мехико. Сан-Франциско. В последний раз он летал туда.

Возвращаюсь в гостиную, сажусь на диван и начинаю разбирать почту. Когда через много лет я буду сидеть на других диванах и снова и снова рассказывать эту историю моим дочерям и внукам, возможно, они лучше поймут ее смысл и последствия. Чего она мне стоила. Кого я отдала, а за кого ухватилась обеими руками. Отдала сына, но ухватилась за мужа и дочерей. И какой ценой заплатила за это.

Сверху доносится стук. Я не вздрагиваю. Крепко сжимаю в руке острый нож для разрезания конвертов, медленно выхожу в коридор, поднимаю голову и смотрю на световой люк.

В конце концов, я не убеждена, что это звук взлома. Я не знаю разницы между грозой, белкой и распахнувшимся окном. Между строительным рабочим и похитителем. Между мужем и вымогателем.

Но все же я знаю больше, чем неделю назад. Знаю важность мелочей, чистой одежды, ванны, светлячков. Знаю, насколько легче становится на душе, когда делишься своими секретами. Знаю, что мужчина станет убирать двор и одновременно жарить лосося только в том случае, если ждет возвращения того, кого любит.

И знаю еще кое-что: звука, раздавшегося наверху, можно не бояться. Пальцы, сжимающие нож, расслабляются. Просто кто-то из моих домочадцев идет по коридору. Толстый ковер заглушает скрип половиц. Я почти слышу, как кто-то трет кулаками сонные глаза. Кто-то проснулся. Кто-то устал. Кому-то что-то понадобилось, но я не знаю, кто это и что ему нужно. Мой дом тщательно перестроен, и теперь я понятия не имею, что в нем есть. Нужно, чтобы Сэм взял меня на руки, как когда-то брал нашу маленькую дочь, крепко прижал к груди, пронес по всем комнатам и назвал по имени — новому имени — каждую вещь, которая у нас осталась.

Келли Симмонс

СВЕТ В ПОТОЛКЕ

Выпускающий редактор *Н.П. Бахолдина*
Литературный редактор *Н.Б. Лурье*
Корректор *И.В. Успенская*
Технический редактор *С.В. Камышова*
Дизайн обложки *И.С. Белова*
Компьютерная верстка
ООО ТД «Издательство Мир книги»

ООО ТД «Издательство Мир книги»
111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6.

Отдел реализации:
тел. (495) 974-29-76, 974-29-75;
факс (495) 742-85-79
e-mail: commerce@mirknigi.ru

Подписано в печать 23.07.2007.
Формат издания 84 x 108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «BalticaC».
Печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 10,08.
Тираж 10 000 экз. Тип. заказ № 4717196.

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф».
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

